

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 2

2011

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2011

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайская государственная педагогическая академия
Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

О.В. Александрова (Москва), К.В. Анисимов (Красноярск), Л.О. Бутакова (Омск), Т.Д. Венедиктова (Москва), Н.Л. Галеева (Тверь), Л.М. Геллер (Швейцария, Лозанна), О.М. Гончарова (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева (Красноярск), Е.Г. Елина (Саратов), Л.И. Журова (Новосибирск), Г.С. Зайцева (Нижний Новгород), Е.Ю. Иванова (Санкт-Петербург), Ю. Левинг (Канада, Галифакс), П.А. Лекант (Москва), О.Т. Молчанова (Польша, Щецин), В.П. Никишаева (Бийск), В.А. Пищальникова (Москва), О.Г. Ревзина (Москва), В.К. Сигов (Москва), М.Ю. Сидорова (Москва), И.В. Силантьев (Новосибирск), Ф.М. Хисамова (Казань)

Главный редактор

А.А. Чувакин

Редакционная коллегия

Н.А. Гузь (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), С.А. Добричев, Н.М. Киндикова, Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, Л.И. Шелепова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

Н.В. Панченко, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, оф. 405-а.
Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: sovet01@filo.asu.ru

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского государственного университета, 2011

Статьи

О.А. Ковалев. Стратегия неопределенности в творчестве Ф.М. Достоевского.....	7
П.С. Глушаков. К вопросу о «поэтике слова» в русской литературе второй половины XX века («традиционная школа»).....	17
Т.Л. Кузнецова. Коми рассказ рубежа XX–XXI веков : особенности художественного развития.....	28
А.С. Гавенко. Метаинтертекстуальность в художественном тексте (на материале русских рассказов 80-х годов XX–XXI веков).....	36
О.Н. Копытов. Авторское начало текста и типизированность коммуникации.....	48
И.Е. Ким. Следствие, цель и коммуникативное намерение в семантике социального действия: фрагмент языковой картины мира.....	59
М.В. Влавацкая. Синтагматический аспект лексического значения слова : структура и содержание.....	72
С.А. Осокина. Тезаурусные связи слова <i>любовь</i> в словаре и тексте.....	84
Д.Ю. Ильин. Реализация национально-культурного компонента в региональном топонимиконе.....	95

Научные сообщения

Ю.А. Юнгеров. Мотив богоподмены в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».....	105
О.В. Марьяна. Абзацное членение текста как показатель его расчленения (на материале художественных текстов рубежа XX–XXI веков).....	111
И.А. Бедарева. Полисемантические тенденции фольклорно-мифологической системы в прозе современной русскоязычной литературы Горного Алтая.....	117
Е.И. Клинк. Параметры организации PR-текста как основа его когнитивной модели.....	130
О.Я. Палкевич. Парадокс как фрактал.....	136

М.И. Кадеева. О национально-культурной специфике картины мира	143
Д.Р. Валеева. Ключевые понятия в области концептологии	149
Т. Одончимэг. Оказиональная вербализация эмоций при восприятии видео-стимулов носителями разносистемных языков в условиях психолингвистического эксперимента	155
С.С. Яшкин. Семантические корреляции в экспликации темпоральных и модальных значений в английском языке	162
О.А. Тинникова. Бытийные глаголы хакасского языка.....	167
А.А. Бондаренко. Гендерные различия в освоении грамматики русского языка детьми дошкольного возраста (по данным спонтанной речи)	173

Проблемы филологического образования

А.А. Чувакин. Введение в спецфилологию: Введение в прикладную филологию для профиля «прикладная филология» (с указанием основного языка / языков)	181
--	-----

Филология : люди, факты, события

Н.С. Гребенникова «Диалог культур : поэтика локального текста» : II Международная научная конференция (Горно-Алтайск, 8–13 июля 2010 года)	187
В.Н. Карпущина. Международная междисциплинарная научно-практическая конференция «Понимание в коммуникации-5» (Москва, 15–17 февраля 2011).....	189
Резюме	192
Наши авторы	199

CONTENTS

Articles

O.A. Kovalev. The Strategy of Ambiguity in the Works by F.M. Dostoevsky	7
P. Glushakov. On «Word Poetics» in the Russian Literature of Second Half of XX-th Century («Traditional School»).....	17
T.L. Kuznetsova. The Komi Story on the Boundary of XX–XXI Centuries : Peculiarities of Art Development.	28
A.S. Gavenko. Metaintertextuality in Literary Text (on the Material of Russian Short Stories of the 80-s of the 20th Century–21st Century)	36
O.N. Kopytov. Creative Potentialities of the Author Text and the Typification of Communication	48
I.E. Kim. Consequence, Goal and Communicative Intention in the Semantics of Social Action: Fragment of Language Picture of the World	59
M.V. Vlavatskaya. The Syntagmatic Aspect of the Lexical Meaning of a Word : Structure and Content	72
S.A. Osokina. Thesaurus Links of the Word <i>Love</i> in Dictionaries and Texts	84
D.Yu. Ilyin. Exteriorization of Ethno-Cultural Constituent in Regional Toponymicon	95

Scientific reports

Y.A. Yungerov. Theme of Replacement of God in the Novel by F.M. Dostoevsky «Crime and Punishment».....	105
O.V. Maryina. Paragraph Division of Text as Indicator of its Separation (in Fiction of XX–XXI Centuries)	111
I.A. Bedareva. Polysemantic Tendencies of the Folklore and Mythological System in Prose of the Modern Russian Literature in Gorny Altai.....	117
E.I. Klink. Organizing Parameters of PR-text as a Base of its Cognitive Model.	130
O.Ya. Palkevich. Paradox as Fractal.	136

M.I. Kadeeva. On National Cultural Specifics of World Concept.....	143
D.R. Valeeva. Key Concepts in the Field of Conceptology	149
T. Odonchimeg. Occasional Verbalizaion of Emotional Semantics of Nonverbal Signals by Mongolian and Russian-speaking Persons in Psycholinguistic Experiment	155
S.S. Yashkin. Semantic Correlations in the Expression of Temporal and Modal Meanings in English.	162
O.A. Tinnikova. Existence Verbs of Chakas Language	167
A.A. Bondarenko. Gender Distinction in Mastering Russian Grammar by Children of Preschool Age (Based on Spontaneous Speech Records)	173

Problems of philological education

A.A. Chuvakin. Introduction into Special Philology: Introduction Applied Special Philology for Profile «Special Philology» (with Indication of the Main Language)	181
--	-----

Philology : people, facts, events

N.S. Grebennikova. «The Dialogue of Cultures: the Poetics of Local Text» : the Second International Scientific Conference (Gorno-Altaysk, July, 8–13, 2010)	187
V.N. Karpukhina International Interdisciplinary Conference «Understanding by Communication-5» (Moscow, February, 15–17, 2011).....	189

Summary	192
----------------------	-----

Our authors	199
--------------------------	-----

СТАТЬИ

СТРАТЕГИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

О.А. Ковалев

Ключевые слова: нарративные стратегии, автор, неопределенность, Ф.М. Достоевский.

Keywords: narrative strategies, the author, uncertainty, F.M. Dostoevsky.

Неоднозначность и неопределенность – важнейшие свойства художественного текста. Литература как разновидность коммуникации характеризуется противоречием между различными уровнями сообщения. В художественном произведении всегда присутствует некий смысловой избыток – значения или просто элементы текста, остающиеся при вычитании из него видимых и осмысленных, осознанных намерений автора. При этом в повествовательном тексте присутствует специфический вид неопределенности, связанный с принципами построения нарратива. С точки зрения современной нарратологии при порождении повествовательного текста используются две основные операции – выбор элементов и установление порядка. Соответственно, неопределенность нарратива связана с выбором из набора всех возможных подробностей ограниченного количества элементов, что предполагает наличие элементов неучтенных и неназванных. То есть за рассказанным стоит подразумеваемое множество, которое никогда не может быть полностью реализованным, но учет которого необходим для понимания соотношения нарратива с реальностью¹. Неполнота, таким обра-

¹ «...История в определенном смысле является отрезком событий, предполагающим полный набор всех подробностей, то есть того, что может предполагаться естественными законами физической вселенной» [Chatman, 1978, p. 28].

зом, заключена в самой природе нарратива, а процесс его восприятия включает заполнение пустот собственным знанием.

С одной стороны, использование языка искусства (в том числе художественного нарратива) – языка умолчаний, недомолвок, намеков – уже само по себе свидетельствует либо об отсутствии полного самопонимания, либо о том, что автор не может до конца раскрыть читателю свои намерения, обнажить движущие им мотивы. С другой стороны, художественный текст дает уникальную возможность виртуальной проверки мнений, концепций, позволяя подвергнуть их испытанию, проследить возможные последствия, реализовав в виртуальном мире произведения, проанализировать их генезис – истоки и условия возникновения и прочее. Кроме того, художественная литература представляет собой особый тип коммуникации, уникальный способ хранения и передачи информации, характеризующийся возможностью фиксации смыслов, недостаточно ясных участникам коммуникации либо не имеющих в настоящий момент адекватных (логически более ясных) форм для ее передачи. Логика имеет односторонний характер, и часто человек оказывает ей то или иное противодействие, а художественная литература (и – шире – искусство), будучи связанной с сопротивлением природного – искусственному, индивидуального – генерализации, тела – тексту, – важнейшая его форма.

Так, К. Дюше положил в основу своих рассуждений о тексте тезис о несовпадении означаемого и сказанного. Данное несовпадение возможно благодаря пробелам, которые, по его мнению, составляют важную часть текста; с их помощью он может означать больше того, чем в нем сказано [Дюше, 1995, с. 125]. Однако, согласно К. Дюше, текст стремится к внутренней однородности, борясь с этими центробежными силами. Целостность текста создается именно благодаря силе сопротивления (противодействия) центробежному началу. Таким образом, в процессе порождения текста происходит постоянное преодоление центробежного противодвижения, и задача аналитика заключается не в том, чтобы прочесть скрытое содержание текста, а в том, чтобы «определить условия его существования, то есть восстановить его основу» [Дюше, 1995, с. 124].

Единого мнения по поводу неопределенности у Достоевского не существует. В общем виде суть расхождений интерпретаторов его произведений можно свести к двум тезисам: истина доступна и однозначна – истина недоступна и неоднозначна. При этом тяготение исследователей к одной из двух крайностей – как признание авторской позиции смутной, неуловимой, полифонической, неопределенной, так и

противоположная точка зрения, акцентирующая внимание на категоричности писателя, – отражает своеобразие авторской позиции в произведениях Достоевского. По-видимому, следует говорить о разных видах неопределенности в его творчестве, различающихся генезисом и степенью выраженности. Обычно достоевковеды фиксируют свое внимание на каком-либо одном ее аспекте.

Нередко в своих попытках интерпретировать то или иное произведение Достоевского исследователи исходят из представления о возможности извлечь из текста некий однозначный вывод. Так, в одной из работ И.И. Виноградова читаем: «Что, если не гадать и не заниматься сомнительным “чтением в сердцах”, а попробовать опереться прежде всего на те *несомненные реалии* романа, которые одни только и могут ведь позволить нам прочесть действительное его “послание”?..» [Виноградов, 2005, с. 157]. Что такое эти «несомненные реалии романа»? Если это элементы художественной структуры, то ни о какой однозначной их интерпретации говорить нельзя, а если это какие-либо высказывания в тексте произведения, то, будучи частью произведения, они не могут восприниматься как авторские. Правда, И.И. Виноградов делает оговорку относительно того, что романы Достоевского представляют собой не рациональное обоснование веры, а «художественное свидетельствование» о ней [Виноградов, 2005, с. 203]. Однако, не говоря уже о крайней неопределенности понятия «художественное свидетельствование», в этом определении есть явная предвзятость, предзаданность, так как содержание этих «художественных свидетельств» полагается заведомо ясным, аксиоматичным.

Категорически отвергает неопределенность художественной концепции Достоевского в своем анализе романа «Преступление и наказание» Ю.Ф. Карякин. По его мнению, неопределенность, которая имеет место в этом произведении, не принципиальна и связана с тем, что сам герой не понимает себя до конца [Карякин, 1989, с. 145]. Именно потому, что самосознание Раскольникова не может совпасть с тем, что автор думает о своем герое, Достоевский и не мог доверить ему вести повествование. Таким образом, с точки зрения Ю.Ф. Карякина, выбор формы повествования «от автора» означал уход Достоевского от идейной неопределенности в структуре романа [Карякин, 1989, с. 147, 149].

Более продуктивен, по нашему мнению, подход, согласно которому полное прояснение позиции автора бесперспективно. По мнению И.П. Волгина, недопустимо рассматривать Достоевского как простого иллюстратора библейских сюжетов или заведомо известных истин. То, что Достоевский – христианский писатель, не должно мешать нам ви-

деть в нем именно писателя, а не проповедника [Волгин, 2004, с. 738–739]. В. Беляев, выступая против зачисления автора «Братьев Карамазовых» в разряд христианских писателей, предлагал вспомнить о том, что Достоевский – это прежде всего автор «романа идей», а не «идейных романов» – не пропагандист, а исследователь судьбы отвлеченных идей [Беляев, 1994, с. 157]. В.Н. Белопольский подчеркивал, что если идеи и интересуют Достоевского, то в основном с точки зрения их живого бытования, того, как они завладевают человеком, трансформируются и т.д. [Белопольский, 1987, с. 11].

О неопределенности – авторской неуверенности, принципиальной недоговоренности, множественности мотивировок, незавершенности поэтического мира – как характеристике произведений Достоевского писали многие критики и литературоведы. Изрядная степень неопределенности у писателя вытекала из обращения не к прямому высказыванию, а к художественному языку, предполагающему уход от однозначных ответов на поставленные вопросы. Таким образом, даже, если какое-то художественное высказывание Достоевского в тексте произведения и связано с вышедшими у него идеями, сама природа художественной реальности уводила его в область виртуального – возможных идей и их возможных последствий. В то же время художественное экспериментирование могло выполнять очень важную роль и в плане постепенного подспудного прояснения того, что хотел сказать писатель.

По мнению Р.Г. Назирова, тексты романов Достоевского сохраняют следы неопределенности замысла [Назирова, 1978, с. 222]. О поэтике двусмысленности и недосказанности в произведениях Достоевского писала Н.Т. Ашимбаева, обратившая внимание на «двусмысленность высказываний, ситуаций, отношений, характеров и поведения персонажей» [Ашимбаева, 2008, с. 136]. Исследовательница допускает, что далеко не всегда подразумевается однозначный ответ на поставленные в его произведениях вопросы: «Достоевский использовал возможности двойственного толкования некоторых важных моментов своих произведений, оставляя выбор для героя и основания для “додумывания” ситуации читателем» [Ашимбаева, 2008, с. 138]. Нарративизация идей, к которой так часто прибегает Достоевский, является не только продолжением полемики другими средствами, но и, в определенном смысле, уходом от полемики. Анализируя поэтику двусмысленности у Достоевского, Н.Т. Ашимбаева приходит к мысли о том, что в своих произведениях писатель разрушает диалог, делая невозможными возражения [Ашимбаева, 2008, с. 137]. Она, кроме того, отметила такое проявление неопределенности у Достоевского, как пере-

плетение снов и яви [Ашимбаева, 2005, с. 19]. Если подойти к этой форме неопределенности с более широких позиций, то следует говорить о размытости границ между реальным и виртуальным, или, точнее, о такой модели реальности, при которой виртуальное может оказаться не менее существенным для понимания действительности, нежели то, что происходит «на самом деле». В результате некоторые эпизоды и иногда целые произведения Достоевского непересказываемы, так как пересказ предполагает вычленение событийной последовательности, которую мы, воспринимая произведение, можем отнести к тому, что «на самом деле произошло», отделяя от этого «на самом деле» сны, фантазии, вымысел персонажей и пр.

Почвенников часто упрекали в неясности идеологии – следствии их стремления встать над враждующими партиями и примирить их. Об этом в связи с Достоевским в свое время писал еще Н.Н. Страхов: «Он (Достоевский. – *О.К.*) не отказывался от сочувствия к самым разнородным и даже, по-видимому, противоречащим явлениям, как скоро раз сочувствие к ним успело в нем возникнуть. Он не сумел бы логически согласовать свои сочувствия, усмотреть противоречия, к которым они могут привести в дальнейших выводах, и найти формулу, устранившую эти противоречия; но он мирил в себе свои сочувствия психологически и эстетически» [Страхов, 1990, с. 391]. Таким образом, неопределенность – это оборотная сторона установки на синтез, усложнение и расширение взгляда, которая для своего осуществления требует обращения к психологическим и эстетическим механизмам. Однако данная неопределенность соседствует у Достоевского с категоричностью, склонностью окарикатуривать позицию противника, утрировать чужую точку зрения, и т.д. Особенно, конечно, это характерно для его публицистики.

Правда, из разговора с А.И. Герценом, приведенного в «Дневнике писателя» [Достоевский, 1980, т. 21, с. 8], следует, что Достоевский в большинстве случаев не стремился представить позицию противника в окарикатуренном виде. Напротив, он нуждался в том, чтобы прожить, прочувствовать его идею, довести ее до крайних логических и, что особенно важно, экзистенциальных последствий и понять, что ожидает человека, вынашивающего ту или иную мысль. Установка на эмпатию, вживание многое объясняет в этой стратегии: художественный дискурс тем и важен, что он позволяет не просто испытать идею, а пережить ее самому, прожить, поддавшись на время связанным с нею соблазнам, и, в частности, перебрать и исчерпать все возможные аргументы, а потому его воображаемые идейные противники кажутся порой такими убе-

дительными. Это эмпатическое проживание мысли является для писателя некой гарантией ее преодоления: необходимо освоить точку зрения другого, исчерпать ее, чтобы иметь возможность и право отвергнуть ее. При этом идея преодолевается не логически (в этом смысле Достоевский скорее уходит от полемики), а экзистенциально, хотя и в виртуальной форме. И здесь стратегия Достоевского созвучна идее всеединства (или идея всеединства является частью этой стратегии). То, что преодолевается, – это не совсем чужая мысль – это некая теоретическая возможность, которая если и может быть отчуждена от человека, то лишь насильственно, через надрыв¹.

Категоричный тон суждений в публицистике Достоевского нарастает постепенно. «Дневник писателя» за 1873 год (то есть первые выпуски этого издания) характеризуется некоторыми художественными приемами, в частности вводом героев-двойников, что свидетельствует прежде всего о неуверенности Достоевского в своей способности убедить читателя. Со временем в «Дневнике писателя» возрастает определенность суждений, стремление высказывать свои мысли напрямую, без обычных для Достоевского опосредований. Во-первых, писателю становится все более ясным, что он хочет сказать; во-вторых, растет уверенность в своих силах, своем влиянии, и, как следствие, происходит изменение стратегий: авторская воля начинает выражаться менее опосредованно и изощренная система способов воздействия на читателя перестает быть необходимой. Наконец, нельзя исключить из внимания и сугубо возрастные изменения, заставляющие стареющего писателя высказываться более категорично и определенно.

Таким образом, неопределенность и неуловимость позиции Достоевского в какой-то степени обусловлены осторожностью как коммуникативной стратегией², или, говоря иначе, установкой на поиск контакта с читателем. К.А. Степанян отстаивает представление о Достоевском как мыслителе, окончательно определившемся в отношении того, что именно он должен донести до аудитории и настойчиво ищущем оптимальные способы воздействия, заставляющие читателя исподволь, незаметно принять его точку зрения, то есть, по сути, манипулируя им. Именно этому служит, по мнению исследователя, форма повествования [Степанян, 1993, с. 127–128]. Так, в «Идиоте», полагает К.А. Степанян, происходит постепенное прояснение характера Мышкина, а сам роман строится по принципу движения ко все большей оп-

¹ См. концепцию надрыва в работе: [Шмид, 1998, с. 171–193].

² Об этом писал И.П. Волгин [Волгин, 2008, с. 49].

ределенности, что в конечном счете служит задаче убедить читателя в возможности чуда и подготовить его к восприятию основных моральных истин романа [Степанян, 1990, с. 144–145]. Исследователь, на наш взгляд, неоправданно упрощает ситуацию, в качестве единственного фактора, определяющего эволюцию повествовательной структуры романов Достоевского, рассматривая поиск способа более эффективного и действенного выражения своей позиции.

Возможно такое объяснение: Достоевский допускает двойкий ответ на второстепенные вопросы именно потому, что хочет скрыть категоричность и однозначность, проявляющиеся в чем-то ином. Отмечено, что стратегия на неопределенность парадоксальным образом возрастает по мере того, как у писателя усиливается желание высказать некоторые идеи и уверенность в них крепнет. В «Братьях Карамазовых», являющихся наиболее монологическим романом Достоевского ([Шмид, 1998, с. 171]), неопределенность могла быть связана с желанием ослабить публицистическое начало¹. При этом речь должна идти, по видимому, не только о стремлении скрыть от читателя авторскую мораль, но и о подавлении или, в психоаналитической трактовке, вытеснении назидательности и дидактичности. Возможно, это объясняется стремлением к объективности – желанием не столько сделать свои тексты более действительными и влиятельными, сколько укрепиться в своих идеях самому, а для этого учесть все возможные аргументы. И потому идеи не столько доказываются художественной формой, сколько испытываются или изживаются.

В.А. Туниманов, анализируя позицию наблюдателя-хроникера в романах Достоевского, именно стремлением к объективности объясняет использование писателем этой повествовательной формы [Туниманов, 1972, с. 107]. По мнению К.А. Степаняна, изменение авторской стратегии и форм воздействия на читателя непосредственно сказались на повествовательной структуре романа «Бесы». Тенденциозность данного произведения потребовала максимально полно отделить повествование от себя самого (по видимому, для того, чтобы ослабить или скрыть однозначность и определенность авторской позиции), то есть создать образ хроникера, главное свойство которого – гибкость и подвижность его как авторской маски [Степанян, 1993, с. 128].

Итак, один из важных источников неопределенности у Достоевского – повествование. В.Н. Захаров справедливо писал о неопределенности, связанной с необычной манерой повествования («отсутствие

¹ См. об этом также: [Ветловская, 2007, с. 21].

экспозиции, объясняющей исходную ситуацию произведения, которую нужно понять самому, недоговоренность стиля, усугубленная комической двусмысленностью отдельных сцен повести»), в «Двойнике», предвосхитившем структуру романов Достоевского [Захаров, 1978, с. 24]¹.

Констатируя противоречивое, а по сути, парадоксальное сочетание осведомленности / неосведомленности нарратора в романе «Бесы», Я.О. Зунделович в свое время расценил это как «художественный просчет автора, не сумевшего найти равновесие между заданными системами повествования» [Зунделович, 1963, с. 115]. Однако в этом случае следует говорить о намеренной неопределенности, призванной оказать необходимое воздействие на читателя. Достоевский не стремился соблюдать правила, налагаемые выбранной повествовательной формой, в необходимых случаях доверяя хроникеру неправдоподобно обширные знания, а потом неожиданно, в силу необходимости придать изображаемому большую неопределенность, ограничивая его знания или на время забывая о нем.

Одна из важных для Достоевского форм неопределенности связана с уверенностью в непостижимости и непознаваемости, таинственности человека. Этим обусловлен характерный для него отказ от позиции авторского всеведения. Анализируя роман «Братья Карамазовы», Д.Э. Томпсон усматривает реализацию данного принципа в самой структуре повествования: несовершенство памяти рассказчика создает пробелы – своего рода метафизические лазейки, «сквозь которые таинственное, необъяснимое и трансцендентальное проникает в романый мир». Именно это, как полагает Д.Э. Томпсон, приводит к тому, что рассказчик оставляет очень многое непонятым. В результате память оказывается творческой силой и превращает роман в генератор новых смыслов [Томпсон, 2000, с. 57].

Замечено, что в процессе творческой эволюции писатель постепенно отходит от стремления давать персонажам точные и развернутые характеристики [Волгин, 2004, с. 157]. Отмечалось также, что специфика психологизма Достоевского связана с усложнением героя за счет

¹ При этом, анализируя образ двойника, исследователь внес в свою интерпретацию повести неоправданную, на наш взгляд, однозначность: «Но как двойник – не галлюцинация, а реальное действующее лицо в повести, необъяснимая “законами бытия” поэтическая воля автора, так и художественный мир “поэмы” – не опосредованная сознанием Голядкина, а реальная социальная среда императорской столицы» [Захаров, 1978, с. 46]. Почему художественный мир поэмы – это «реальная социальная среда императорской столицы» и не более того, остается непонятым.

расхождения между вербальным описанием его характера и поведением, выраженным в действии и диалогах. Л.М. Розенблюм справедливо писала о скептическом отношении писателя к общепринятым способам проникновения в тайну человека [Розенблюм, 1981, с. 304].

Однако в его психологических стратегиях есть одна странность: отвергая претензии разных форм «человековедения», включая психологию, на всезнание, он тем не менее стремится найти формы, гарантирующие более глубокое проникновение в реальность, в том числе в человека, и, соответственно, установка на всезнание является для него важной внутренней проблемой. Скепсис Достоевского в отношении психологии был связан не с тем, что он якобы совершенно чуждался психологического анализа, а с тем, что любые способы постижения истины в его представлении ограничены в своих возможностях. Таким образом, религиозная антропология Достоевского заметно повлияла на формы изображения человека в его произведениях, отразившись прежде всего в стремлении избегать окончательных выводов. Однако эта неопределенность нередко проявляется у него лишь как установка и сопровождается признаками однозначности и определенности постулируемого образа персонажа; в результате писатель воспроизводит когнитивную схему: тайна – разгадывание – ключ к тайне – глубинная сущность образа / человека.

Поэтому Достоевскому свойственна своеобразная диалектика определенности / неопределенности: с одной стороны, он признает неисчерпаемость человека, с другой – поэтика как система инструментов моделирования человека строится в расчете на возможность раскрытия «окончательной» глубины. В изложении Л.М. Розенблюм данная диалектика выглядит следующим образом: «Неисчерпанность, принципиальная неисчерпаемость психологического анализа лежит в основе авторской концепции человека. <...>. И вместе с тем все поэтические средства, структура произведения в целом направлены на максимальную возможность разгадать психологию человека» [Розенблюм, 1981, с. 316].

Важной особенностью Достоевского как художника Т.М. Родина считает стремление превращать все законченное в незавершенное [Родина, 1984, с. 58]. Частным случаем этой особенности является установка на распредмечивание мышления – освобождение человека от власти отвлеченных теорий. Возможно, это главная мысль всего его творчества. Однако данная интенция не должна помешать нам заметить внутренний конфликт, заключающийся в столкновении двух интенций в пределах одного произведения. Категоричность и неопреде-

ленность – две взаимосвязанные, взаимообусловленные черты художественного и публицистического метода Достоевского. В каждом его произведении можно наблюдать ту или иную форму компромисса определенного и неопределенного, хаотичного и организованного. К подобному выводу, анализируя роман «Подросток», пришел Е.И. Семенов: хаотичность материала в этом произведении потребовала компенсации с помощью четкого плана [Семенов, 1979, с. 71]. Это неудивительно: усиление какой-либо характеристики в системе требует противодействия – возрастания противоположного качества.

Наконец, необходимо отметить, что тема неопределенности имеет у Достоевского ярко выраженный социальный и историко-культурный смысл: в неопределенности настоящего России писатель был склонен видеть силу, обещающую великое будущее¹. Иначе говоря, неопределенность в его представлении означала молодость как еще не реализованный потенциал.

Литература

- Ашимбаева Н.Т. Достоевский. Контекст творчества и времени. СПб., 2005.
- Ашимбаева Н.Т. Поэтика двусмысленности и недосказанности у Достоевского (Явное и прикровенное родство героев) // *Sub specie tolerantiae*. Памяти В.А. Туниманова. СПб., 2008.
- Белопольский В.Н. Достоевский и философская мысль его эпохи : Концепция человека. Ростов-на-Дону, 1987.
- Беляев В. Можно ли считать Федора Достоевского, Фому Опискина и Михаила Ракитина христианскими писателями // Достоевский и мировая культура. Альманах № 3. М., 1994.
- Ветловская В.Е. Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб., 2007.
- Виноградов И.И. «Осанна» или «горнило сомнений»? : По поводу статьи Вольфа Шмида о «Братьях Карамазовых» (1996) // Виноградов И.И. Духовные искания русской литературы. М., 2005.
- Волгин И.Л. Возвращение билета. Парадоксы национального самосознания. М., 2004.
- Волгин И.Л. Достоевский и Розанов: школа жанровых имитаций // Достоевский и современность. Великий Новгород, 2008.
- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 тт. Т. 21. Л., 1980.
- Дюше К. К теории социокритики, или Вариации вокруг одного зачина. – 1995 год. Результаты ревизии // Новое литературное обозрение. 1995. № 13.
- Захаров В.Н. Проблемы изучения Достоевского. Петрозаводск, 1978.
- Зунделович Я.О. Романы Достоевского : Статьи. Ташкент, 1963.
- Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун XXI века. М., 1989.

¹ «В неопределенности будущих социальных форм, в незавершенности жизненных процессов видит писатель преимущества России в переходную эпоху» [Пономарева, 1972, с. 66].

- Назиров Р.Г. Проблема читателя в творческом сознании Достоевского // Творческий процесс и художественное восприятие. Л., 1978.
- Пономарева Г.Б. «Житие великого грешника» Достоевского: структура и жанр // Исследования по поэтике и стилистике. Л., 1972.
- Родина Т.М. Достоевский: Повествование и драма. М., 1984.
- Розенблюм Л.М. Творческие дневники Достоевского. М., 1981.
- Семенов Е.И. Роман Достоевского «Подросток»: проблематика и жанр. Л., 1979.
- Степанян К. Трагедия Хроникера (Роман «Бесы» – недоговоренное пророчество) // Достоевский и мировая культура. Альманах № 1. Ч. 1. СПб., 1993.
- Страхов Н.Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 тт. Т. 1. М., 1990.
- Томпсон Д.Э. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти. СПб., 2000.
- Туниманов В. Рассказчик в «Бесах» Достоевского // Исследования по поэтике и стилистике. Л., 1972.
- Шмид В. Проза как поэзия: Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард. СПб., 1998.
- Chatman, Seymour. Story and Discourse: Narrative Structure in Fiction and Film. Ithaca and London, 1978.

К ВОПРОСУ О «ПОЭТИКЕ СЛОВА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА («ТРАДИЦИОННАЯ ШКОЛА»)

П.С. Глушаков

Ключевые слова: поэтика, поэтическое слово, традиционность, Шукшин, Абрамов.

Keywords: poetics, poetic word, tradition, Shukshin, Abramov.

Русская традиционная (традиционистская) литература представляет собой своеобразное явление, во многом определившее пути развития литературы второй половины XX века. Между тем, данный феномен, по преимуществу, рассматривался с идейно-нравственной точки зрения, изучался как этический компонент в синхронных литературных, социологических и публицистических дискуссиях. Отсюда определился явственный перекосяк в статусном и интерпретационном характере феномена, а сам он получил локальные определения. Вопросы поэтики отходили на второй план, постепенно образуя лакуну, требующую восполнения. Это определяет актуальность постановки проблемы исследования поэтики писателей традиционной школы.

В истории русской литературы как научной дисциплины сложилась во многом парадоксальная ситуация. Изучение традиционного

направления литературы в силу ряда обстоятельств проходило в «зоне фрагментирования» феномена: сам термин пока не обрел закреплённости, а явление либо диффузировалось, либо приобретало излишнюю иерархичность («традиционная парадигма»), либо сегментировалось («деревенская проза», «тихая лирика» и т.д.) Это, во-первых, *расчленило* сам объект изучения («традиция» в литературе понималась как следование канонам и образцам, а не как естественный ход складывания русской литературной реальности). Во-вторых, *упростило* явление: изучались идеологемы, социальные смыслы, но не поэтика и художественная символика (отсюда и перекос в сторону публицистичности работ по данной теме, научной некритичности и невыработанности исследовательского инструментария). В-третьих, явление *изолировалось* по родовому признаку: рассматривалась отдельно «деревенская» проза и отдельно «тихая» лирика (при том, что даже дефиниция последней указывает на ненаучные компоненты в таком определении). В-четвертых, выстраивалась во многих отношениях ложная (или искажённая) картина литературной действительности: традиционная литература ставилась в непосредственную оппозиционность с иными формами литературной функциональности («деревенская» – «городская» проза, «тихая лирика» – «эстрадная поэзия» и т.д.) В-пятых, по внаучным причинам из рассмотрения *исключались* те факты и явления, которые свидетельствовали о диалоге, знакомстве или даже взаимодействии традиционистской поэтики с поэтическими системами других видов (модернистской, авангардистской и пр.) Этот взгляд нуждается не только в уточнении, но и анализе и возможном пересмотре. В-шестых, совершенно *не изучались* явления переходного характера, которые в силу своей динамики и пограничности наиболее ярко демонстрируют строевые формальные принципы и законы организации структуры художественного мира писателей (не следует забывать, что ряд писателей-традиционистов сначала выступали в качестве поэтов, затем преимущественно превратились в прозаиков, что говорит о сложных родо-видовых тенденциях в их поэтической системе: В.И. Белов и др.) В-седьмых, в качестве генеративного аспекта в концепции традиционности, как представляется, выступает не «образец», «писатель-классик», а общая идея *деятельного подхода к слову* у писателей этого направления, традиция глубинного отношения к слову как к делу, преобразующему мир элементу, к творчеству как служению. Традиция в таком понимании есть живой процесс функционирования и соприкосновения с иными формами, оппонирование им, диалог с ними, воспри-

ятие их элементов, то есть процесс регуляции форм и методов передачи художественной и мировоззренческой памяти.

Произведения писателей-традиционистов, довольно сложно поддающиеся интерпретации, требующие применения различного, зачастую нетрадиционного для обычного комментирования, инструментария, тем не менее оставляет впечатление внутренней собранности, цельности и единства. При этом в поэтике этих писателей происходят постоянные процессы перекодирования, определенные «сдвиги» (в статусном, иерархическом и т.д. позиционировании текста), переходы от книжно-закрепленного к устно-мифологическому уровню (и наоборот); «палимпсестовость» структуры позволяет одновременно сосуществовать этим пластам, не заменяя их, но придавая им взаимодополнительность. Между тем, высокая степень погруженности в архаику, равно как и свободное оперирование относительно синхронным культурным контекстом (в особенности поисками в литературе начала XX века, эпохой, вероятно, очень плодотворно воспринятой неразвившейся стихопоэтикой, например, у В.М. Шукшина) позволяет говорить о ценности этого рода произведений. «Сложность» текста, тем не менее, может быть интерпретирована отчасти и как его «примитивизм» (но не примитивность), а структура как «дефектная», – и в таком прочтении нет ничего удивительного: традиционный текст, как можно предполагать, относится к тому классу литературных явлений, который на русской почве явился попыткой «выхода» за пределы существующих «норм» *улавливанием* совершенно новых поэтических воплощений с опорой на наиболее архаические, зачастую еще даже «доречевые», мифоконструкции и языковые установки. Особое значение тут приобретают «сакральные» контексты и традиции (православно-христианские идеи о Слове, философия теодицеи и т.д.) Подвижность границ между «простым» и «сложным» в такой парадигме текста является фактором равновесия, а постоянное преодоление этих границ создает динамическую модель восприятия. Шукшин, Рубцов, Прасолов – как художники середины XX века, быть может, в наибольшей степени «подверженные» известного рода «сменам», «переходам» и «срезаниям» (часто «провокативным» с точки зрения господствовавшего культурного представления того времени), художники с ярко выраженной «парадоксальностью» логического мировидения – пришли к открытию глубинных мифологических пластов народного искусства, русских национальных поэтических традиций, что было поддержано общей атмосферой «возвращения» неизвестного ранее, недоступного искусства начала

века, а также оживлением культурного, социального и политического диалога «оттепельного» и постоттепельного периодов.

Проза Василия Шукшина является в этой связи очень своеобразным примером усиления референтных семантических потенций, заложенных в самом, на первый взгляд, *простом* материале. По краткости его произведения (рассказы, рабочие записи) едва ли могут быть еще более редуцированы, но, включаемые в сложные текстовые и метатекстовые контексты, они демонстрируют поистине огромные потенции как в диахронической, так и синхронной интерпретации. Тексты выходят за рамки / границы афористики, выстраивают свою внутритекстовую поэтическую систему, развивая специфические структурные принципы, степень регулярности которых говорит о неслучайных строевых процессах. Они сигнализируют о поисках, мировоззренческих изменениях, об усилении словесных матриц; слово включается в перекрестные контексты: в контекст словосочетания, предложения, всего микротекста произведения, а затем по принципу дополнительности / оппозиции / контраста / ассоциации и т.д. может быть рассмотрено в составе нескольких текстов одного тематического, мотивного или структурного поля или же в составе целого сложного синтагматического единства как неотъемлемый элемент релевантного уровня. Именно поэтому такое пристальное, поистине миростроительное, внимание уделяется Шукшиным языку и *слову* как основе языка. Тут (осознанно или нет) вступают в действие некоторые универсальные механизмы функционирования слова в ткани художественного текста: слово из строевого элемента и лингвистического механизма превращается, во-первых, в творческую порождающую единицу, а, во-вторых, наполняется / наделяется *деятельной* компонентой, становясь, собственно, движущей силой и образной субстанцией акта творения новых смыслов и систем миропонимания. Язык есть не мертвое произведение, а деятельность. <...> вечно повторяющееся усилие <...> Самое существование духа можно себе представить только в деятельности и как деятельность [Кожин, 1971, с. 324]. Акт называния, отождествления, метафоризации (сравнения), ассоциирования и т.д. есть, таким образом, акт волевого усилия, творчества по отбору того, что, по каким-либо внутренним, мировоззренческим установкам, может, а значит *должно* (вспомним шукшинские императивные конструкции) воплотиться в текст. Отбор этот неслучаен, как – следовательно – неслучайна и читательская реакция на прочитываемый текст: от читателя *требуется* (долженствование) аналогичное волевое усилие для «получения» полной и адекватной «информации», заложенной в «послании».

Это явление по сути поэтическое, когда семантика текста включается в смысловую парадигму культурного поля других текстов и иных авторов.

Одновременно *слово* в таком понимании есть *дело* (вновь вспомним постоянное стремление к активному волевому усилию / долженствованию / деланию в поэтике Шукшина): оно позволяет свободно оперировать эпохами, людьми, давать или переименовывать имена, признавать или присваивать родство, «переводить» написанное / сказанное в претворенное / сделанное, преодолеть безлично-объективное / нейтральное / «никому-не-принадлежащее» и «никого-не-трогающее» в субъективное / активное / личное и т.п. Заметим в этой связи, что именно со *слова*, вслушивания в него, с обнаружения личного и волнующего, завязываются мировоззренческие «сюжеты» в новеллистике Шукшина: «забуксовавшие» герои раскрывают то, что уже стерлось и стало столь «объективным», что потеряло живую связь с человеком, отстранилось от жизни. Именно слово заставляет (в буквальном смысле) героев мыслить, действовать. Слово же приводит к диалогу с *другим*, спору, нравственным поискам, открытиям, обидам, агрессии, а в поэтическом плане раскрывает широкое семантическое «поле сближений» с различными культурными эпохами, другими текстами и поэтическими системами.

Чтобы показать глубинную укорененность пусть даже самых коротких и «прозрачных», простых, на первый взгляд, текстов Шукшина в классической традиции русской литературы / культуры (для писателя, как мы стремимся показать, очень важна и необходима позиция «собеседования» в пространстве «вечных спутников»), прокомментируем здесь только один избранный текст: «Я – сын, я – брат, я – отец... Сердце мясом приросло к жизни. Тяжко, больно – уходить» [Шукшин, 1996, с. 220].

Трижды, настойчиво, повторено местоимение «я», что максимально субъективизирует модальность текста (троичность придает тексту ритмичность и определяет его сакральную функцию). Четыре тире и многоточие делают текст эмоционально маркированным, выделяя первое предложение в первую очередь; оно становится тезисом, утверждением, декларацией. Сентенция о сердце неминуемо наводит на воспоминание о значимости этого органа в художественном мире писателя, непосредственно отсылая к рассказу «Даешь сердце!», а «растительная» метафора в составе фразеологического единства закрепляет аллюзию, развиваемую в знаменитой записи «Жизнь представляется мне бесконечной студенистой массой...» и в записи «Самые великие слова в

русской поэзии: «Встань, пророк, и виждь, и внемли... Глаголом жги сердца людей!» [Шукшин, 1996, с. 225], где пушкинское пророческое неминуемо объединяется с шукшинским. Знаменательно, что записи, указанные нами, просто «рифмуются»: «...больно – уходить» – финал первой и «...умрешь там» – финал другой. Пророческое корреспондирует с жертвенным, ведь сердце нужно / необходимо / должно (мы уже обращали внимание на эти шукшинские императивы / долженствования) оторвать от жизни, пожертвовав ею, несмотря на тяжесть и боль. Лексемы родства в этой записи очень показательны для творческого и этического мировоззрения художника: сначала «сын», после «брат» и лишь затем «отец» – *сын* земли / родины, *брат* всем живущим и *отец* оставленных после себя потомков. Ситуация таким образом «меняется» кардинально: из простой субъективной записи, едва ли не «гимна эгоистической сущности» человека («яканье») прорастает шукшинский смысл, который может быть адекватно прочитан еще и при использовании интертекстуального медиатора – текста «Оды на смерть князя Мещерского» Г.Р. Державина – одного из центральных в русской традиции для осмысления одновременного величия и неповторимости человеческого «я», но и восприятия его как ничтожного и неустойчивого, преходящего. «Я царь – я раб – я червь – я бог!» с поистине медитативной, по сути, лексической закрепленностью и синтаксической матрицей, воспроизводимой последующей русской поэзией, – совершенно очевидно являются «ключом» к интерпретации шукшинской рабочей записи. Тут важно отметить и тот факт, что именно стиховые текстовые парадигмы чрезвычайно повлияли на Шукшина-прозаика. Ритмические и даже метрические показатели его текстов свидетельствуют о попытке включения писательского текстопорождения в традицию русской классической поэзии, ощущаемой, видимо, как высшая форма бытования языка.

Писатели «традиционного направления» в некоторой степени возродили интерес читателей к *поэтическому* языку [Глушаков, 2010, с. 157–164], языку искусства; на фоне «нейтральной» концепции господствовавшего «соцреализма», с его идеей об отображении в языке социальных процессов, равно как и в параллель синхронным поискам младодернистской «постоттепельной литературы», «писатели-деревенщики» актуализировали поиски русской классической словесности и филологии середины XIX – начала XX века, причем сама форма такой актуализации, как представляется, была сугубо «объективной». Это были не «теоретические» поиски, но сам процесс художественного творчества, сам материал, черпаемый в живой народной жиз-

ни, из родников живой речи, не «конструкция», но «приближение / возвращение к истокам». Произошло, можно сказать, второе открытие потебнианских (шире – гумбольдтовских) филологических построений. О степени и «осознанности» таких параллелей можно дискутировать в каждом отдельном случае: для Василия Шукшина, например, деятельная компонента в понимании *слова* была одной из ключевых [Глушаков, 2009, с. 310–331]; в случае Федора Александровича Абрамова – профессионального ученого-филолога – можно, видимо, говорить о схождении теоретического и «естественного» начал в понимании и претворении идей *поэтического слова*. Для этой идеи важны, думается, следующие мысли А.А. Потебни (и В. Гумбольдта):

– язык не есть «продукт деятельности», а сама деятельность; произведение не «оформляет», а собственно «формирует»;

– слово является «изначально поэтическим» феноменом, и *дело* художника обнаружить, раскрыть, восстановить *уже* изначально заложенную в самом слове образность;

– большую роль в процессе возникновения слова играет отражение чувств человека в собственно звуковом оформлении словесной оболочки;

– аналогия между словом и художественным произведением;

– метафоричность словесного образа является не «художественным средством» («украшением»), но ядром поэтического мировидения;

Справедливыми представляются слова В.В. Кожина, высказанные им в статье «Литература и слово» (1971): «...Слово вообще столь же существенная <...> форма бытия человечества, как и его “телесное” бытие в мире предметов и явлений. Человечество живет в слове столь же активно и реально, как и в мире вещей. Это возможно потому, что само слово в его цельности есть, в сущности, инобытие всего известного человечеству мира, слово вобрало в себя весь этот мир без остатка» [Кожин, 1971, с. 322].

Эта статья ученого, равно как и некоторое оживление теоретического интереса к наследию В. Гумбольдта и А.А. Потебни, наметившееся в конце 50-х – начале 60-х годов XX века благодаря стараниям В.В. Виноградова, В.А. Звегинцева и некоторых других лингвистов, равно как и возобновление (пусть пока еще в глухих ссылках или даже без таковых) внимания к идеям Г.Г. Шпета и П. Флоренского, явилось той методологической базой, которая в некотором смысле подготовила так сказать «осознанное» теоретическое обращение ряда писателей к трудам классических филологов. Своеобразным «проводником» в этом пока еще неизученном процессе стал В.В. Кожин, испытывавший в это

время несомненное влияние бахтинских идей. Именно в это время и начинает формироваться круг критиков, искусствоведов, журналистов, поэтов и прозаиков традиционного направления, испытавших существенное влияние интересных теоретических воззрений *русской поэтической традиции*. Труды А.А. Потебни, равно как Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева и ряда других классиков русской филологической мысли XIX века, становятся настольными книгами писателей-деревенщиков (усиливается общий интерес к *филологии* как целостному знанию о слове). Важнейшим обстоятельством, стимулировавшим такой казался бы сугубо теоретический интерес к научным идеям прошлого, становится постепенный приход писателей этого «литературного лагеря» к религиозным истокам; у одних этот процесс ограничился пристальным знакомством с «самиздатовской» церковной литературой (при этом они оставались в «лоне» традиционных атеистических представлений, будучи членами партии и не испытав еще разочарований в коммунистической идее), у других – перерос рамки «культурного знакомства», преобразив всю жизнь и творчество. Таким образом, поэтика вышла за рамки «поэтического искусства», обретя в стане русских писателей-традиционастов свою новую и плодотворную *жизнь*.

В текстах Федора Абрамова все описанные выше закономерности выражены в яркой и художественной форме. Для писателя актуальна тема *деятельного* отбора, отсеивания, обнаружения и понимания, а затем объяснения и использования слова как *преображенного произведения*. Первым актом такого преобразования является *слушание / вслушивание* в звучание слова (иногда даже еще не слова, а лишь некое «семантического сгустка», приобретающего семасиологическую релевантность): «Косца можно узнать, не глядя на него: по звуку косы».

У настоящего косца – размеренный, продолжительный свист, у другого – частый: частит, не в полную меру косит. А вжиканье у того, кто бьет сплеча, тоже не в полную меру косит» [Абрамов, 1986, с. 472]. Узнавание, по Абрамову, многомерный процесс: визуальное и аудиальное здесь равноправны, но не равны; когда человека (косца, в данном случае) видишь – происходит процесс его отождествления с его «внешней оболочкой» (формой), тогда как в процессе его работы (косьба) проявляется его внутренняя сущность, его этические силы. Звучание косы наполняется явственным смыслом, становится потенциальным языком, не дублирующим «обычное» вербальное речевое общение, но дополняющим его. Размеренный и продолжительный звук

«говорит» о терпении, настойчивости, трудолюбии человека; «свист» сам по себе ничего не выражает, но лишь в данном конкретном контексте способен стать значимым выразительным средством. «Вжиканье» – непосредственно чувственное отражение в звукоподражательной форме неприятия плохой, халтурной работы. Если добрый труд рождал полнокровные и мелодические гармонические звуки (размеренность и продолжительность сближены тут с протяжностью народной песни, песен косцов, например), то неумелый (нарочито или нет) труд тоже вызывает метафорическое переосмысление; художник подмечает междоиметное слово, которое, согласно теории А. Потебни, является ментальным откликом на определенное состояние души человека. Происходит «рефлексия чувств в звуках» [Потебня, 1926, с. 77].

Протяжность противопоставляется прерывистости («частит») как положительный компонент отрицательному, – из «междоиметия» на наших глазах рождается образ, наполняемый этическим содержанием. Далее уже будут выстроены более сложные (как в формальном, так и нравственном отношении) структуры: уверенный в правоте своих слов и чистоте своих помыслов человек будет говорить спокойно и плавно, тогда как враль и хвастун станет путаться, сбиваться и т.д. И дело здесь не в «оценке» какого-то конкретного человека: сам по себе любой человек может работать как ему будет угодно; дело в том, что косяба в тех условиях, о которых говорит Ф. Абрамов (коллективное хозяйство), является общим делом, и не работающий в полную меру человек не просто «бережет себя», но пользуется трудом других.

Абрамов делает и проницательные (но не оригинальные) наблюдения казалось бы, сугубо бытового порядка: «При выпивке удовлетворяются все органы чувств – обоняние, зрение, вкус, осязание, за исключением слуха. И вот, чтобы удовлетворить слух, чокаются» [Абрамов, 1986, с. 473]. Замечание это ценно тем, что свидетельствует об открытости размышлений художника отвлеченным проблемам эстетического гедонизма. Но суть этой заметки в том, что человеку возвращается право наслаждаться обычными, пусть и не возвышенными, чувствами; отдых от труда наполняется значимыми компонентами, причем для писателя особенно важны именно звуковые регистры. Это еще «не слово», но это уже и не «шум», звуки «вообще». Переход из фазы незначимого и незначащего в фазу значений очень интересен Абрамову: «Зал загудел. Зал походил на ребенка. Он еще не научился говорить. Он произносил пока первые, нечленораздельные слова» [Абрамов, 1986, с. 475]. Эта запись уже, собственно, не просто «черновик», но, по сути, законченное художественное произведение. Во-первых, текст

организован аудиально: первое предложение целиком аллитеративно (зал-заг-); во-вторых, предложения анафористичны: каждое следующее попарно начинается с одного и того же слова (зал-зал; он-он), что придает всему тексту ритм и спаянность. Затем – всякое явление интересует Абрамова в его сопряжении с человеком: неживое метафоризируется в живое, причем это живое проходит стадии «вочеловечения» – от элементарного (детского, утробного) гудения (вспомним подобные звуковые аллюзии А. Блока, вылившиеся в стройную концепцию «музыки революции») – через первые робкие попытки выделения из «гудения» значимых элементов, то есть конструирования семантически активных элементов, к акту творчества (заметим, что писатель прямо говорит, что слово может быть «нечленораздельным» то есть пониматься и осознаваться вне связи с речевой формой (то есть слово для Абрамова – это не тезаурус языка, а понимаемый протоэлемент, как, например, понимает своего еще не умеющего говорить ребенка его чуткая и любящая мать).

Еще из важных записей: «Студента видно по тому, как отвечает. Один бойко, как заведенный граммофон, семечки щелкает. Другой – медленно, с трудом. И слово весомое, увесистое, будто камни кладет на стол» [Абрамов, 1986, с. 476]. Здесь, кажется, могут иметь место и некоторые литературные аллюзии: возбуренный ответ студента подобен механической «речи» Органчика из «Истории одного города» Щедрина. Но более интересны тактильные параллели: отвечать бойко (без живой мысли) – щелкать семечки – медленно и обдумывая каждое слово – класть камни. Это без сомнения деятельный подход, слово как элемент труда, работы в широком смысле; писатель тут часть трудового народа, претворяющий народные чаяния в слове художественном.

«Изобрести бы такую машину, которая бы обеззвучивала слова, пустые и лживые по своей сути.

Сколько было бы беззвучных речей. Сколько было бы сохранено человеческих сил» [Абрамов, 1986, с. 476]. Заметим сразу же, что тенденция эта *не* заканчивается ожидаемым восклицательным знаком, что, думается, неслучайно. Привычный призыв «сохранять чистоту языка» и оберегать его от пустословия сам по себе способен превратиться в аналог пустого лозунга, стать трюизмом. Содержание слова, по Абрамову, выхолащивается от частого употребления, без душевного усилия. Слово из дела превращается в ритуал, язык становится мертвым, от слова остается лишь его звуковая оболочка. В этой записи, как представляется, есть и некий намек на пустое барабанное фанфаронство торжественных собраний: настойчивая аллитерация «*было бы беззвуч-*

ных» подобна барабанной дроби выбивает не столько смысловое, сколько ритмическое сочетание, воздействуя не на разум, а на инстинкты.

Думается, неслучайно в записях Абрамова возникает образ ручейка, источника, бьющего из-под земли ключа. Это символ истинности, незамутненности, приближения к истине. «Хорошая книга – это ручеек, по которому в человеческую душу втекает добро» [Абрамов, 1986, с. 489]. Одновременно это образ нерукотворного, необработанного начала, противопоставленный «делам рук человеческих»: плавящемуся асфальту, голому, выжженному холму, вытопанной траве и «подстриженному дереву».

«Слово у большого художника мохнатое» [Абрамов, 1986, с. 488] – отмечает писатель в записной книжке. Мохнатое – это необработанное, живое, сохраняющее связь с миром живого, природы, леса. Это тактильный образ мягкого, нежного, хрупкого, крошащегося. Символ обволакивания ствола, укрывания от холода, вечного, неистребимого, восстанавливающегося, долгоживущего; вместе с тем, это намек на отсутствие закрепленной геометрически правильной формы. Мох развивается, живет, растет, тянется к солнцу; он занимает огромное пространство, становясь «зеленым океаном» творчества. Большой художник не боится «утонуть» в этой бескрайнем океане, он чувствует «бие» словесного пульса, жизнь художественного образа. Писатель не творит уже сотворенные Богом сущности, но претворяет эти сущности в словесную ткань, становящуюся литературным произведением.

Литература

- Абрамов Ф.А. Чем живем-кормимся. Л., 1986.
- Глушаков П.С. К истокам поэтики слова в прозе писателей традиционного направления // Литературная учеба. 2010. № 1.
- Глушаков П.С. Из размышлений над темой : Слово в художественном мире Василия Шукшина // Research on Slavic Languages. Seoul, 2009. Vol. 14-2.
- Кожин В. Литература и слово (методологические заметки) // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика В.В. Виноградова. Л., 1971.
- Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков, 1926.
- Шукшин В.М. Собрание сочинений в пяти томах. М., 1996.

КОМИ РАССКАЗ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ: ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Т.Л. Кузнецова

Ключевые слова: рассказ, состояние поисков, дегероизация, апокалиптические мотивы.

Keywords: story, condition of searches, de-heroization, apocalyptic motives.

В жанре коми рассказа рубежа XX–XXI веков в полной мере отразились противоречия времени. Наполнившись разрушительной энергией, он переживает сложности в создании целостного взгляда на мир. Вполне справедливо исследователи отмечают, что «... внутри “малой формы” – дальнейшее разрушение целостности, мир расползающийся, деструктурированный, переполненный хтоническими символами и первичными архетипами» [Галина, 1997, с. 4]. Наотмашь разрушая мир, рассказ в полной мере выражает ощущение катастрофичности, охватившие общество. В разрушительности рассказ обретает весьма специфические черты: столь сильно в нем волнение чувств в выражении мироощущения современника. Художественная специфика образов обусловлена духовной атмосферой времени, когда преобладают чувства, эмоции. В пафосе отрицания рассказ чаще воссоздает весьма субъективное восприятие мира (что, видимо, вообще характерно для искусства сложного переходного периода. Неспроста в этот сложный период переосмысления, поисков новых решений в коми литературе интенсивно развивается поэзия, более того, мы можем вести речь об активном развитии женской поэзии, более тонко выражающей отношения современника с миром). В рассказах первых лет «перестройки» (даже самых художественно несовершенных) доминирует стремление выразить мироощущение современника. Этим обусловлена и тяга художественного текста к обобщенности, метафоричности (что, конечно, выражает особенности художественного мышления авторов). Испытывая определенные сложности в художественном осмыслении, писатели все же находят емкие образы, выражающие дух времени, умонастроенная современного общества. Так, рассказ А. Ульянова «Сьод ар» («Черная осень», 1989), представляя обобщенный образ времени, занял особое место в культурном пространстве республики периода порубежья. В произведениях А. Ульянова, насыщаясь метафорическим значением, специфическую художественную роль в художественном вос-

создании времени получает колористика. Особенности его колористики при тяготении к темным оттенкам естественно выражают мироотношение и духовное состояние современного общества. Не только в рассказе «Сьод ар», получившем особый статус, цветообозначение символично. Следует отметить, и в повести А. Ульянова «Чипан Миш» колористика несет подобную художественную функцию; думается, все же немаловажно, что данная повесть – произведение незавершенное и во многом близкое к рассказу; видимо, все же именно малые формы прозы органично выражают художественное мышление Ульянова. Образ потерявшихся душ, созданный Ульяновым в рассказе «Вошлём ловьяс» («Потерявшиеся души», 2005), также имеет обобщенную семантику. В художественной ткани данного образа ощущаются реминисценции из А. Лукикова: в его поэзии (стихотворения «Виттор», 1988, «Коть и ачим муна пемыд вөрöd» – «Хоть и сам иду темным лесом», 1994 и др.) и драме «Ыджыд висьём» (Тяжелая болезнь, 1997) особое место занимает образ души. Несомненно, художественная сила обобщения скрыта и в рассказах Г. Юшкова, формирующих цикл (рассказы «Часовня», 1989; «Лов пыкös» – «Камень на душе», 1989; «Му выв олысь» – «Хозяин земли», 1989, и др.) Думается, к обобщенности семантики тяготеет и рассказ А. Попова «Лёк песём» («Злоба», 1992), также выразительно воплощающий мироощущение современника. Хаос, воцарившийся в мире, находит в данном рассказе непосредственные формы выражения; главный герой рассказа, поджигая свой дом, готов сгореть сам в огне пожара. Если в указанных произведениях создан обобщенный (в определенном смысле рассказы несут символическую семантику) образ времени, в рассказе И. Ногиева «Руб» (2006) психологически точно и емко воссоздана духовная атмосфера времени, когда каждый отдельный человек в полной мере ощутил собственную беспомощность и никчемность. В рассказе И. Ногиева нашел воплощение индивидуализированный лик времени; психологизация образа главного героя способствует индивидуализации его характера. Пронзительно обнажена правда жизни в восприятии ребенка – главного героя рассказа И. Ногиева; как в рассказе П. Доронина «Кык патрон» («Два патрона», 1932), мир в восприятии ребенка предстает в гримасах противоречий. Чувство неустроенности, ощущение опустошенности подчеркнуты грустной иронией. Нездоровое состояние юного героя рассказа Н. Куратовой «Висьгасьём» («Исповедь», 1995), не принимающего мир, не способного внять добру и участию, связано не только с семейными проблемами. Сравнение (в переводе невозможно адекватно воспроизвести его семантическую наполненность), лежащее в основе

образа, тонко характеризует состояние героя, в бессилии отталкивающего окружающих, остро переживающего конфликтные отношения с миром: «...*кос жель моз сідзи и чегсьб, некодбс оз сиббд дінас. Ненавижу пб папу и маму, и тебя, бабуля, тоже!*» («Словно сухая тонкая лучинка, так и гнется, ломается, никого к себе не подпускает») (симптоматично, что образы людей творческих профессий и детей аккумулируют в себе наиболее емкую и выразительную художественную энергию). Следует отметить, что даже в произведениях Н. Куратовой сложившуюся концептуальную основу творчества которой составляет убеждение, что женский характер, сильный, устойчивый, выдержит все испытания и именно в женщине сконцентрирована извечная, неиссякаемая сила жизни, появляются несколько иные краски (писательница настолько последовательна в конструировании характера женщины, что впору вести речь о создании Н. Куратовой единого женского характера, слагаемого из разных, представленных в ее рассказах и повестях¹. Так, мироощущение героини рассказа Куратовой, оптимистичной, безоглядно верящей в силу и разум человека, омрачено тенью недомумения; она также осознает, что нарушена целостность уз, надежно и гармонично связывающих ее с миром. Возможно, оттого создается впечатление, что жизнелюбивая лирическая энергия, излучаемая героинями произведений Куратовой постсоветского периода, словно приглушена; героиня, ошеломленная реалиями окружающей действительности, ощущает себя в изоляции. Героиня Куратовой с тревогой всматривается в гримасы изменившегося мира в попытках познать его и понять. Так, тетка Анна, героиня рассказа «Важ печкан» («Старая прялка», 2002), горестно наблюдает, как дети и внуки легко и безоглядно расстаются с памятью о прошлом (вознамерились выбросить старую прялку), тетка Ульяна, героиня рассказа «Висьтасьбм», не находит слов, чтобы выразить свое отношение к разительным переменам. В ее монологе нарастает тревога, создающая ощущение того, что мир рухнет: «...*Ог вед бур мойд сяркбд – медлѣксб. Медым челядь ай-мамлы тадзи! Да медым уджтбг гымъялісны ён мужикьяс! Да медым кутибмья зептысь юисны! Кампужитчисны! Тешитчисны челядь вылас! А коді оз вись тайб сбс висьбмнас, мбд пблбс висьбм пбдтб найбс. Колбм висьбм. Да нбшта на страинбйторджськ – веськодьлун ...*» («...*Не хорошую сказку ведь докладываю – самую плохую. Да чтоб дети так родителям! Да чтоб без работы здоровые мужики ступали – вышагивали! Да чтоб пили неизвестно на что! Буянили, дебоширили!*»

¹ Об этом подробнее: [Кузнецова, 2003, с. 80–88].

Издевались над детьми! А того, кто не страдает этой гадкой болезнью, другая болезнь душит. Болезнь, когда человеку все хочется иметь. Да еще страшнее – равнодушие ...»). Следует отметить, образ созерцающего героя играет особую художественную роль в изображении разрушающегося мира (то, что герой отстранен от рушащейся жизни, также выражает дисгармоничность его связей с миром). Ошеломленный герой наблюдает, как подобно лавине, несется хаотичный поток жизни.

В современном рассказе воцаряется острое чувство безысходности, которое воссоздается и тем обстоятельством, что, многократно повторяя и углубляя, писатели словно нагнетают апокалиптические мотивы; более того, даже в творчестве отдельного автора имеет место своего рода амплификация – развитие, варьирование, нагнетание, усиление подобных мотивов. Так, А. Ульянов в рассказе «Сьёд ар» выразительно показал процесс разрушения устоев жизни; в определенном смысле это произведение является симптоматичным и выразительным художественным явлением времени. Однако в рассказах «Вылъ керка» («Новый дом», 1996), «Джуджыд керёсын, гажа нёрысын...» («На высокой горе, на красивом пригорке», 2002), «Вошлём ловьяс» также эсхатологические ощущения, принимая иные художественные формы, усугубляют, нагнетают данную мысль. Если в рассказе «Сьёд ар» автор повествует о полной драматизма истории жизни Петыра, покончившего с собой, в произведении «Вошлём ловьяс» Ульянов применяет несколько иные принципы художественного изображения. Ведая о путешествии двух заблудших душ, писатель так строит повествование, что, не проникая в глубины характеров, не детализируя психологическое изображение, он создает впечатление, что только открывает счет заблудших, потерянных душ: их много, их неисчислимо количество. Открывая причины смерти данных героев, автор словно подчеркивает, что смертей великое множество и причины их самые разные. Если в рассказе «Сьёд ар» изображение сосредотачивается в ареале маленькой, умирающей деревни, ощущениях и переживаниях героя рассказа Петыра, в рассказе «Вошлём ловьяс» ширится пространство изображения. Образы заблудших душ, парящих над родной деревней, рекой, в сущности, потерявших ориентацию, удивительным образом позволяют читателю абстрагироваться, и это обстоятельство углубляет эффект художественного обобщения. У читателя создается ощущение, что весь мир повержен в хаос, пучину непонимания.

Власть разрушительных сил, что во многом определяет мышление современного общества, конечно, препятствует тому, чтобы сюжет

базировался на созидательном действии. Энергия героя чаще направлена на переосмысление прошлого, обдумывание былого (общество переживает период переосмысления), что находит формы выражения в произведениях исповедального и мемуарного характера. Данные особенности эстетики коррелируют и с тем обстоятельством, что кардинально меняется художественная природа литературы, исчезает явно или незримо присутствующая в литературе советского периода (даже в произведениях аналитически-критической направленности) тяга к идеалу¹ созидательный пафос исчезает и из сферы авторского сознания. Это обстоятельство во многом становится определяющим.

В осмыслении драматичного времени рассказ стремится к убедительности, достоверности (это, безусловно, связано с освобождением литературы от свойственного советскому искусству стремлению изобразить жизнь такой, какой предпочтительнее было ее видеть). Тяга рассказа к достоверности выражается и в предметной изобразительности. Так, в рассказе М. Остаповой «Кымын арõс тэныд, пõль?» («Сколько лет тебе, дед?», 2007) зарисовка, открывая контрасты современности, представляет портрет преждевременно состарившегося, опустившего человека и завершается вопросом «Мый лоõ аски?» («Что будет завтра?»). В. Лодыгин, подобно Е. Рочеву в повести «Кõрысь тэрыбджык», переходит к риторичной, безобразной речи, горько описывающей грустные картины современности в рассказе «Верст джын» («Полверсты», 2008). Изображается безрадостная картина современности и в рассказе А. Вурдова «Заремка» (2008). *«...Совхоз кисьтисны, клуб тупкисны, лавка õтчыд-кыкысь воссьылас недель чõжнас ... Йõсõ энõвтисны – вот мый медся лёкыс! ...кодi юны лэччис, кодi энõвтис чужан мусõ бокысь олõм корсьны. Да и олысьясыс унаõн вежсисны мывкыднаныс эз бурлань. ...Сьõлõмнысõ чорзьõдисны – õти кывйõн кõ шуны» («...совхоз развалили, клуб закрыли, магазин пару раз в неделю открывается... Люди обделены заботой – вот что самое плохое! ... кто спился, кто вдалеке от родной земли счастье ищет. Да и сознание людей изменилось не в лучшую сторону ... Сердца*

¹ Отмечая как одну из наиболее характерных особенностей литературы советского периода «опережающее, авангардное изображение жизни такой, какою она может и должна стать», В.И. Тюпа приходит к выводу: «Реалистический “авангардизм”, зародившийся в русской литературе (восходящий еще к соловьевскому тезису “замечать в том, что есть <...> задатки того, что должно быть”) и утверждающийся в ней, в лучших произведениях, свободных от эпигонства и иллюстративности, не всегда приемлемых с позиций официальной литературной политики соответствующего периода, явился одной из наиболее значительных ипостасей новейшей парадигмы художественности – парадигмы, определяющей лицо искусства XX века» [Тюпа, 1993, с. 373].

свои ожесточили, если сказать одним словом»), – ведет речь один из героев произведения. В стремлении к достоверности рассказ обретает и определенного рода тенденциозность. Так, близкое к очерковому названию «Сикт вежсьб бурланьб...» («В селе жизнь становится лучше...», 2007) дает рассказу Н. Обрезкова. Фраза из школьного сочинения принимает ироническое значение, вскрывая противоречия, что характеризуют драматичную современность (тот факт, что в связи с открытием в селе детского дома появляются новые рабочие места, ребенок характеризует как положительный).

Немаловажно и то, что в разрушении мира рассказ теряет художественные качества, обретая черты натуралистичности и сближаясь с так называемой «чернухой». С исчезновением пафоса героизации, свойственного литературе советского периода, в рассказе, с одной стороны, утвердился дегероизация, порой нарочитая, принимающая даже формы откровенной «чернухи» (рассказы А. Размыслова «Орбдбм вуж» («Оборванный корень», 1992), «Бать» («Отец», 1992), Э. Тимушева «Крест» (1999) и др.), с другой стороны, рассказ обратил свое внимание на обычное, повседневное течение жизни, ее второстепенные моменты и реалии (именно с этим обстоятельством связано и впечатление калейдоскопичности, что производит рассказ). В обращении к повседневной будничности есть также некая нарочитость, желание противостоять свойственной советской литературе утопичности. Можно сказать, в рассказе обострилось внимание к жизни, в нем усугубилось стремление изобразить ее такой, какая она есть. В преувеличенном внимании к калейдоскопичной повседневности, любовании ею рассказ близок к натуралистичности, что, в свою очередь, сродни с сентиментальностью, чувствительностью, к которым расположена литература периода порубежья¹.

Среди рассказов этого типа привлекают внимание произведения О. Уляшева; его рассказы – довольно своеобразная форма выражения сознания автора. Прозаик углублен в раздумья, словно находится в поисках непростого решения (зачастую ирония и юмор автора – своего рода щит, маска): течение жизни, что он фиксирует, будто отделено невидимой границей от сферы мышления автора. Неуловимо автор дает почувствовать читателю, что изображаемое в рассказе – всего лишь фон, а основная семантика произведения полуприкрыта («фон» принимает в его произведениях особое значение. Думается, именно в

¹ Думается, вполне справедливо утверждение М. Эпштейна о том, что «новая сентиментальность» имеет будущее [Эпштейн, 1996, с. 201–205].

том, что в будничной повседневности писатели видят лишь фон, не усматривая живых красок жизни, находят выражение кризисные моменты, что переживает современник). Он внимателен к особенностям мироощущения неприметного, самого обычного человека (рассказы «Аддзысьбѣм» («Встреча», 1998), «Пѣдруга» (1998), «Тюлень кучик» («Кожа тюленя», 2002) и др.) В действиях, поступках, которые совершает он привычно в череде дней, автор открывает простую истину о том, что будни формируют течение жизни и человек включен в его неторопливое движение. Вообще на путях тех изменений, что переживает современный коми рассказ, он, словно заглядывая в глубь жизни, фокусирует внимание на обычном, среднем человеке. То, что герой не переживает глубоких чувств, озарений, приносящих ему новое видение жизни и кардинальные изменения в духовном состоянии, связано, конечно, и с утвердившимся в современном обществе взгляде о предпочтительном эволюционном, естественном развитии. Рассказ вводит в литературу жизнь в убедительной достоверности, утверждаясь в ее вечной неизменности. Он внимателен к жизни как таковой в ее привычных бытовых проявлениях. В сущности, в пресловутой «безгеройности» и обращенности к пестроте повседневной будничности рассказ постепенно приходит к утверждению самоценности жизни – жизни как таковой. В «безгеройности» есть также некая нарочитость, связанная со скрытым стремлением литературы освободиться от свойственного советскому искусству тяготению изображать жизнь такой, какой хотелось бы ее видеть. Рассказ пытается изобразить жизнь в ее всеохватности, понять ее, исследовать. В то же время следует отметить, в несколько нарочитом упоении рассказа живописанием пестроты жизни скрыта растерянность, что в полной мере ощущает современник, поверженный хаосом жизни.

То, что рассказ видит жизнь как цепь привычных, обыденных, самых обычных событий и происшествий, во многом меняет его поэтику. Засилье повседневности – также выражение состояния поисков, переживаемое современной прозой. Герой возымеет иной статус. При воссоздании разрушающегося мира он занимает центральное место. Но в произведениях, где накал чувств и ощущений отходят на второй план, на первое место выходит сама жизнь в убедительности ее повседневных реалий. Уже не ощущения героя, а его действия, поступки, включенные в привычную череду событий, в центре внимания. Образ героя теряет яркость красок. Современный рассказ достаточно емко характеризуют слова В. Кожина о том, что «в хаотичной пестроте современной жизни проза еще не разглядела и не создала героя» [Ко-

жинов, 1991, с. 58]. При внимании к будничному течению жизни, когда исчез особый пафос, возвышающий героя, рассказ обретает и определенную всеохватность; при утере деятельной, определяющей роли героя в развитии жизни рассказ пытается рассмотреть законы движения жизни, развивающейся вне зависимости от его деятельного участия.

В то же время концентрация внимания на «фоне», придающая убедительность и достоверность изображению, обнаруживает, что рассказу (как, впрочем, и роману) пока сложно открыть существенные аспекты современной жизни. Это связано с тем, что отношение современника к миру потеряло свою гармонию: мир в его восприятии рассыпается в калейдоскоп хаотичных связей. Рассказ словно уходит «в ширину», ему свойственна экстенсивность особого рода. Развиваясь в данном направлении, он мозаичен. Неспроста О. Уляшев определяет жанр своих рассказов как «олѓм лестукьяс» («лоскутки жизни») (рассказы «Ковбой» (1998), «Аддысьѓм», «Пѓдруга»), а А. Одинцов – «олѓмысь торпыригьяс» («осколки жизни») (рассказы «Мынтысис» («Расплатилась», 1997), «Пернаа ыж» («Овца с крестом на шее», 1997), «Велѓдѓс» («Проучил», 1997), «Бурдѓдѓс» («Вылечили», 1997), «Бомба» (1997)). В то же время происходит своеобразное «накопление» в художественной плоскости рассказа конкретных реалий, воссоздающих повседневное течение жизни.

Рассмотренные особенности художественного развития рассказа, конечно, связаны с ослаблением концептуального взгляда: в фокусе художников жизнь как таковая. В соотношении художник – жизнь второй пункт превалирует. Рассказ переживает период накопления материала: созерцание – вот его удел. Писатели словно упиваются неброской красотой будней.

Коми рассказ рубежа XX–XXI веков представляет очень непростое, неустоявшееся явление. Он достаточно полно выражает не только состояние поисков, но и своеобразие кризисного периода, что испытывает современная проза. Крушение мировоззренческих основ, что переживает современное общество, необъяснимо и очень выразительно сказалось на жанре рассказа: ощущение калейдоскопичности, что производит рассказ (при наличии многочисленных художественно несовершенных произведений), связано с утерей ценностных ориентиров. В состоянии поиска отказавшись от крупных, ярких характеров, рассказ в очень непростой, переходный период видит жизнь как довольно пеструю мозаику. Несмотря на попытки рассмотреть закономерные связи и отношения, в целом жизнь видится современному рассказу как хаотичное сцепление событий и явлений. В рассказе, безусловно, нашли во-

площение апокалиптические ощущения; герой растерян, поглощен лавиной разрушающейся жизни, его характер характеризуется отсутствием цельности (размышляющий и постоянно вопрошающий герой, во многом живущий опытом прошлого, также не способен к выработке целостного взгляда на жизнь). Если в разрушении мира рассказ обретает художественную силу (насыщается обобщенностью, энергией метафоры), в воссоздании целостной картины жизни он испытывает сложности: настоящее время к этому не располагает.

Литература

- Галина М. Литература ночного зрения. (Малая проза как разрушитель мифологической системы) // Вопросы литературы. 1997. № 5.
- Кожин В. Закон сохранения художественности // Литературная учеба. 1991. № 6.
- Кузнецова Т.Л. «Нывбаба пельпом вылын сулалё муыс!..» (талунья коми прозаын аныс йылысь серни) // Кузнецова Т.Л. Литература сбман туйяс : гижысь да кад (Гижод чукор). Сыктывкар, 2003. (Кузнецова Т.Л. «На женских плечах держится земной шар!..» (разговор о женщинах в современной коми прозе) // Кузнецова Т.Л. Пути развития литературы : писатель и время. Сыктывкар, 2003).
- Тюпа В.И. Альтернативный реализм // Избавление от миражей : Социалистический реализм с разных точек зрения. М., 1990.
- Эпштейн М. Прото-, или конец русского постмодернизма // Знамя. 1996. № 3.

МЕТАИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале русских рассказов 80-х годов XX–XXI веков)

А.С. Гавенко

Ключевые слова: метатекстуальность, интерметатекстуальность, рассказ, художественный текст, дискурс.

Keywords: metatextuality, metaintertextuality, story, literary text, discourse.

В гуманитарных науках определение метатекстуальности обосновывается конкретными позициями исследователя, что предопределяет различные аспекты изучения этого явления (лингвистический, литературоведческий, семиотический и др.) Традиционно данное понятие связывают с исследованием А. Вежбицкой, вслед за которой к метатек-

стуальности обращаются Т.Я. Андрущенко, Ю.М. Лотман, Е.В. Падучева, Н.П. Перфильева, А. Попович, Н. Рябцева, Р.Д. Тименчик, П.Х. Тороп, В.А. Шаймиев, Т.В. Цивьян, А. Popović, E. Müller-Zettelmann и др., каждый из которых расширяет или сужает его содержательное наполнение этой категории.

Существуют различные подходы к метатексту как к реализации метатекстуальности, в частности, исследователи определяют метатекст как «высказывания о текущей речи в этой же речевой ситуации» [Ну-пуонг, 2004, с. 202], акцентируют такие его особенности, как способность к комментированию, интерпретации, восприятию (например, понимание метатекста В. Шаймиевым в работах 1980–1990-х годов как «прагматико-ситуативного речевого образования, отражающего и обслуживающего конкретные ситуации развертывания (порождения), комментирования (интерпретации) и /или восприятия конкретно-определенного основного текста (текста-объекта)» [Шаймиев, 1996, с. 80]), в литературоведении начала XXI века распространенным стало понимание метатекстуальности как автотекстуальности [Болдырева, 2007] и др. Объединяющим для этих подходов является осмысление метатекстуальности как текстового явления, отражающего «разные приемы обработки информации», постулированное в исследованиях начала 1980–1990-х годов [Андрущенко, 1981, с. 130; Рябцева, 1994, с. 90]. Плодотворным и актуальным для нашего исследования является коммуникативный подход к изучению метатекста, представленный в работах Н.П. Перфильевой, которая понимает метатекст как модусную категорию, выражающую «речевую рефлексию Говорящего относительно собственного речевого поведения» и оформляющуюся «вербальными и паралингвистическими средствами» [Перфильева, 2006, с. 11].

Метатекстуальность – многогранное явление, осмысление которого позволило Н.С. Олизько говорить о взаимодействии дискурсов и семиотических систем, что было обозначено исследователем как текстовая категория интердискурсивности, подвидами которой являются интермедиальность и метадискурсивность [Олизько, 2009]. Это расширяет представление о метатекстуальности как о комментирующей, критической ссылке на свой предтекст (Ж. Женетт): метатекст как реализация метатекстуальности – это реализация не только конструкции «текст о тексте», но и «дискурс о дискурсе» (метадискурс), «семиотическая система о семиотической системе» (интермедиальность).

Метатекстуальность, рассматриваемая как одна из форм интертекстуальности, представляет собой широкое по своему содержанию

явление, получающее реализацию на разных уровнях (текст, дискурс, семиотическая система) и связанное с проблемой межтекстовых взаимодействий. Однако степень выдвижения метатекста как реализации метатекстуальности в том или ином художественном тексте может быть различной. Это, в свою очередь, диктует необходимость введения в теорию метатекстуальности новых понятий, в частности **метатекстовости**, под которой понимается способность базового текста манифестировать оцениваемые, комментируемые, поясняемые и другие текстовые заимствования (в том числе и в семиотическом, дискурсивном смысле). Так, в рассказах «нового реализма», созданных в начале XXI века, метатекст, в отличие от постмодернистских рассказов 1980–1990-х годов, занимает более значительное место.

В ситуации описания (комментирования, интерпретации и т.д.) текстом самого себя, метатекстуальность реализуется и в случае включения комментируемого «чужого текста» в контекст художественного произведения, а это приводит к идее первичности / вторичности текста. Включаясь в тот или иной художественный текст, первичный текст, сохраняя производные связи с исходным, внося в художественную коммуникацию элементы первичной коммуникации (часто – нехудожественной), тем не менее становится фактом художественного произведения и тем элементом, благодаря которому художественный текст приобретает новые характеристики, являющиеся результатом различных условий коммуникативного взаимодействия в том или ином типе коммуникации. В случае реализации метатекстуальности исходный текст, приобретая признаки вторичности, становится объектом художественной интерпретации. Постулирование ситуации такого взаимодействия обосновывает актуальность исследования метатекстуальных явлений в художественной коммуникации и необходимость уточнения особенностей их реализации в тексте.

Метатекстуальные взаимодействия, отсылающие к миру «чужих» текстов и предполагающие оценку, комментирование, пояснение и тому подобное, последних, определим как взаимодействия, имеющие затекстовый характер. С целью избежать тавтологичность в обозначении данного вида метатекстуальных взаимодействий определим его как экзогенные метатекстуальные взаимодействия (от греч. *exo* – ‘вне, снаружи’ + *genes* – ‘порождаемый’; такой тип взаимодействия порождается за счет авторской интенции и включения «чужого слова» извне). По нашему мнению, если метатекстуальность реализуется и в случае включения комментируемого «чужого текста» в контекст художественного произведения, то на первый план выходит такой тип тексто-

вых взаимодействий, как «текст о тексте в тексте». Такой тип межтекстовых взаимодействий, наблюдаемых в художественном произведении, мы определим как **метаинтертекстуальный (метаинтертекстуальность)**. Цель данной статьи и заключается в обнаружении явления метаинтертекстуальности и ее функциональной значимости в художественных текстах «нового реализма» и постмодернизма в их сопоставлении.

Обнаружение и анализ реализации метаинтертекстуальности в художественном тексте предполагает следующее:

- 1) выявление текстовых фрагментов, содержащих отсылку к чужим текстам (интекстуальные и архитектстуальные единицы);
- 2) обнаружение метатекстуальных маркеров – единиц, комментирующих, поясняющих, интерпретирующих «чужой» текст;
- 3) рассмотрение «чужого» текста и комментирующих его включений как целостной единицы, имеющей метаинтертекстуальный характер, с целью выявления ее функциональной значимости в тексте художественного произведения.

В аспекте выявления и анализа метаинтертекстуальных взаимодействий плодотворным материалом, по нашему мнению, являются тексты современных рассказов. Такой выбор материала исследования не случаен: во-первых, тексты современных художественных произведений (и в первую очередь рассказов) в настоящее время характеризуются малой изученностью; во-вторых, они представляют собой уникальный материал для исследования, так как сложность, противоречивость и переломный характер современного литературного процесса свидетельствуют, с одной стороны, о формировании новых эстетических тенденций в художественной коммуникации, с другой – о преемственной связи новой литературы и постмодернистской, что требует обращения к объемному корпусу текстов; в-третьих, обращение жанру рассказа (в его авторском определении), с одной стороны, обеспечивает внутрижанровость исследования, с другой – позволяет гипотетически соотносить результаты исследования с другими жанрами, так как рассказ – «не просто малая эпическая форма. Форма – это не количество, а качество. Рассказ – это эмбрион романа, не говоря уже о повести. Энергетически это роман в свернутом, зачаточном виде» [Бадиков, 1996, с. 4].

Метаинтертекстуальные отношения как отличительная черта дискурса современного рассказа имеют различные варианты репрезентации в художественных текстах. Осмысление феномена цитатной гибридности позволяет обозначить реализацию метаинтертекстуальных

взаимодействий как ситуацию наложения интертекстуальных знаков различной природы (собственно метатекстуальных и других интекстуальных единиц, например, архитектуальных, паратекстуальных и т.д.).

Экзогенные метатекстуальные взаимодействия реализуются на различных уровнях. Уровень частотной реализации таких взаимодействий определим как архитектуальный (в широком смысле этого слова). В данном случае имеется в виду не только жанровая связь текстов (тексты-синтезы, совмещающие в себе черты различных жанров), но и введение в текст рассказа – литературного произведения (его фрагмента) в оригинальном варианте, часто – с соблюдением исходного графического оформления (например, разбиение на строки), жанр которого указывается непосредственно в самом рассказе или жанровая (и / или родовая) принадлежность которого «лежит» на поверхности, при этом наблюдается оценка и / или комментирование этого произведения путем указания на его авторство, хронологические характеристики, «намеков» на его принадлежность к определенной группе произведений и т.д., что в свою очередь задает ситуацию взаимодействия текстов различных жанровых характеристик. Проиллюстрируем указанный тип метаинтертекстуальных взаимодействий на примере текстового фрагмента из рассказа «Афинские ночи» (2000) одного из представителей «нового реализма» в современной литературе – Романа Сенчина.

– Я люблю хорошие стихи, – гордо отвечает Борис. – Я ведь не быдло, как некоторые, а продвинутый молодой человек...

– Что за стихи-то?

– Был такой поэт серебряного века, Одинокий. О нем Ходасевич, Георгий Иванов писали, но презрительно так. Вроде алкаш и графоман. Хотя Иванов приводит один стих Одинокого, с которым его описки и рядом не ночевали.

Дэн морщится:

– Хорош про стихи. Что, мы о стихах собрались перетирать?

– Нет, ты послушай, – не отступает Борис, – даже тебе должно покать. – И слегка визгявлым голосом декламирует:

Я до конца презираю

Истину, совесть и честь,

Только всего и желаю:

Бражничать блудно да есть.

Только бы лънули девчонки,

К черту пославшие стыд,

Только б водились деньжонки

Да не слабел аппетит!

– Наизусть заучил, – подмигивает мне Дэн.

Борис заводится стремительно и неудержимо, захлебывается от эмоций:

– А что, скажешь, *дерьмо*?! **Самые современные сейчас стихи, почти гимн. И вот появилась наконец-то целая книга. Там такие вещи попадают!**..

Да, мне хорошо, слишком хорошо. Как-то страшиновато даже. Быстро пьянею, но ни от пошла скорей, а от ощущения почти забытой свободы, чего-то необычного, небудничного.

В приведенном фрагменте интерметатекст характеризуется не только включением стихотворного текста в текст рассказа, но и метатекстуальным указанием на его родовую принадлежность (*стихи*), авторство (*Одинокий*), его временные координаты (*серебряный век*), что в свою очередь оправдывает введение более широкого контекста (упоминание творчества В. Ходасевича, Г. Иванова). Помимо метатекстуальных маркеров, сигнализирующих о репрезентации указанных характеристик включенного текста, отметим наличие таких, которые обеспечивают оценочное комментирование «чужого» текста персонажами: оценочная и стилистически окрашенная лексика, в том числе сообщающая об отношении говорящего к предмету речи и характеризующая говорящего (*хорошие стихи*, разговорно-сниженное и презрительное *дерьмо*, *покатить*, *перетирать*). Отдельные лексемы в представленном фрагменте приобретают экспрессивно-синонимические контекстные значения, свидетельствующие об эмоциональной напряженности персонажа: **самые современные стихи** (оценочность задается осмыслением «чужого» текста начала XX века в пространстве XXI века, создающим эмоционально-экспрессивный ореол вокруг стилистически нейтральной аналитической формы превосходной степени прилагательного *современный*); **описки** (по отношению к текстам других поэтов первой трети XX века; контекстное значение задается и противопоставлением лексем *описки* – *гимн* – *стихи*) и др. Метаинтертекст не только иллюстрирует формальную выраженность, «обнаженность» включенного текста, но и задает формирование основных линий восприятия и интерпретации рассказа читателем в аспекте межтекстовых взаимоотношений (взаимодействие включенного текста и текста-донора, имеющее метатекстуальную специфику). Как отметил В.С. Филиппов, сознание читателя способно акцентировать те элементы текста, которые релевантны для интерпретации художественного произведения и формируют смыслы, приращиваемые к уже освоенному на предыдущих этапах интерпретации [Филиппов, 2002, с. 72].

В данном аспекте метаинтертекст является той единицей, которая, будучи средством выражения актуально значимых смыслов художественного произведения, участвует в процессе понимания читателем текста в его актуальном развертывании.

Категория метаинтертекстуальности обеспечивает в контексте художественного произведения «диалектику понимания и объяснения», их «двойное соотношение» [Рикер, 1995, с. 8–9]. По выражению П. Рикера, понимание предполагает объяснение, а объяснение способствует пониманию (любой текст находится на стыке понимания и объяснения – «больше объяснять, чтобы лучше понимать» [Рикер, 1995, с. 8–9]). Поле метатекста, включающее в себя элементы «чужого» текста, выполняя функцию его комментирования (объяснения), тем самым определяет возможные линии восприятия и интерпретации (понимания) произведения читателем.

К линиям восприятия и интерпретации рассказа читателем в приведенном выше текстовом фрагменте отнесем следующие.

1. Соотношение конкретного рассказа и его автора с определенным стихотворным произведением и поэтом – рассказа Р. Сенчина «Афинские ночи» и стихотворения Одинокого (А. Тинякова), для творчества которого характерны цинизм, прославление аморализма, пьянства, что создало ему скандальную славу среди современников. Указанные тексты соотносимы тематически, так как представляют прославление физиологичности и натуралистичности бытия. Как и лирический герой стихотворения, персонаж рассказа погружен в бытовую жизнь, в которой ничего необычного не происходит и в которой каждодневно сталкивается с мелкими неприятностями и заботами, но встреча со старыми друзьями оказалась тем значительным событием в повседневной жизни, которое привело к возможности переступить существующие в современном обществе табу и догмы. Антинормативность – отличительная черта творчества многих авторов «нового реализма»: «...они описывают грязный реальный мир нынешней молодежи – подростковая проституция, массовая наркомания, бывшие чеченцы, разделения на банды, погромные настроения...» [Бондаренко, 2003, с. 7]. Такую особенность своих произведений отметил и Р. Сенчин: «...пою о том, что вижу. Стараюсь не врать... К сожалению, вижу я в основном то, что вряд ли кого-то обрадует... Меня ругают и за то, что передаю действительность один в один. Требуют правды художественной, а не жизненной» [Сенчин, URL]. Таким образом, взаимодействие базового текста и включенного позволяет читателю соот-

нести жизненные позиции, ценности человека первой трети XX века и начала XXI века.

2. В контексте сказанного формируется и линия сопоставления творческих исканий современности и прошлого (начала XX века), что формирует новую проекцию интерпретации как включенного текста, так и текста рассказа, например, с точки зрения языка художественных произведений на определенном этапе развития литературы, эстетизации антинормы с целью создания эффекта «жизненной правды» в аспекте использования в художественном тексте лексики ограниченной сферы употребления, ненормативной лексики и др.

3. Сопоставление диаметральных точек зрения на включенный текст разных персонажей, например, Бориса, декламирующего стихи *Одинокого* (*хорошие стихи; Иванов приводит один стих Одинокого, с которым его описки и рядом не ночевали; самые современные сейчас стихи, почти гимн, такие вещи и другое*), Дэна, которого эти стихотворения оставляют равнодушным (*хорош про стихи*), рассказчика. Рассказчик стремится дать объективное описание наблюдаемых им ситуаций, старается не проявлять себя, однако, с одной стороны, заданный лексический контекст свидетельствует об ироничном его отношении к рассуждениям персонажей о цитируемом произведении, с другой – является посылком к его обобщениям (*Да, мне хорошо, слишком хорошо... Быстро пьянею, но ни от пошла скорей, а от ощущения почти забытой свободы, чего-то необычного, небудничного*).

Полилоги персонажей, построенные на основе использования ненормативной лексики и лексики ограниченной сферы употребления, перемежаются с их комментариями, оценками различных произведений *Одинокого*. Такой принцип метаинтертекстуальной организации приводит к мысли о попытке персонажей, понимающих сложность и «неправильность» своей жизни, оправдать свои жизненные позиции, поступки, свою речь, жестокость и др. (об этом и свидетельствует указанное обобщение рассказчика, отмечающего ощущение *чего-то необычного, небудничного*).

Комментирование, оценка, интерпретация включенного текста персонажами и рассказчиком обеспечивает вовлечение в этот процесс и читателя, который получает возможность соотнести свою точку зрения с мнениями героев рассказа, выработать собственную позицию в отношении включенного текста, прийти к своему пониманию всего рассказа.

4. Роль включенного текста в тексте рассказа в аспекте процессов смыслопорождения, а именно: метаинтертекст оказывается тем прие-

мом, который не только задает ситуацию диалогического взаимодействия автора и читателя, но и акцентирует внимание последнего на определенных высказываниях (оценочные суждения персонажей, рассказчика в их отношении к включенному тексту), а следовательно, задает возможности осмысления описываемых в рассказе событий не только героями произведения, но и читателем.

Таким образом, в текстах рассказов «нового реализма», отходящих от традиций постмодернизма, многоуровневость организации и восприятия произведения задается посредством реализации категории метаинтертекстуальности акцентированием его диалогической сущности, обеспечиваемой межтекстовыми взаимодействиями на различных уровнях и выводящей на диалог автора и читателя.

Метаинтертекстуальность в данном случае проявляется не только на уровне механизма преобразования первичного текста во вторичный, но и на уровне механизма адаптации включенного текста в контексте рассказа «нового реализма»: комментирование, оценивание текста персонажами как элемент сложной метаинтертекстуальной единицы способствует отталкиванию от разорванного хаотического дискурса, характерного для постмодернистской литературы (например, в постмодернистском рассказе В. Сорокина «Памятник» (1983): «...*Или, может быть, что-то другое. Фонтан невысыхающего гноя. Это тоже будет способствовать многому. Или просто — сало. То есть, не просто сало, а САЛО. А еще лучше вместе — ГНОЙ и САЛО. По-моему, это оптимальный вариант*» – представленный интекстуальный элемент (*ГНОЙ и САЛО* – отсылка к другим произведениям В. Сорокина), вступая в метаинтертекстуальные взаимодействия (*не просто сало, а САЛО; а еще лучше вместе; по-моему, это оптимальный вариант*), формально как «чужой» текст не маркирован, отсутствие формально выраженного «поля» метатекста, который в рассказах «нового реализма» является и «скрепляющим» звеном в межтекстовом взаимодействии, осуществляемом в контексте художественного произведения, еще более усугубляет фрагментарность, хаотичность постмодернистского дискурса, что является результатом реализации принципов деконструкции (децентрации, ризоматичности и других) [Маньковская, 1995, с. 103]. Таким образом, в дискурсе современного рассказа начала XXI века формируется диалектическое единство двух противоположных тенденций: с одной стороны, отталкивание от характерной для постмодернистской традиции фрагментарности дискурса, с другой – тенденция к многоуровневой организации и восприятия текста в процессе художественной коммуникации.

Помещение интекстуальных элементов в метатекстуальные рамки в рассказах «нового реализма» объясняется, с нашей точки зрения, спецификой современного литературного процесса, стремлением авторов реализовать «по-реалистичному серьезное отношение к миру и человеку» и ориентацией «на творческое осмысление бытия и фактов (в том числе и текстовых – А.Г.)» [Маркова, 2006, с. 158]. Задаваемая метаинтертекстуализацией многоуровневость организации и восприятия текста связана с ориентацией современных литературных произведений, отходящих от традиций постмодернизма, одновременно на элитарного и массового читателя, со стремлением авторов приблизиться к обыденному сознанию, сделать текст более удобочитаемым и удобовоспринимаемым. Художественная коммуникация в ситуации формирования оппозиции постмодернизму теперь в большей степени направлена в сторону адресата, в большей мере ориентируется на успешность взаимодействия коммуникантов.

Активная метаинтертекстуализация – черта, формирующаяся в «новом реализме» под влиянием постмодернистской поэтики, поэтому метатекстуальные включения, относящиеся к интекстуальным знакам, – особенность и постмодернистских рассказов, однако в данном случае их функциональная нагрузка иная. Метатекстовость как способность текста манифестировать оцениваемые, комментируемые текстовые заимствования в постмодернистских текстах зачастую имеет латентный характер. Если в произведениях «нового реализма» метаинтертекстуальные вкрапления являются явно выраженной, непосредственной частью дискурса персонажа, повествователя, рассказчика, то в постмодернистских произведениях они обнаруживаются на уровне иных элементов текста. Например, в рассказе В. Пелевина «Греческий вариант» (1997), метаинтертекст создается посредством реализации маркеров иронии и стеба (используется в ситуации, когда «всем смешно, кроме того, над которым смеются»); «...стеб близок к глуму <...> часто выражается в сведении сюжетной ситуации к абсурду и примыкает к сатире...» [Плат, URL]). В качестве таких маркеров выступают: противопоставление в пародийном ключе сюжетов античности и современности, эклектичность лексики, выражающаяся в сочетании разнородных лексических пластов – архаической лексики и отражающей реалии современной действительности (*разъяренное старичье* и *жизнеописание Калигулы*, *секретарь-референт Таня* и *серебряный орел... древнего легиона*, *остолбевшие пенсионеры* и *пять римских сестрицев* и т.п.) и др.:

Часто он превращал свою жизнь во фрагмент пьесы по какому-нибудь из античных сюжетов. ... Перечтя у Светония жизнеописание Калигулы, он вышел к толпе в короткой военной тунике, со скрещенными серебряными молниями в левой руке и венке из березовых листьев. Сотрудники отдела фьючерсов несли перед ним знаки консульского достоинства (это, видимо, было цитатой из "Катилины" Блока), а в руках секретаря-референта Тани сверкал на зимнем солнце серебряный орел какого-то древнего легиона, только в рамке под ним вместо букв "S.P.Q.R" была лицензия Центробанка. Остолбевшим пенсионерам было роздано по пять римских сестерциев с профилем Кудрявцева, специально отчеканенных на монетном дворе, после чего он на варварской латыни провозгласил с крыльца:

– Ступайте же, богатые, ступайте же, счастливые!

В данном случае метаинтертекстуальные взаимодействия имеют целью не только «перепрочтение» текстов, элементы которых представлены в качестве интекстуальных знаков, но и разрушение их стереотипного восприятия [Шром, 2000, с. 144], а главное – такие взаимодействия способствуют реализации основных идей постмодернизма, в частности, перфоманса, стирающего грань между реальностью и не-реальностью, искусством и не-искусством. Представленный метаинтертекст оправдывает и объясняет сведение сюжетной ситуации рассказа В. Пелевина к абсурду, который и определяет дальнейшее развитие повествования, приобретая в финале рассказа значение организующего начала произведения.

Таким образом, метаинтертекстуальность – явление, характерное для дискурса современного рассказа, однако в текстах «нового реализма» и постмодернизма оно имеет различную функциональную значимость. А именно.

1. В текстах рассказов «нового реализма» метаинтертекст как реализация метаинтертекстуальности не только иллюстрирует формальную выраженность, «обнаженность» включенного текста, но и задает формирование основных линий восприятия и интерпретации рассказа читателем в аспекте межтекстовых взаимоотношений; в постмодернистских рассказах метаинтертекст не заявляет формальную выраженность «чужого» текста, усложняя тем самым ситуацию интерпретации и понимания рассказа читателем.

2. Метаинтертекстуальность в рассказах «нового реализма» проявляется не только на уровне механизма преобразования первичного текста во вторичный, но и на уровне механизма адаптации включенного текста в контексте рассказа: комментирование, оценивание текста

персонажами как элемент сложной метаинтертекстуальной единицы способствует отталкиванию от разорванного хаотического дискурса, характерного для постмодернистской литературы; в рассказах постмодернизма метаинтертекстуальность, не являясь «скрепляющим» звеном в межтекстовых взаимодействиях, направлена на усиление фрагментарности и хаотичности постмодернистского дискурса.

3. Задавая ситуацию многоуровневого восприятия и интерпретации художественного текста, метаинтертекстуальность в постмодернистском дискурсе не преследует цели способствовать эффективности художественной коммуникации между автором и читателем, а с одной стороны, замыкаясь в тексте и, с другой – выходя в пространство постмодернизма, иллюстрирует «смерть» автора и читателя (см., например: [Шапир, 1995]). В текстах «нового реализма», напротив, метаинтертекстуальные включения, позволяя повествователю, рассказчику и / или персонажу комментировать, оценивать, соотносить прецедентные тексты со своей позицией, дают возможность автору акцентировать внимание адресата на определенных высказываниях, привлекая его таким образом к участию в диалоге, позволяя сделать выводы подтекстового характера. Таким образом, метаинтертекстуальные включения не только выполняют функцию поэтических приемов, способствующих выражению и эмоционально-художественному акцентированию идей художественного произведения, но и являются теми приемами, которые формируют ситуацию диалогического взаимодействия автора и читателя. Метаинтертекстуальность – феномен текста, активизирующий творческое восприятие произведения читателем, его способность к сотворчеству. Задавая посредством метаинтертекстуальных включений ситуацию множественных интерпретаций текста и активного взаимодействия коммуникантов, автор, таким образом, способствует включению читателя в эту ситуацию, который, воспринимая метаязыковые интерпретации автора, создает свою, соотнося ее с авторскими.

Литература

- Андрющенко Т.Я. Метатекст и его роль в интерпретации текста // Проблемы организации речевого общения. М., 1981.
- Бадиков В. Маятник жанра, или феномен рассказа // Аполлинарий. 1996. № 4.
- Болдырева Е.М. Автобиографический метатекст И.А. Бунина в контексте русского и западноевропейского модернизма : автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Ярославль, 2007.
- Бондаренко В. Новый реализм // Завтра. 2003. № 8 (84).
- Маньковская Н.Б. «Париж со змеями». Введение в эстетику постмодернизма. М., 1995.

- Маркова Д. Новый-преновый реализм, или Оять двадцать пять // Знамя. 2006. № 6.
- Олизько Н.С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2009.
- Перфильева Н.П. Метатекст : текстоцентрический и лексикографический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2006.
- Плат А.Н. Юмор, ирония, стеб – что это такое? // Lib.ru : Журнал «Самиздат» [Электронный ресурс]. URL: http://zhurnal.lib.ru/p/plat_a_n_humour.shtml
- Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.
- Рябцева Н. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.
- Сенчин Р. Если слушать писателей, все развалится : интервью [Электронный ресурс]. URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/roman-senchin-esli-slushat-pisatelei-vse-razvalitsya.html>
- Филиппов В.С. Текст : на все четыре стороны // Чествуя филолога : к 75-летию Ф.А. Литвинова. Орел, 2002.
- Шаймиев В.А. Метатекст и некоторые его признаки // Лингвистический семинар. СПб., 1996. Вып. 1. Язык как многомерное явление.
- Шапир М.И. Эстетический опыт XX века : авангард и постмодернизм // Philologica. 1995. Т. 2. № 3/4.
- Шром Н.И. Новейшая русская литература 1987–1999. Рига, 2000.
- Hyunyoung K. Research Note : Theory of MetaText and Forms of its Appearance in Poetics // Acta Slavica Iaponica (Acta Slavica Iaponica). Issue 21. 2004.

АВТОРСКОЕ НАЧАЛО ТЕКСТА И ТИПИЗИРОВАННОСТЬ КОММУНИКАЦИИ

О.Н. Копытов

Ключевые слова: жанр, модус, диктум, авторское начало.

Keywords: genre, modus, dictum, creative potentialities of the author in the text.

Чем мощнее развивалась словесность, в глубину и вширь, интенсивно и экстенсивно, тем большее значение приобретал жанр, то есть выработанная самой практикой коммуникации типизированность текстов. Это проявляется в ряде параметров, а именно – последовательности смысловых элементов, или композиционных схем, способов изложения, взаимообусловленности самого явления действительности и его текстового отражения. В современности большое значение приобретает так называемый «формат», то есть не только указанный объем, но и

целый реестр предписаний «каким должен быть текст», и формальных и содержательных, исходящих из целей группы, контролирующих продуцирование публичных текстов.

Этой группой прежде всего является правительство, затем – региональная власть, затем – редакция, эти группы проводят определенную политику; кроме того – книжное или рекламное и / или PR-издательство, когда первое выстраивает такую типизированность текстов, которая угодна не вкусу, эстетике и истине, а продажам, а второе – тоже продажам, только не текстов, а товаров и «имиджей». И даже Интернет, как глобальный и продуктивнейший поставщик текстов, инспирирует тексты только определенной типизированности, определенных жанров, определенной стилистики, которые позволяют привлечь на этот сайт именно такую целевую группу потребителей текстов.

Вторжение группы как заказчика типизированности наблюдаем и в образовании, первой ступени, среднем и высшем. Здесь при помощи инструмента, называемого Госстандарт, то же правительство заключает образовательные тексты (лекции, семинары, пособия, учебники) в жесткие рамки не только и не столько формальной, сколько содержательной типизации.

Список групп широк, его можно продолжать.

Поскольку типизированность и индивидуальность, если и не полностью взаимоисключающие, то противоборствующие понятия, роль автора, свобода автора, исключительность автора, а в том числе и возможность / невозможность воплощать в тексте авторские интенции, становятся актуальнейшей проблемой. Возможность адресата видеть эти интенции (замыслы и мотивы, но не только) в условиях доминирования типизированности – проблема не менее актуальная. Вторая проблема даже более актуальна, поскольку именно на резонанс с сознанием адресата нацеливает автор те или иные формы своих идей, и только в диалоге сознаний – понимание («При объяснении – только одно сознание, один субъект; при понимании – два сознания, два субъекта <...> Понимание всегда диалогично» [Бахтин, 1979, с. 289–290]).

Вообще лингвистика, включая психолингвистику, когнитивную лингвистику и иные дисциплины, накопила достаточно методик и результатов исследования, позволяющих видеть как психологическую область авторской интенции (например, работы А.А. и Д.А. Леонтьевых, А.И. Новикова и др.), так и когнитивотипичность жанра (А.Г. Баранов) или типологию художественных текстов по эмоционально-смысловой доминанте (В.И. Белянин). Широко известна

работа Е.В. Падучевой о семантике нарратива, где главный вопрос исследования нарратива (художественного повествования) поставлен следующим образом: кто в нарративе является заместителем говорящего? То есть это вопрос о дейктическом центре повествования [Падучева, 1996, с. 200]. Но для нас проблема «авторского» и «чужого» слова в художественном тексте не главная. К тому же на этот вопрос накоплено немало ответов (в частности, в работах В.Н. Волошинова, К.А. Долинина, Б.Н. Успенского, М.М. Бахтина, Н.А. Кожевниковой, И.И. Ковтуновой и др.). Мы попробуем генерировать все указанные подходы, включая описание Е.В. Падучевой переключения в нарративе режимов «автор – повествователь – герой – прочие», включая эмоционально-смысловые доминанты текста и интенции автора и др., для поиска новых ответов на вопрос, как именно автор помещает описание «положения дел» в область логико-психологических переменных, оценок, то есть как именно присутствует в тексте модус текста и как зависит диктум и модус текста от жанра? Как они могут выражаться языковым способом? При этом мы считаем авторский модус (ср. с понятием образ автора) универсальным понятием и художественной и нехудожественных сфер речи (текстов), то есть область отбора материала у нас широкая, кроссферная.

Задача данной работы – рассмотреть, каким образом, при помощи каких языковых средств, какой языковой техники автор может проявлять рефлексию по поводу своего сообщаемого (модус): оценивать ту «объективную информацию», которую сам жанр велит автору вложить в сознание адресата; когда наиболее сильно желание автора наиболее полно выражать свои интенции; наконец, какие из сторон текста, обусловленные коммуникативной типизированностью или собственно волей автора, тяготеют к объективированной стороне текста – диктуму, какие к субъективированной – модусу. При этом надо заметить, что имплицитные формы модуса (в другой терминологии модальности) вообще редко становятся предметом исследования, а тем более, модуса, рассмотренного сквозь жанровые особенности текста. А заключенное в эксплицитированную форму авторское начало в художественном тексте в данном аспекте вообще описывается впервые. Экспликация авторских мотивов в затемненных сторонах коммуникации поможет как самому автору яснее свою интенцию выразить, так и пониманию, то есть самой коммуникации.

Здесь нас интересуют письменные жанры публицистики и художественной литературы.

Начнем с того, что читателю, как правило, советуют найти авторскую интенцию, но часто синонимизируют ее всего лишь с мотивом.

Но понятие интенции только как мотива (автора или персонажа), как говорится, плохо работает, особенно применительно к крупным, сложным жанрам, а иногда вообще не работает. Поясним на таком примере. Если в драматургии понимать под мотивом некую движущую силу истории, рассказанной на сцене, то главным мотивом Гамлета в одноименной трагедии Шекспира «на поверхности» обозначится месть. «Гамлет» – пьеса о мести? Шекспир, подобно Саксону Грамматику, хотел рассказать о мести? Когда пьесу именно так и интерпретировали, получалось плоско, не было ответа на такой вопрос: а почему он так долго не мстит, характеристика Гамлета выводилась как «безвольный, рефлексующий интеллигентик» и под. Другими словами, поверхностно, неверно. Глубокий анализ может получиться, когда в пьесе «Гамлет» под первичным текстом мы рассмотрим вторичный, когда мы услышим голос самого Вильяма Шекспира (а для этого включим в анализ и 66-й сонет, и весь «магистральный сюжет» [Пинский, 1971] четырех великих трагедий, и пр.) Тогда не станем утверждать, что «Гамлет» – пьеса о мести, а станем говорить, что «Гамлет» – это пьеса о вечной борьбе выдающихся одиночек с самим вывихнутым миром. В этой связи стоит вспомнить такое важное замечание К.А. Долинина: «Нельзя толковать о смысле произведения, не опираясь на смысл текста, точно так же как нельзя, психологически невозможно, пытаться интерпретировать смысл текста, полностью абстрагируясь от того, что мы знаем об авторе, о жанре и об эпохе» [Долинин, 1994, с. 14].

Нужно включить в понятие авторской интенции (прежде всего для художественных жанров, но и для нехудожественных тоже) такие, вроде бы противоречивые вещи, как, с одной стороны, прямую оценку, прямое отношение автора к описываемому, а с другой стороны – подтекст, намек, непрямую, завуалированную оценку и отношение к описываемому. Иными словами, – в обеих ипостасях само авторское присутствие в тексте, которое находится в крайне сложном и противоречивом положении к жанру. Вслед за суждениями Т.В. Шмелевой на феномен текста, назовем такое авторское присутствие в тексте **авторским началом**: «Авторское начало – смысловая часть текста, в которой проявляется речевое поведение автора и его рефлексия по поводу своего текста» [Шмелева, 2006, с. 39]. Добавим, что в поэтике вообще-то есть приблизительно близкое, но отнюдь не тождественное понятие «образ автора», но оно настолько расплывчато (в особенности сего-

дняшние интерпретации этого понятия, далеко отошедшие от первоисточников, от трудов академика В.В. Виноградова), что при строгом (опирающемся на форму) лингвистическом взгляде на текст работать не сможет. При лингвистическом взгляде на текст необходимы **формы** авторского начала. Для нас это будут те инструменты, при помощи которых автор и выражает свои интенции, свое речевое поведение, свою рефлексию по поводу своего текста, в том числе и такое поведение, которое «ломает стены жанра». Здесь попробуем пойти дальше Т.В. Шмелевой, которая, говоря об авторском начале (ее главный термин, синонимичный данному, – авторский узор), говорит о **словесных** проявлениях автора в тексте, и именно в нехудожественном тексте [Шмелева, 1998]. Нас будут интересовать **любые** проявления автора в тексте – и публицистическом, и художественном.

Вначале обозначим полюса жанров указанных областей, где менее всего возможно авторское начало в нашем понимании и где оно возможно в большой мере. Объективно менее всего автор может преодолеть рамки жанра в малых жанрах СМИ – заметке, информации, информационном «кадре» эфирных СМИ. Более всего возможностей для «прорыва автора через рамки жанра» представляет очерковая публицистика, а еще – художественная литература, прежде всего, в своих крупных прозаических формах: при всей ее условности она все же позволяет автору, пожалуй, начиная с эпохи барокко, эту стену условности преодолевать в так называемых «авторских отступлениях», которые мы станем называть **прямым авторским началом** в художественном тексте.

Вообще-то, начиная с советских времен и заканчивая сегодняшним днем, **жанр заметки** (краткой информации, хроники, эфирного «кадра») охраняется и теоретиками и практиками как «абсолютно объективированный», без малейшего авторского присутствия, это жанры, «которые агитируют самими фактами» [Богданов, 1971, с. 260]. Но объективны не предписания, а само развитие коммуникации. Теперь уже даже в пособиях по риторике для 4-го класса средней школы (что уж говорить о «взрослых» научных рассуждениях) утверждается, что в этом жанре автор имеет некоторую свободу. Приведем цитату из учебника «Детская риторика» для 4-го класса: «Заметка – это информационный жанр, в котором сообщается о каком-то новом и важном факте (событии). Автор заметки, как правило, сообщает, *что, где, когда, с кем, и как* произошло. При этом **автор передает в какой-то мере свое отношение к сообщаемым фактам**» [Ладыженская, 2003, с. 156] (выделено нами – *О.К.*).

В заметке автор имеет не только инструменты лингвистического – непрямого, косвенного, самим отбором фактов и их расположением, перерасположением – воздействия на адресата с целью показать собственное отношение и «слегка подтолкнуть» к восприятию и оценке «в нужном направлении», есть инструменты и четко формализованные, категориальные, лингвистические. Например, это модусные слова (традиционно именуемые вводными) типа *естественно, разумеется, безусловно, несомненно, бесспорно*, которые лежат в области не только, да и не столько квалификативного персуазивного (отвечающего за достоверность) модуса, сколько эмотивного (ср. замечание В.А. Белошапковой в книге «Современный русский язык» в разделе «Синтаксис» о том, что слова типа *безусловно, конечно* эксплицируют не только и не столько смысл уверенности в достоверности сообщаемого, сколько эмотивности [Белошапкова, 1989, с. 684]).

В нашей картотеке немало примеров заметок в 40–70 газетных строк, широко использующих этот инструмент авторского начала. Вот два примера.

1. *«Японцы всерьез озабочены проблемами окружающей среды на Дальнем Востоке. До такой степени, что готовы предложить свои новые технологии по переработке отходов. За деньги, **разумеется**. Об этом в ходе последней пресс-конференции рассказал мэр Хабаровска Александр Соколов. Накануне он вернулся из Петропавловска-Камчатского, где встречался с делегацией из Ниигаты – города-побратима Хабаровска»* (лид материала «Пока с Японией получается лишь петь и танцевать» // «Приамурские ведомости», Хабаровск, 29 августа 2003 г.).

2. *«Сроки рассылки переносятся Пенсионным фондом в третий раз. Но рано или поздно будущие пенсионеры их получают. Ну а дальше все очень просто. Надо заполнить заявление, указав, кому именно вы отдаете в управление свои деньги. Пенсионный фонд от вашего имени переведет компании накопительную часть вашей пенсии. Можно, **конечно**, и отмолчаться, но тогда распоряжаться средствами будет по-прежнему государство в лице Внешторгбанка»* (фрагмент заметки «Хорошая компания для пенсионных денег» // «Тихоокеанская звезда», Хабаровск, 18 сентября 2003 г.; полный текст – 45 строк).

Как мы можем эксплицировать авторское отношение в примере 1? «Было бы сверх-хорошо, если бы богатые японцы предложили нам новые технологии по переработке отходов бесплатно, но мы, как и они, – разумные реалисты, поэтому, *разумеется*, они предложат их нам за деньги».

Во втором примере более сложный модус и более насыщенное авторское начало. Здесь «работают» персуазивность: ситуация, когда кто-то «отмолчится» достоверна; оценочность: «вынужден об этом говорить, эта вынужденность плоха, как и любая»; есть здесь и оценочность другого рода: «можно, конечно отмолчаться, но...» = «отмалчиваться ближе к “плохо”, чем к “хорошо”»; здесь «работает» и исходящая из двойной модусной формы «можно, конечно» актуализационная модальность, локализирующая ситуацию описываемого события, данного как реальное – заполнение заявления в Пенсионный фонд, по отношению к событию, данному как воображаемое – «отмолчаться», не заполнять заявление в Пенсионный фонд. Благодаря модусу понятно и то, что «идеологически» автор заметки стоит на стороне Пенсионного фонда.

...И еще один, явно не позитивный, не продуктивный способ выражения авторского начала в заметке, скорее псевдоспособ: в последние десятилетие-полтора авторы заметок, информации и хроники умудряются вставлять в эти краткие предельно стандартизированные тексты жаргонную лексику, с одной стороны, термины и специализированные слова – с другой...

В жанре заметки и синонимичных имеем свой «полюс», то есть «чистые», объективированные, без малейшего авторского присутствия жанровые экспликации. За примерами далеко ходить не надо: достаточно убрать из приведенных выделенные слова.

На другом полюсе возможностей авторского присутствия в тексте, максимальных возможностей авторского начала – тоже два жанра. Среди нехудожественных – публицистический *очерк*, среди художественных – прозаический *роман* и роман в стихах.

В очерке читатель реконструирует авторское начало двумя путями. Назовем их *лингвистическим* и *логическим*. Логический план предполагает сравнение сообщений содержания очерка с фоновыми знаниями читателя. Несовпадение трактуется как в пользу автора (побывал там, где мне никогда не побывать, знает то, что я не знаю, рассуждает так и пользуется языком так, как я не умею), так и против автора (говорит ерунду, говорит тяжело: ср. наши рассуждения с рассуждениями Ю.Н. Караулова о совпадении / несовпадении тезаурусов автора и читателя [Караулов, 1980]). То есть в русле нашего рассуждения очерк имеет довольно густой план непрямого авторского присутствия. Лингвистический план авторского начала в очерке вообще насыщен, как ни в каком другом жанре. Это прежде всего авторское «я», совпадающее с Я автора во плоти (в отличие от художественных жанров, где

сложные и запутанные отношения между «автором-повествователем» и подлинным автором). И целый реестр других средств прямого выражения автором собственного присутствия в тексте. Это и апелляция к читателю (например, псевдиалог: *вы можете спросить меня...; мне могут возразить... и под.*), и смена логического композиционного принципа на сюжетный, когда автор становится персонажем (соглядатаем событий) своего очерка, и применение характеризующих лексем (например, *мне одна диссидентка рассказывала* вместо *одна женщина*). И прямые оценки, да еще и с подчеркиванием собственной искренности: «– *Максимов хороший писатель? – Неплохой, – сказал я, как думал*» (В. Войнович. Портрет на фоне мифа). И встраивание собственного настроения в «объективную» картину мира: «*Грустно не оттого, что на дворе осень. Пустует в селе Херпучи футбольное поле. Какие там происходили баталии! Принципиальные встречи баскетболистов сел Оглонги и Херпучи достигали высшей точки кипения в спортзале. Я мальчишкой всегда болел за наших – оглонгинских*» (С. Юдинцев. Амурский дневник // Литературный меридиан. № 3. 2009). И еще немало способов словесного, фразового, риторического и иного прямого и, скажем так, несобственно-прямого («диссидентка» вместо «женщина») воплощения авторского начала в публицистическом очерке, описывать которые закрытым списком не входит в задачи настоящей работы. Но обилие этих форм, их разработанность, их глобальная распространенность наводит на мысль о том, что *сама коммуникация* (не теоретики!) *предписывает жанру публицистического газетно-журнального очерка как можно более ярко, полно, эксплицитивно воплощать в тексте авторское начало*. Тогда в русле избранного аспекта исследования заключим, что в этом жанре освобождение от давления на автора типизированности, «жанровой объективации» может идти только по одному, причем парадоксальному, пути – как можно меньше употреблять форм выражения прямого авторского начала, а самовыражаться формально минимальными способами – субъектно-субъективными: интонацией, подтекстом, точкой взгляда, и под., и субъектно-объективными – авторской афористичностью, оригинальными метафорами, иронией и юмором (не в преодолении ли стен очеркового жанра секрет успеха устных, именно устных, где большую роль играет «царь» речевого модуса – интонация, выступлений М. Жванецкого в жанрах иронического публицистического очерка и зарисовки, например, в рамках телепрограммы «Дежурный по стране» на телеканале «Россия»?).

И, наконец, самый сложный из всех существующих в коммуникации жанров – *роман*.

Вообще художественная литература и жанр романа в частности облечены в столь сложные связи и условия (эстетические, исторические), опутаны столь сложными условностями (между авторами, читателями, комментаторами – включая школьных учителей и составителей энциклопедий, – теоретиками, критиками, раздатчиками литературных премий и т.д.), что прорваться сквозь их толщу и описать все случаи прорыва автора сквозь стены художественных жанров в рамках статьи не представляется возможным: это задача книги или даже цикла книг.

Здесь опишем один из методов и покажем два типичных случая. То есть наметим один из путей экспликации голоса автора-во-плоти в самом сложном из художественных жанров – романе.

Чтобы увидеть формы *прямого*, наиболее зримого присутствия автора в романе (подлинного автора), нужно найти такие ситуации, когда романная форма «я» будет равна содержанию «говорящий», то есть необходимо найти случаи, когда сам автор отбрасывает все условности и условия художественности, когда автор выступает в отдельных высказываниях или фрагментах романа без посредников – «образа автора», повествователя вне и внутри фабулы, персонажа и прочих...

Такие ситуации и такие примеры есть. Первый тип таких ситуаций назовем по инструменту его поиска – *логическим подходом к выделению авторского начала в романе*. Один из случаев – это когда автор-повествователь одновременно является главным героем и в своих внутренних монологах рассуждает так, как может рассуждать только автор, но не данный персонаж. То есть отступления автора-повествователя никак не могут принадлежать именно ему, ибо не согласуются с образованием, интересами, вообще внутренним миром автора-повествователя, но согласуются с образованием, интересами, вообще внутренним миром автора-во-плоти.

В романе Норманна Мейлера «Крутые парни не танцуют»¹ главный герой – житель глухой американской провинции, как говорится, временно не работающий, без особого образования, главный интерес – плыть по течению жизни, имеет маленькую плантацию марихуаны, не в ладах с полицией, равнодушен к женскому полу. Мечтает стать барменом, в конце романа им и становится. И вдруг в середине романа мы встречаем такой «его» внутренний монолог. «*Говорят, что Андайк*

¹ Мейлер Н. Крутые партии не танцуют. Пер. с англ. В.О. Бабкова. М., 2003.

писал картины, и это заметно по его стилю. Никто не изучает поверхности пристальнее, чем он, а прилагательные выбирает придирчивее любого другого автора, пишущего по-английски. Хемингуэй советовал не использовать их, и Хемингуэй был прав. Прилагательное – это всего лишь мнение автора о происходящем, не более. Когда я пишу: “В дверь вошел сильный мужчина”, – это значит только, что он силен по отношению ко мне. Если я не представил читателю себя, может оказаться, что я единственный посетитель бара, на которого вошедший произвел впечатление. Лучше сказать: “Вошел человек. В руках у него была трость, и по какой-то причине он переломил ее пополам, точно прутик”. Конечно, времени на подобное описание уходит немало. Так что прилагательные обеспечивают возможность говорить кратко и при этом еще учесть жизни».

Для нас очевидно, что это отступление подлинного автора, не повествователя – главного героя. Кстати, Мейлер указал лингвистам на один из способов выражения авторского начала в тексте. Это те самые характеризующие взгляд автора прилагательные, как в примере: «В дверь вошел **сильный** мужчина» (ср. с нашим примером с «характеризующим существительным»: «мне одна **диссидентка** сказала»).

Второй тип таких ситуаций также назовем по способу их поиска **дейктическим подходом к выделению авторского начала в романе**. Способ таков: наблюдаем над формами «я», сопряженными с именем автора, и «он», сопряженными с именами персонажей. Эксплицируем значения их взаимоотношений в личностно-персональном и пространственно-временном аспектах. Наиболее частый и более-менее ясно эксплицируемый случай, это когда автор как бы выходит на время из условного пространства романа и обсуждает, оценивает своих героев, нередко сочувствует своим персонажам, как словно это были бы живые люди. Хрестоматийный пример – взаимоотношения А.С. Пушкина с Евгением Онегиным в одноименном романе в стихах. В одном из романов серии «Проклятые короли» Морис Дрюон буквально на минуту выходит из романного пространства, чтобы скорбеть о смерти своего любимого персонажа графа Валуа. Такими случаями буквально насыщены знаменитые романы Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия» и «Бессмертие». Например, «И вновь я вижу его в той же позе, в какой он предстал передо мной в самом начале романа. Он стоит у окна и смотрит через двор на стены дома напротив. Это образ, из которого он родился. Как я сказал, герои рождаются не как живые люди из утробы матери, а из ситуации, фразы, метафоры; в них, словно в ореховой скорлупе, заключена некая основная человече-

ская возможность, которую, как полагает автор, никто еще не открыл или о которой никто существенного не сказал. Но разве не правда, что автору не дано говорить ни о чем ином, кроме как о самом себе?»¹

Абсолютное совпадение «я» в данном отрывке с Я Милана Кундера очевидно. Как очевидно и отбрасывание здесь всех условий и условностей художественной прозы.

Среди главных результатов нашего исследования отметим следующие.

1. Чем большую несвободу устанавливает жанр интенциям автора на поверхностном, формальном уровне, тем больше воля, тяга автора к выражению своих интенций на уровне глубинном, имплицитном.

2. Отношения автора с жанром дуалистичны и амбивалентны.

3. Мы видим две четких тенденции: жанр притягивает к себе типизированности, опирающиеся на формы ситуации (события), факты, это вещи, как правило, эксплицитные и эксплицированные, то есть жанр опирается на *диктум*. Авторское начало опирается на логические и психологические отношения, чаще – имплицитные, – то есть на *модус*.

Литература

- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
Белашапкина В.А. Синтаксис // Современный русский язык. М., 1989.
Богданов Г.Н. Справочник журналиста. Л., 1971.
Долинин К.А. Текст и произведение // Русский текст : Российско-американский журнал по русской филологии. СПб.; Lawrence (KS, USA). 1994. № 2.
Караулов Ю.Н. Лингвистические основы функционального подхода // Проблемы структурной лингвистики. М., 1980.
Ладыженская Т.А. Детская риторика в рассказах и рисунках : учебник-тетрадь для 4-го класса. М., 2003.
Падучева Е.В. Семантические исследования : Семантика времени и вида в русском языке : Семантика нарратива. М., 1996.
Пинский Л.Е. Шекспир : основные начала драматургии. М., 1971.
Шмелева Т.В. Текст как объект грамматического анализа. Красноярск, 2006.
Шмелева Т.В. Текст сквозь призму метафоры ткань // Вопросы стилистики. Саратов, 1998.

¹ Кундера М. Невыносимая легкость бытия. СПб., 2006.

**СЛЕДСТВИЕ, ЦЕЛЬ И КОММУНИКАТИВНОЕ НАМЕРЕНИЕ
В СЕМАНТИКЕ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ:
ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА**

И.Е. Ким

Ключевые слова: социальное действие, поступок, языковая картина мира.

Keywords: social semantics, action, language picture of the world.

1. Обыденная и языковая картина мира

В бытовом пласте сознании представителя всякого этноса существует модель мира, которую можно охарактеризовать как «наивную» (термин Ю.Д. Апресяна), или обыденную (это понятие часто используется исследователями культурной антропологии). В этническом языке также содержится определенным образом упорядоченные «знания о мире». Применительно к этой функции языка говорят о языковой картине мира как скрытой в языке неявной модели мира, которая может быть обнаружена только с помощью нетривиальных лингвистических процедур.

Соотношение языковой и обыденной картины мира не вполне понятно. Так, Ю.Д. Апресян старается не использовать термин «языковая картина мира» [Апресян, 1995], а Е.Н. Урысон полагает, что языковая картина мира представляет собой синкрету, в которую входят не только современные обыденные, но и архаические, неактуальные на настоящий момент образы действительности [Урысон, 1998]. Однако большинство лингвистов, занимающиеся этой проблематикой, не обсуждают этого различия и на практике отождествляют эти два, в общем-то, разные понятия.

С нашей точки зрения, языковая картина мира является более-менее архаической под-основой обыденной картины мира, архаической настолько, насколько в языке сохраняются грамматические и семантические закономерности прошлых состояний языка. Язык и скрытые в нем модели действительности изменяются под влиянием общественной мысли, однако эти изменения, в силу инерционности языка, необходимости его использования в общении поколений и разной скорости изменения разных уровней языковой системы, накапливаются постепенно. У обыденной картины мира есть еще несколько источников, определяющих ее модели: народная мудрость (паремиология и афориз-

стика), ритуалы как готовые модели действия, устройство и принципы функционирования артефактов, включая постройки и даже поселения, переосмысленное, иногда мифологизированное научное знание, а также непосредственно протекающая социальная жизнь, особенно в моменты социальных потрясений и переломов.

В задачу настоящего исследования входит описание языковой модели социального действия как основы для обыденных представлений о действии.

Для описания языковой модели социального действия использован лингво-концептуальный анализ лексики со значением действия, который предполагает изучение лексической семантики и сочетаемости слов, составляющих концептуальное поле действия. Материалом для анализа послужила выборка высказываний из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), содержащих лексемы, обозначающие социальные и иные действия. На основании результатов этого анализа построена каузативная семантическая модель социального действия, представляющая действие как особого рода импликацию, усложняющуюся в зависимости от его типа.

2. Концептуальное поле действия

Говоря о языковой картине мира, обычно обращаются к трем типам языковых фактов: а) к культурным концептам – понятиям, выраженным в языке лексически этноспецифическим способом; б) к метафорическим или метонимическим моделям, реализующим идиоэтнические способы связи понятий; в) к грамматическим структурам, формирующим этноспецифические категориальные сети, в рамках которых функционируют обыденные суждения.

В данном случае инструментом анализа языковой модели данного фрагмента мира будут являться культурные концепты, реализованные в языке посредством языковых концептов.

Социальное действие входит в концептуальное поле Действия. Под концептуальном полем мы будем понимать круг языковых концептов, связанных общностью понятийного содержания, например, синонимический ряд (см. многочисленные исследования Ю.Д. Апресяна, например, [Апресян, 1995] или лексико-семантическую парадигму в понимании Д.Н. Шмелева [Шмелев, 1973]).

Для понимания различий между социальным и другим действием важен анализ русского концепта «Действие», произведенный Ф. Фичи Джусти в сопоставлении с соответствующими итальянскими концеп-

тами [Джусти Фичи, 1992].

Как показывает проведенное Ф. Фичи Джусти сопоставление, в пределах концептуального поля “Действие” существует различие двух значений слова *действие* (Действие 1 ‘Акция’ и Действие 2 ‘Воздействие’; далее нумерация соответствует порядку, принятому в работе Ф. Фичи Джусти) и слова *поступок*. Различие Действия 1 и Действия 2 отмечено и в исследовании [Сахно, 1992], где демонстрируется различие слова *действие* и лексикализовавшейся грамлеммы множественного числа *действия*: *действие механизма*, но не *действие*, а *действия человека*. Ср., например, *Действие аналогичного механизма наблюдается при разрушении инерции ожиданий в ряде эвристических задач, получивших название «головоломки»* (М.В. Мусийчук. О сходстве приемов остроумия и механизмов построения парадоксальных задач // «Вопросы психологии». № 6. 2003)¹; *“Вы прочтете о том, как узнать заранее, насколько успешными будут запланированные вами действия”* (Юлия Рахаева. Как стать успешным черным котом (2003) // «Известия». 2003.02.06).

В своем исследовании Ф. Фичи Джусти объединяет Действие 1 и Действие 2 в их противопоставлении Поступку как фокусирование действия на результате (фиксации связи действия с его результатом) фокусированию на субъекте (фиксации связи действия с его субъектом). Не отменяя значимости этого наблюдения, отметим, что принципиально различие именно трех смысловых единиц. И лежит оно не только и не столько в плоскости отношения действия к его элементам – субъекту или результату. Эти три смысловые единицы соответствуют трем уровням действия по участию в них интенционального начала: **физическому**, или природному (Действие 2), лишенному интенции, **целевому** (Действие 1), интенция которого лежит в плоскости самого действия, и **социальному** (Поступок), имеющему коммуникативную интенцию.

Наиболее важной здесь является природа субъекта. Субъект может представляться как не наделенный ни волей, ни разумом, ни коммуникативным потенциалом (физический, природный субъект), как наделенный волей и разумом (целевой, «одушевленный» субъект) и как наделенный волей, разумом и коммуникативным потенциалом (социальный субъект). При этом следует говорить именно об интерпретации субъекта со стороны, по всей видимости, говорящего, а не о его

¹ Здесь и далее в квадратных скобках приводятся примеры из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

объективной природе, поскольку одна и та же реалья, например, человек, может предстать и как физический субъект, например тело, и как целевой, и как социальный.

Интенциональность является в отношении к действию главной характеристикой субъекта. Здесь важно не только наличие / отсутствие интенции (Действие 2 vs. Действие 1 и Поступок), но и природа интенции: предметно-целевая или коммуникативная (Действие 1 vs. Поступок).

3. Модели действия

В лингвистике существуют две модели действия – пропозитивная, или падежная, и каузативная. Первая модель представляет действие как целостную ситуацию, центром которой выступает семантический предикат, окруженный актантной, или падежной, рамкой. Вторая модель представляет действие как набор микроситуаций, связанных между собой причинными отношениями. Для различения Действия 1, Действия 2 и Поступка удобнее использовать каузативную модель, которая актуализирует причинную природу действия и позволяет интерпретировать причинное отношение в каждом из трех действий.

Действие 2 можно понимать как исполненное по чистой причинной модели «Причина – Следствие»: *Влажное тепло **подействует** успокаивающе – кровь прильет к мягко прогревающимся тканям за ушком и прогонит боль* (Ирина Рязанова. Отит (1999) // «Здоровье». 1999.03.15); *Под **действием** груза цилиндр катится по горизонтальной поверхности без скольжения.* (Владимир Лукашик, Елена Иванова. Сборник задач по физике. 7–9 кл. (2003)); *Кофе, особенно кофе с молоком, **действует** намного мягче, включается плавнее, играет дольше и годится для регулярного употребления* (Запись, LiveJournal (2004)). Как видим, Действие 2 обозначает причину как таковую. Субъект такого действия предстает как причинное событие (первый пример) или его «носитель» – инструмент (второй и третий примеры).

Действие 2 часто характеризуется – по природе следствия и / или по характеру протекания: *Эти препараты разжижают бронхиальный секрет и гной, действуют **быстро и эффективно*** (Ирина Рязанова. Отит (1999) // «Здоровье», 1999.03.15); *Многообразные загрязняющие вещества, попадая в водную среду, могут претерпевать в ней различные превращения, усиливая при этом свое **токсичное действие*** (Экологическое состояние р. Москвы на территории Раменского района Московской области // «Геоинформатика». № 3. 2004). Иногда вместо указания на природу следствия характеризующее прилагательное со-

держит оценку, например: *Шерсть оказывает благотворное действие при ревматических заболеваниях, остеохондрозе, радикулите, сосудистых болезнях конечностей, например, облитерирующем атеросклерозе* (Солнце в вашем доме (1997) // «Здоровье». 1997.12.15).

Утрата причинного компонента в значении приводит к частичной десемантизации глагола. Так, глагол *действовать* несовершенного вида в неактуальном видовом значении без актуализации причинной семантики используется как предикат существования, например: *В Санкт-Петербурге и Москве начали действовать* (ср., *появились*. – И. К.) *первые телефонные станции* (В эти дни // «Computerworld». № 25. 2004). Аналогично может вести себя и существительное *действие*: *Университет арендовал два этажа здания колледжа с первых дней существования ФГА, но срок действия договора аренды истек 21 августа этого года* (Грустные каникулы (2003) // «Поиск». 2003.09.12). Договор как знаковый объект существует пока действует. Но и артефакты с узким функциональным предназначением существуют, чтобы использоваться, то есть действовать.

Действие 1 интерпретируется по целевой модели: у его субъекта есть цель, усилия субъекта направлены на достижение цели, и тогда действие может иметь результат (в отличие от Действия 2, которое в принципе не может иметь результата – оно имеет следствие): *Каждая мысль, каждое наше действие направлено на то, чтобы любимым малышам было чуть легче существовать в этом далеко не простом мире* (Компьютер для ребенка // «Лиза». 2005). Наличие цели предполагает существование результата, который часто отличен от цели. Принципиальное несовпадение цели и результата выражено в разнообразных афористических выражениях, бытовавших и бытующих в разные эпохи у разных народов: *«Благими намерениями вымощена дорога в ад»; «Хотели как лучше, а вышло как всегда»*. Именно диалектика цели и результата создает интригу, загадку, всегда сопровождающую целенаправленное действие.

О том, что Действие 1 предполагает наличие цели и результата, говорит возможность его охарактеризовать в отношении результативности, которая представляет собой как раз соответствие результата и цели, например: *Результативное действие – это действие по определенным принципам* (<http://bai.hor.ru/>). Очень часто результативность скрывается под личинами рациональности, надежности и прочих характеристик иной природы. Действие может быть охарактеризовано:

- 1) с точки зрения интеллектуальной, как
 - разумное или неразумное: *Поэтому, предпринимая кон-*

кредтные шаги в такой деликатной сфере, как вмешательство в деятельность исторически сложившихся, проверенных веками, конкурирующих с высокотехнологичными банковскими структурами и удовлетворяющих насущные потребности миллионов людей системами НДС, надо руководствоваться принципами, пострадавшими человечеством: “действуй разумно и имей в виду результат” и самое главное – “не навреди!” (Системы неофициальных денежных переводов: история, развитие, перспективы (2004) // «Вопросы статистики». 2004.04.29) – *Оказывается, что люди, заправлявшие всей процедурой дела Засулич, действовали необычайно **неразумно**, вследствие желания попопулярничать и полиберальничать* (П.И. Чайковский. Переписка с Н.Ф. фон Мекк (1878));

– осмысленное или неосмысленное, например: *Первое, так сказать, минимальное условие возможности достижения смысла жизни есть свобода; только будучи свободными, мы можем **действовать “осмысленно”**, стремиться к разумной цели, искать полноты удовлетворенности; все необходимое подчинено слепым силам необходимости, действует слепо, как камень, притягиваемый землю при своем падении* (С.Л. Франк. Смысл жизни (1925)).

2) с точки зрения прагматической

– целесообразное или нецелесообразное: *Герой Вентуры **действует** максимально **целесообразно**, все подчинено выполнению задачи: в определенный час стать у окна со снайперской винтовкой и выстрелить* (Юлий Сергеев. Неистовство доброты // «Советский экран», 1975);

– эффективное или неэффективное: *Наши военные разведчики неоднократно принимали участие в крупных военных учениях, где их способность **действовать** незаметно и **эффективно** проверяли органы милиции, Погранвойска и части ФСБ* (Сергей Тарасов. Рыцари трех стихий (2004) // «Солдат удачи». 2004.01.14). В этом отношении сочетаемость действия 1 и действия 2 одинакова, но сущность эффективности разная: эффективность действия 2 определяется по отношению к цели постороннего субъекта, а эффективность действия 1 – по отношению к цели его же субъекта.

3) с точки зрения воспроизводимости результата – как надежное или ненадежное, например: *Несмотря на сильных соперников, прошел весь чемпионат стабильно, во всех пяти схватках **действовал** неброско, но **надежно*** (Андрей Митьков. Триумф методиста. Впечатления от выступления российской команды на чемпионате мира по греко-римской борьбе (2002) // «Известия». 2002.09.22); *Действует* Абаку-

мов прямолинейно и **надежно**, авантюр не выносит (Лев Аннинский. На краю Отечества // «Нева». 2003).

Кроме того, результативность действия может характеризоваться и путем указания цели или результата действия в самом прилагательном, как и у действия 2, например: *Вице-председатель РСПП Аркадий Вольский, в свои 70 лет решивший стать подручным сомнительного алюминиевого короля Олега Дерипаски, вместо того, чтобы дать репрессивной машине Кремля жесткий ответ, потребовать от президента остановить **разрушительные действия**, начал мямлить что-то умиротворяющее и даже соглашаться с авторами “наезда” из “совета по национальной стратегии”, которые на скандальной пресс-конференции дали Ходорковскому “указание” смириться, плюнуть и поцеловать злодею ручку* (Алексей Шнейдер. Ходорковский против Кремля (2003) // «Завтра». 2003.08.13).

Я опускаю характеристики, не связанные с результативностью, например, осмотрительность, уверенность и прочее. Замечу, однако, что и эти характеристики вполне могут оказаться связаны с ориентацией на результат.

Поступок в этой модели понимается как действие социального, знакового, коммуникативного типа: в нем важен не результат, а коммуникативный эффект, в том числе информация о субъекте: *Мать забрала отца из инвалидного дома и не сообщила мне о своем **благородном поступке*** (Виктор Астафьев. Обертон (1995–1996)) [омонимия снята]. – *Ты, господин поручик, **поступил достойно**, и, несмотря на жалобу полковника Снивина, который заблуждается и не ведает истину, я нынче имею честь выразить похвалу мужественному твоему поступку* (Ю.П. Герман. Россия молодая. Часть первая (1952)). На коммуникативную природу социальных действий обратил внимание еще Э. Сепир в 1928 году (Сепир, 1993, с. 261). Однако его пристальное внимание было сосредоточено на событиях символической природы, то есть воспроизводимых, таких, в которых коммуникативная доминанта полностью поглощает собственно предметно-целевую составляющую и которые приобретают характер чистого знака (стук в дверь, угроза кулаком, раскрашивание ткани в цвета, символизирующие данную страну).

Социальные события и вообще социальные объекты отличаются тем, что они всегда включают в себя знаковую составляющую, функционирующую, с одной стороны, либо как документ, либо как негласное установление (конвенция, норма, обычай), а с другой – как выражаемое действием (или приписываемое ему) значение. Так, социальное

поведение всегда значимо, и ни одно даже физиологическое отправление не существует вне знаковой формы и знаковой функции: когда человек ест, он реализует или нарушает культурные формы приема пищи и своим поведением нечто о себе сообщает. Коммуникативность социальных действий можно проинтерпретировать следующим образом: любое социальное действие, помимо реализации цели в виде результата, имеет значение (смысл), коммуникативное намерение и коммуникативное воздействие. Слово *поступок* и связанное с ним значение имеют именно знаковую, социальную природу. Так, рубка дерева не является поступком до тех пор, пока не изменяет социальных отношений субъекта с тем, в пользу кого или во вред кому это делается: я рублю дерево, и это мое личное дело. Но вот я рублю чужое или, например, государственное дерево – я совершаю поступок, потому что **показываю**, что противопоставляю себя некоему лицу или государству, и тем самым повышаю (или понижаю) свой социальный статус. Или я рублю дерево, когда для этого есть другие неблагоприятные условия, например, физическая немощь или отсутствие удобного орудия (см. фильм Ю. Райзмана «Коммунист», в котором больной коммунист Губанов в исполнении Е. Урбанского рубит дерево, когда все остальные лесорубы прекратили работу, и это заставляет их вернуться к работе) – я совершаю поступок, поскольку я **демонстрирую** свои волевые качества. Социальная апробация – вот что делает Действие 1 поступком. Это подтверждается работой С.Л. Сахно [Сахно, 1992, с. 94], где говорится о философских и психологических интерпретациях поступка как акта нравственного самоопределения человека, в котором он утверждает себя как личность в своем отношении к другому человеку. С.Л. Сахно также отмечает, что «совершение поступка предполагает преодоление некоторой нормативной границы в поведении» [Сахно, 1992, с. 95]. Таким образом, Поступок есть коммуникативный акт в двух смыслах: как демонстрация своих свойств другому (демонстративное действие) и как нарушение (минус-реализация) нормы (репрезентативное действие; подробнее о различении демонстративных и репрезентативных социальных действий см. ниже, п. 5).

По отношению к социальным действиям, однако, поступок представляет, скорее, образец, квинтэссенцию такого действия. Цена поступка – изменение восприятия человека определенной частью общества, изменение его социального статуса, и, соответственно, изменение его социального существования¹. В философии существует предельное

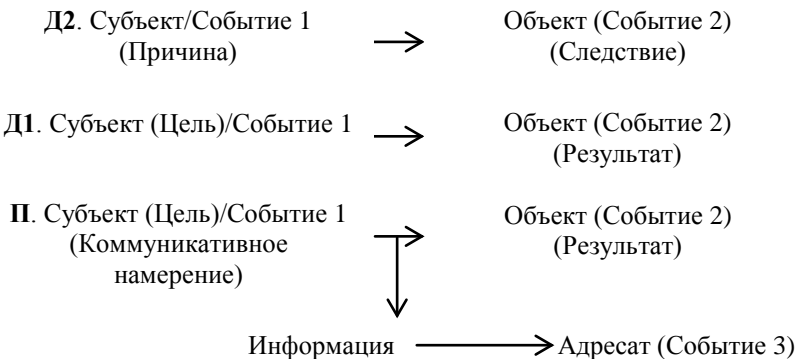
¹ Подробнее о поступке см. в [Ким, Ускова, 2005], а также в [Ким, 2009, с. 35].

представление о том, что поведение человека должно представлять собой именно поступки [Бахтин, 1986]. Однако социальная действительность не требует от человека совершения каждого своего действия как поступка. Многие действия, не являющиеся поступком, содержат в своей целевой и результативной составляющей коммуникативный элемент. Поэтому мы будем использовать термин «Поступок» для обозначения всего класса действий с коммуникативным содержанием.

4. Социальное действие в комплексной каузативной модели

Как видим, концептуальное поле Действия представлено как система из трех концептов, объединенных иерархизированной моделью, уровни которой задаются интенцией субъекта: действие может рассматриваться как не зависящее от интенций субъекта (Действие 2), как реализация этой интенции (Действие 1) и как инструмент для ее реализации (Поступок).

Таким образом, языковая модель действия может быть представлена как конструкция из трех уровней, на первом из которых действие интерпретируется как причина, на втором – как целенаправленный акт воздействия, и на третьем – социальном – как акт передачи информации некоторому не обязательно участнику ситуации. В этой структуре социальное действие устроено как трехуровневая модель, со «снятием» предыдущих уровней, поскольку в Поступке можно усмотреть и причинные отношения, и целевые, просто эти компоненты оказываются на периферии значения, не в фокусе. Проиллюстрируем это следующей схемой:

5. Типы социальных действий

К социальным действиям в предложенной модели относятся:

- 1) знакообразование или знаковосприятие, взятые в социаль-

ном аспекте (*подписать договор, объявить войну*);

2) действия, включающие в себя коммуникативный компонент: *купить–продать, заседать*;

3) физические действия в социальном аспекте, например, *пощечина* в отличие от *удара*, который не охарактеризован в социальном отношении;

4) действия, созидающие или изменяющие знаковую составляющую социального объекта: *разжаловать, назначить (директором), уволить*;

5) вспомогательные действия, направленные на улучшение предметного действия другого человека: помощь, управление, педагогическое действие.

Любое действие человека можно интерпретировать как знаковое. Так, **убийство** кроме чисто физической составляющей имеет и социальную – юридическую, моральную и тому подобную; ср. рассуждение Э. Сепира о различии глаголов *to kill* 'убить' и *to murder* 'совершить убийство' [Сепир, 1993, с. 243]. **Симпозиум** отличается от **собрания** не только тем, что имеет большую длительность и охватывает большее количество лиц (натуральная составляющая), но и наличием определенного официального статуса (знаковая составляющая), а **социальная революция** от **государственного переворота** отличается, как выяснилось в 90-е годы прошлого века, только оценивающим (воспринимающим социальное событие как знаковую форму) субъектом. **Курение** (или некурение) оказывается знаковым в замкнутом коллективе, многие курильщики и некурильщики могут подтвердить его социальную роль. Наука даже природу представляет в знаковом аспекте – **природные события** трактуются как реализация законов природы (нечто происходит и тем самым демонстрирует нам закон природы, который мы должны понять, то есть **понять** природу). Аналогично по знаковой модели интерпретирует отношения с природой мифологическое сознание, ср., например, понятие архетипа у К.Г. Юнга. Мифологическая связь событий, однако, вполне допускает причинно-следственную и целе-результативную интерпретацию; см., например, причинно-следственную связь событий посредством мифа в детских суевериях [Ким, 1995].

Ю.М. Лотман показал знаковый (коммуникативный) характер **поведения** декабристов [Лотман, 1988], показал различие между социальным поведением, характеризовавшим декабристов (демонстративным), и поведением, свойственным дворянам, не принадлежащим к их кругу (репрезентативным). Репрезентативные действия – это воспроиз-

водство знака, его реализация в данной коммуникативной ситуации. В поведении таким воспроизводимым значением является норма, реализующаяся в каждом конкретном случае через ожидание (ср.: [Крысин, 1988]). Демонстративное действие – это означивание в настоящий момент, выражение индивидуального смысла. Однако одно и то же действие в разных коммуникативных рамках (по отношению к разным адресатам) может быть и репрезентативным, и демонстративным. Так, знаковое поведение декабристов демонстративно в восприятии не декабристов ('Я другой'), но репрезентативно в отношении других декабристов ('Я свой').

Многие бессмысленные (точнее, бесцельные) социальные действия, например, *ритуалы*, могут быть объяснены именно как знаковые действия (ср.: [Степанов, 1992; Сепир, 1993]). Таким же образом можно объяснить малоосмысленные в целевой интерпретации *действия* многих *политиков*. Вообще русская политическая сфера, особенно в 90-е годы, характеризуется большим количеством демонстративных или репрезентативных действий в тех случаях, когда необходимы были действия целевые.

Решая противоречие целевого и коммуникативного, заложенное в природе социального действия, каждый политик вынужден приводить в соответствие его знаковую и целевую составляющие. Недоучет знаковой функции приводит к потере доверия у социальных реципиентов, а отсутствие целевой составляющей приводит к несостоятельности политика как управленца. Наглядный пример – успех действий Франклина Д. Рузвельта по выходу из Великой американской депрессии и неуспех российских реформ 90-х годов: первые были подкреплены действиями по формированию доверия разных слоев американского общества, а последние обречены в силу полного отсутствия доверия опять же среди всех слоев населения России. Необходимость учета знаковой составляющей в действиях политика приводит к формированию понятия имиджа политика, отражающего этот коммуникативный компонент в его действиях, (ср., о речевой стороне имиджа: [Осетрова, 1997, 2004]). Эту антиномию социального как целевого, с одной стороны, и коммуникативного – с другой следует объяснить подробнее.

В обыденной картине мира политическая сфера представлена как иерархическая структура, в которой на горизонтальном уровне (в среде политиков) существует относительное равноправие, а по вертикали – в оппозиции «власть / народ» [Ермаков, Ким и др., 2004] – неравноправие. В этом случае события на горизонтальном уровне представляются как взаимодействие (коммуникация), а по вертикали – как обычное

объектное Действие 1. Это значит, что в такой модели народ – это объект политики.

Такое представление о политической действительности делает ее аналогичной физическому миру, в котором природные предметы не имеют своей воли и могут быть только объектом действия или средством, инструментом.

Этот «природный» взгляд на политическую деятельность широко представлен в бюрократических системах, когда действия с людьми заменяются действиями с документами, или в тоталитарных системах, в которых человек не представлен как индивидуальность, то есть нечто, способное реагировать на действия (не очевидно, но возможно, что это одно и то же). Бюрократическая или тоталитарная модель общества интерпретирует реакцию на воздействие как однозначную, точнее, двусмысленную: общество подчиняется управляющему действию или не подчиняется.

Однако современная реальность убеждает нас в том, что политическое действие – это действие не объектного типа, а коммуникативно-го, то есть лица или сложные социальные объекты, на которые направлены действия, являются не объектами, а адресатами действия, то есть способны к индивидуальному, непредсказуемому реагированию на воздействие, восприятию действия политика. А это значит, что политическое действие завершается и приводит к результату только тогда, когда воздействие будет воспринято его адресатом [Ким, 2002].

Для того чтобы свести адресатные политические действия с плохо предсказуемым результатом к объектным, политики обращаются к политическим, или гуманитарным, «технологиям», которые способствуют прогнозируемому реагированию на политическое воздействие. Таким образом, отличие «технологической» системы от «бюрократической» заключается в допущении нестандартной реакции на воздействие и в возможности варьирования средств политического воздействия в зависимости от цели субъекта действия и ожидаемой реакции общества.

Итак, социальное действие представляет собой последовательность процессов, связанных между собой причинным отношением сразу на трех уровнях: это одновременно причинно-следственное отношение, целе-результативное отношение и отношение коммуникативного намерения и коммуникативного эффекта. Такое тройное существование позволяет социальному действию не только выполнять функцию преобразования предметного мира, но и служить способом коммуникации в обществе.

Литература

- Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка : попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1.
- Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники : Ежегодник. 1984–1985. М., 1986.
- Джусти Фичи Ф. «Действие» в русском и итальянском языках // Логический анализ языка : Модели действия. М., 1992.
- Ермаков С.В., Ким И.Е., Михайлова Т.В., Осетрова Е.В., Суховольский В.Г. Власть в русской языковой и этнической картине мира. М., 2004.
- Ким И.Е. Социальное восприятие и его языковая модель // Вестник НГУ. Сер. История, Филология. Т. 1. Вып. 1 : Филология. Новосибирск, 2002.
- Ким И.Е. Личная сфера человека : структура и языковое воплощение. Красноярск, 2009.
- Ким И.Е., Ускова С.В. Семантические валентности лексемы поступок и их синтаксические экспликативы в тексте // Лингвистический ежегодник Сибири. Красноярск, 2005. Вып. 7.
- Ким Ю.К. Суеверие современного городского ребенка как особый механизм психической регуляции // Бюллетень клуба конфликтологов. Красноярск, 1995. Вып. 4.
- Крысин Л.П. Социальный компонент в семантике языковых единиц // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М., 1988.
- Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // В школе поэтического слова : Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988.
- Осетрова Е.В. Речевой компонент в формировании современного имиджа // Достижения науки и техники – развитию города Красноярска. Красноярск, 1997.
- Осетрова Е.В. Речевой имидж. Красноярск, 2004.
- Сахо С.Л. Действие в контексте естественного языка // Логический анализ языка : Модели действия. М., 1992.
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Концепт «действие» в контексте мировой культуры // Логический анализ языка : Модели действия. М., 1992.
- Урысон Е.В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2.
- Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.

СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА: СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ

М.В. Влавацкая

Ключевые слова: лексическое значение, синтагматический аспект, сочетаемость.

Keywords: lexical meaning, syntagmatic aspect, collocability.

Изучение синтагматических характеристик в лексике играет важную роль, так как слово – это особая языковая единица, которая обладает смысловой и комбинаторной значимостью, возникающей на основании индивидуального значения слова при его сочетаниях в линейном ряду.

При изучении смысловой стороны слова в структурном подходе сформировалось три основных направления: 1) микрокомпонентное – исходит из однородности лексического значения, которое членится на предельно малые семантические компоненты (семы); 2) макрокомпонентное – исходит из неоднородности лексического значения, в котором выделяются «семантические блоки», или макрокомпоненты, разного уровня иерархии; 3) аспектное – предполагает вычленение в лексическом значении слова различных аспектов (сторон, слоев, параметров и т.д.), отражающих разные стороны значения или проявления в системе языка и речи [Стернин, 1985, с. 41]. Различные аспекты значения, отражая разные стороны одного и того же объекта, оказываются тесно взаимосвязанными. Денотативный аспект характеризует актуальную соотнесенность слова с предметом (ситуацией), сигнификативный – отражает понятийную соотнесенность, прагматический и коннотативный – включают эмоционально-экспрессивную оценку и разнообразные коннотации, структурный парадигматический – фиксирует место лексической единицы в языковой системе, структурный синтагматический – определяется линейными отношениями лексической единицы в речи и обладает коммуникативной значимостью. Помимо перечисленных, выделяются и другие аспекты значения, однако предметом данной статьи является синтагматический аспект значения слова, который выполняет одну из главных функций речи: он синтезирует и интегрирует содержание других аспектов значения, а те, в свою очередь, реализуются в синтагматике и получают в ней реальное воплощение. Изучение синтагматического аспекта лексического значения слова осуществляется в рамках **комбинаторной семасиоло-**

гии, которая представляет собой описание соотношения семантики слова и его сочетаемости.

Наличие синтагматического аспекта в составе значения подтверждается исследованиями А. Гудавичуса, В.В. Морковкина, М.В. Никитина, Л.А. Новикова, И.А. Стернина и др. По их мнению, синтагматический аспект играет значимую роль в значении, «разрешая» сочетаться словам, образуя при этом разнообразные и новые смыслы. В данном аспекте слова заложена сама природа сочетаемости, которая соотносится с сознанием человека и его способностью выбирать хранящиеся в памяти языковые единицы, а затем соединять их в речи.

Под **синтагматическим аспектом** лексического значения понимается как семантическая, так и несемантическая составляющая слова, регламентирующая синтаксическое образование семантически безусловного и нормативно обусловленного сочетания данного слова с другим словом (его распространителем). Однако следует отметить, что иногда, помимо нормативного значения, слово может вступать в нехарактерные для него связи, то есть выступать в окказиональном значении, например, *тусклая тоска* или *эmaleвый воздух* (обычно такие ненормативные употребления встречаются в художественной литературе и поэзии). Подобные сочетания так же принимаются системой языка, так как соответствуют фонетическим, морфологическим и семантическим нормам.

Лексическое значение слова как целостная структура включает все лексико-семантические варианты (далее ЛСВ) многозначного слова и оттенки его значения. Форма ЛСВ – это не только фонетическое обличие и морфологическое варьирование, но и совокупность связей данного ЛСВ с окружающими словами в тексте, то есть его синтагматические признаки. Хотя сочетаемость слов в речевой цепи регулируется законом семантического согласования [Гак, 1972], его характер может варьироваться в значительных пределах [Гудавичус, 1987]. Например, слово *оказывать* сочетается со словами *помощь, поддержка, услуга, сопротивление, воздействие, влияние*, содержащими как положительные, так и отрицательные коннотации. Отсюда следует, что данный ЛСВ имеет ограниченную сочетаемость, так как в нем содержатся семы «произвести, осуществить что-либо по отношению к кому-либо» и «положительное или отрицательное действие» [Гудавичус, 1987].

Этот пример наглядно демонстрирует, что в лексическом значении слова наряду с синтагматическим аспектом, обеспечивающим его

сочетаемость с определенными лексемами, присутствует некий «антонимичный» компонент, ограничивающий или даже запрещающий сочетаемость лексем в определенных пределах: ряда слов, лексико-семантической группы, нескольких слов, только с одним-двумя словами [Морковкин, 1990]. В таких случаях принято говорить о селекционных ограничениях лексемы [Кобозева, 2000, с. 147]. Например, слово *черствый* может сочетаться с некоторыми существительными класса «общие наименования лиц» (человек, люди, лицо, тип, личность). Допустимыми считаются сочетания *черствый человек* и *черствые люди*, иногда ироничное *черствый тип*. Однако имеющийся в остальных словах так называемый ограничительный компонент не допускает сочетаний *черствый* со словами *лицо* или *личность*. Из этого можно заключить, что синтагматический аспект значения слова имеет сложную неоднородную структуру. С одной стороны, он позволяет словам благополучно соединяться в речи и образовывать нормативные сочетания, с другой, в нем имеются компоненты, которые ограничивают сочетаемость и отсортировывают слова, относя их к допустимым (способным образовывать определенные лексические связи) и недопустимым (не способным образовывать таковые). Следовательно, синтагматический аспект значения слова – это комплексное образование, содержащее в себе более мелкие компоненты, которые выполняют ряд важных функций.

Как показывает анализ языкового материала, селекционные ограничения в сочетаемости лексем проявляются в двух случаях. Во-первых, когда при построении синтагм данная лексема требует избрания, ограничения или даже запрещения сочетания с другими лексемами. В этом случае речь идет о селективном компоненте. Во-вторых, когда происходит «двойное» ограничение в сочетаемости лексем, или дальнейшая конкретизация в рамках определенного семантического класса слов. Тогда уместно говорить о рекрикативном компоненте. Рассмотрим эти компоненты более подробно.

Селективный компонент выделяется Б.А. Косовским, И.А. Стерниным, О.А. Михайловой и др. И.А. Стернин считает, что «селективный компонент значения языкового знака – это содержащееся в значении указание на правила употребления данного знака в речевой цепи» [Стернин, 1979, с. 39]. Его сущность отличается от природы остальных семантических компонентов знака: он не отражает окружающую действительность, а имеет ярко выраженную языковую направленность, то есть отражает складывающуюся общественную практику употребления знака и придает ей нормативный, регламентирующий

щий характер [Стернин, 1979, с. 40]. Роль селективного компонента в синтагматическом аспекте – избирать, ограничивать или запрещать сочетаемость. Селективный компонент «подбирает» для конкретного языкового знака определенные структуры синтаксической и лексической сочетаемости, тем самым «разрешая» сочетаться словам друг с другом. Одна из важнейших функций селективного компонента – разграничение ЛСВ, каждый из которых «имеет всегда свой неповторимый селективный компонент» [Стернин, 1979, с. 40].

Сочетаемость слов так или иначе ограничена: эти ограничения носят разнообразный характер (предметно-логический, оценочный, эмотивный, стилистический и т.д.) В связи с этим рассмотрим структуру и содержание селективного компонента.

Ссылаясь на концепцию О.А. Михайловой об ограничениях в семантике слов и лимитирующих семах, ограничивающих предметно-логическое содержание ЛСВ слова [Михайлов, 1998], следует выделить **денотативно-селективный компонент**. Известно, что функция денотативного компонента – отражать те типовые представления об объектах и явлениях, которые имеют место в реальной действительности. В каждом слове, отражающем реальный мир, имеются селекционные ограничения, накладываемые селективным компонентом. Исходя из этого, можно обозначить роль денотативно-селективного компонента следующим образом – избирать, ограничивать и запрещать сочетаемость слов, опираясь на вещный мир.

Так, денотативная обусловленность значения глагола *смотреть*, обозначающего продолжительное направленное действие глаз, не позволяет ему сочетаться со словом *устойчиво*, указывающего на положение «стоять твердо, не качаясь».

Слово *дом* в значении «здание, строение» может образовывать синтагмы с очень многими словами: *большой, маленький, высокий, крепкий, основательный, современный, старый, кирпичный, панельный, многоэтажный, одноэтажный* и т.д. Вместе с тем его сочетаемость невозможна со словами **широкий, *обширный, *долгий, *глубокий, *мелкий* и др. Здесь сочетаемость обусловлена предметно-логическими связями, которые сосредоточены в денотативном компоненте значения слова. При подобном проявлении денотативно-селективного компонента ограничительным воздействием обладают денотативно-селективные семы.

Этими же семами обладает и глагол *копать* в значениях 1. «разрыхлять» *землю, огород, грядки* или 2. «делать углубление в

земле»: *яму, канаву, котлован, колодец, погреб, повал, могилу* и тому подобное.

Ограничения в денотативном компоненте значения наблюдаются в следующих синтагмах: *шелест листвы, ловить рыбу, поливать огород, запах дыма, сияние солнца, жарить мясо (рыбу, овощи), петь песню (романс, частушку)* и т.п.

Проявление денотативно-селективного компонента заметно в таких глаголах, как *рассыпать*, который сочетается только с названиями сыпучих веществ, или *заварить* – только со словами, обозначающими жидкие вещества, что обусловлено выражаемыми понятиями «разбросать по поверхности» и «приготовить путем варки или заваривания кипятком».

Приведенные сочетания имеют прямое значение, то есть обусловлены экстралингвистическими факторами. Следовательно, денотативно-селективный компонент проявляется в сочетаниях, в которых отражается окружающий нас мир так, как он существует на самом деле.

О влиянии денотативно-селективных сем можно говорить и тогда, когда слова выступают не в прямом, а в переносном значении. Например, сочетаемость производного значения глагола *копать* «вникать во что-либо, тщательно изучать» в синтаксическом плане идентична его прямому значению: *копать материал* для статьи, *копать дело* и т.д. Но в значении «опорочить кого-либо, причинить кому-либо вред» следует указать на особую синтаксическую сочетаемость данного глагола: *копать под кого-либо* не относится к денотативному значению, а проявляет коннотативные свойства.

Коннотативный компонент содержится в словах, которые обладают семантическими признаками оценки, эмоции, экспрессивности и функционально-стилистической отнесенности. Как и денотативный, коннотативный компонент отражает действительность, но уже в отличной форме – он содержит выражение отношения и / или оценки субъекта.

Коннотативно-селективный компонент соотносится с представлениями, связанными с эмоциями, оценкой об объектах и явлениях, экспрессивностью, а также их функционально-стилистической принадлежностью. Его роль – избирать и ограничивать сочетаемость слов, связанных с чувствами человека, и предписывать требования определенного функционального стиля.

Проявление коннотативно-селективного компонента рассмотрим в следующих примерах: 1) *воспеть (старину, свободу, героев* и тому подобное) – прославить в песнях, стихах: 1.стилистический компо-

нент – «высокое», 2. эмоциональный – «положительное», 3. оценочный – «одобрительное»; 4. экспрессивный – «усилительное»; 2) *закатить (скандал, истерику, дебош и тому подобное)* – устроить что-то особенное, из ряда вон выходящее: 1. стилистический компонент – «разговорное», 2. эмоциональный – «отрицательное», 3. оценочный – «неодобрительное», 4. экспрессивный – «усилительное». Как видим, проявление экспрессивной коннотации в данных словах ограничивает круг их распространителей.

Коннотативно-селективный компонент ярко проявляется в официальном стиле. Предложение *Химико-фармацевтическое предприятие делает лекарственные препараты и удобрение* хотя и возможно, но не безупречно, так как слова *предприятие* и *делать* относятся к разным стилям: первое относится к официально-деловому, второе к нейтральному. Употребление глагола *производить* вместо *делать* в данном случае было бы более уместным: *Химико-фармацевтическое предприятие производит лекарственные препараты и удобрение*. В данном случае селективный компонент слова *предприятие* блокирует использование слова *делает*.

Определенный стиль речи диктует свои правила употребления слов, например, в плане политкорректности. В словосочетании *лица с ограниченными возможностями* не допускается замена слова *лица* словами **личности* или **граждане*. Стилистическая однородность высказывания является основным правилом функционально-семантической связанности предложения и текста.

Наличие коннотативно-селективного компонента может быть выражено в антонимических сочетаниях, или оксюморонах: *великолепный лгун, превосходный негодяй, ничтожный гений* и т.п. В словах, сочетающихся с негативно-оценочными языковыми единицами, актуализируются отдельные их компоненты. В данных примерах это усилительный компонент, означающий «в высшей / низшей степени». Слова, относящиеся к полярным или разным стилям, не могут образовывать между собой синтагматических отношений, за исключением целей достижения какого-то специфического эффекта.

Проблема национально-культурной обусловленности сочетаний в полной мере осознается современными лингвистами (см. работы Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, Л.П. Крысина, В.В. Морковкина, О.А. Михайловой, И.А. Стернина, С.Г. Тер-Минасовой и др.) Опыт, накопленный предыдущими поколениями в развитии общества и национальной культуры, закрепляется в формах языка. Слова являются носителями знаний об окружающей действительности и сохраняют

культурное наследие народа. Особенности познавательной деятельности этноса воплощаются в единицах лексического уровня языка, то есть они – «этноцентричны» [Михайлова, 1998, с. 107].

Выделение **национально-культурного селективного компонента**, или компонента, регулирующего сочетаемость в синтагмах, в которых отражается национально-культурная специфика конкретного языкового сообщества, обусловлено наличием неразрывной связи лексического значения с культурой народа и особенностями его социальной жизни. Национальное своеобразие культур находит выражение в языковой форме – прежде всего в лексике и фразеологии. Характер национально-культурной семантики отражается и в словосочетаниях, роль которых важна как в системе номинативных, так и коммуникативных средств языка.

Национально-культурный селективный компонент ярко проявляется при сопоставлении родного и иностранного языков, так как именно в сочетаемости слов конкретизируется национально-культурная специфика семантики. Каждая нация имеет своеобразную действительность и определенную специфику ее языкового обозначения. Эта специфика носит не индивидуальный, а социальный характер. Поэтому большая часть лексики не может быть переведена «слово в слово» с одного языка на другой [Комлев, 1966, с. 48].

С логической точки зрения вряд ли можно объяснить принцип сочетания таких коллокаций, как *разбить парк, рубить избу, поднять вопрос, стрелкнуть сигарету, лелеять надежду, рассеивать иллюзии* и тому подобное. Эти сочетания обусловлены национально-культурной спецификой семантики. Дополнить список подобных сочетаний не представляет сложности, они мотивируются особыми национально-культурными семантическими признаками слов и отражают своеобразные подробности жизни и быта народа: *семейный / домашний очаг, постоянный двор, просторная горница, участковый милиционер, пионерский лагерь, коренной сибиряк, чугунный ухват, зажимистый кулак, забродивший квас, наваристые щи, русская былина* и т.д. Подобные сочетания не имеют эквивалентных выражений в других языках, что объясняется расхождением культур и традиций разных народов. Их уникальность и самобытность определяется внелингвистическими причинами и характеризуется динамичностью и линейностью.

Среди внелингвистических факторов, влияющих на сочетаемость слов, можно выделить национально-лингвистическую совместимость / несовместимость лексем, связанную с особенностями грамматической и лексической «традиции» в подаче материала. Например,

английское **weak progress* вместо *poor progress* (ср., русское *слабые успехи* и *слабый человек*), **correct features* вместо *regular features* (ср., русское *правильные черты лица* и *правильный ответ*). Более того, можно выделить лингвокультурологическую совместимость / несовместимость лексических единиц, обусловленную национально-специфическими различиями в практике освоения действительности и связанную с далеко не всегда совпадающей реализацией лингвокультурных концептов в разных языках. Например, русское *крепкий чай* – английское *strong tea* – китайское *густой чай*; русское *черствый хлеб* – английское *stale bread* [Юдина, 2006, с. 14].

Этноцентричность сочетаний слов доказывает этносемантический анализ английских слов для определения их этносемантически релевантных параметров [Сыроватская, 1997]. Материал из британской художественной литературы, описывающий ситуацию «чаепития», позволил выявить составляющие элементы, необходимые для адекватного понимания и использования в речи слова «tea». Каждый компонент ситуации характеризуется набором словосочетаний, которые являются понятийно полноценными и социолингвистически ограниченными. Все компоненты «английского чаепития» обуславливают образование и употребление собственно языковых средств, присущих английскому языку.

Компонентами фрейма «tea» в значении «прием пищи» являются следующие: 1) «социальный обычай», реализующийся в языковых единицах *tea-time*, *tea break*, *tea party*, *afternoon tea*, *high tea*, *cream tea*, *tea room*, *tea shop*, *to invite to tea*, *to ask sb to tea*, *to drop into tea*, *to come to tea*; 2) «угощение», раскрывающееся словосочетаниями *tea-cake*, *tea service / set*, *tea cup*, *tea pot*, *tea trolley*, *tea tray*, *tea-things*, *tea table*, *tea cosy*; 3) «комфорт», конкретизирующийся во фразах *tea and sympathy*, *the warmth of tea*, *the sweetness of tea*, *tea-table talks*.

Довольно часто словосочетания являются культурно обусловленными. Чай, который пьют до завтрака, называют *morning tea*, во время утреннего перерыва (11 часов) *tea break* или *elevences*. Существуют две разновидности английского чаепития *high tea*, или *full tea* (полный чай или чайный обед), и *ordinary tea* (постный чай), к которому не положено ничего, кроме молока или дольки лимона и печенья. Велика традиция английского чаепития между ланчем и обедом, которая восходит к великосветской моде – *5 o'clock tea* и т.д. Сочетания *strong tea*, *high tea* и *louse tea* в языковом плане являются связанными морфосинтаксической сочетаемостью (коллигацией) и лексико-фразеологической сочетаемостью (коллокацией). В то же время они обусловлены внеязыко-

выми факторами социолингвистически и концептуально: словосочетание *strong tea* связано концептуально, *lousy tea* – лексико-фразеологически, *high tea* – социолингвистически. К последнему можно добавить и такие словосочетания, как *5 o'clock tea*, *afternoon tea*, *meat tea* и *cream tea*, так как ни в одном европейском языке им нет эквивалентов [Сыроватская, 1997].

Таким образом, выделение национально-культурного селективного компонента объясняется социокультурной спецификой семантики слова, которая играет важную роль в определении сочетаемости слов. Национально-специфичные селективные семы регулируют сочетаемость слов в национально-культурных словосочетаниях, которые, в свою очередь, являются материальным воплощением всех понятийных представлений, соотносенных с предметами и явлениями окружающего мира, и принадлежат конкретному языковому сообществу.

Собственно селективный компонент не входит ни в денотативную, ни в коннотативную часть значения, а отвечает за лексическую и синтаксическую сочетаемость слова и разрешает или запрещает его использование в определенных конструкциях. Можно привести множество примеров ограничения сочетаемости вне какой-либо связи с денотативным или коннотативным его содержанием. Это свидетельствует о самостоятельности селективного элемента в структуре значения: *щурить глаза*, *зажмурить глаза*, *морщить лоб*, *скалить зубы*, *разинуть рот*, *кивать головой*, *русые волосы*, *карие глаза*, *вороний конь*, *хриплый голос*, *скоропостижно скончаться*, *трескучий мороз*, *проливной дождь*, *дождь моросит* и т.д. Уникальную сочетаемость предписывает слову так называемая директивная селективная сема. В таких случаях сочетаемость регламентируется не классом или подклассом лексем, а только одной директивной семой [Голодяевская, Стернин, 1994, с. 18]. Перечисленные словосочетания являются уникальными в силу того, что одно из слов обладает единственной для себя сочетаемостью, или имеет единственный распространитель. В них трудно провести грань между селективным компонентом и денотативным.

Собственно селективный компонент прилагательных в синтагмах *круглый дурак*, *кромешный мрак*, *отъявленный негодяй*, *заклятый враг*, *закадычный друг*, *буланая лошадь* и т.д. жестко блокирует сочетаемость и строго предписывает нормативную. Согласно И.А. Стернину, «число дистрибутивных ограничений, вносимых селективным компонентом знака, может быть довольно велико. Иногда легче перечислить слова, с которыми сочетается данный знак, нежели свести их к какому-либо семантическому разряду; часто селективный компонент настоль-

ко «нелогичен», что обобщение разрешенных им случаев сочетаемости вообще невозможно. Подобные явления интерпретируются обычно как фразеологическая сочетаемость» [Стернин, 1979, с. 41].

Как видим, роль селективного компонента значения весьма велика. Большое значение он имеет при сопоставлении семантически идентичных словосочетаний в разных языках: он резко отличает близкие значения. Так, в английском языке можно сказать *to make a decision*, а в русском только *принять решение*. Русские предпочитают *есть суп*, в то время как англичане могут и *eat*, и *drink soup*. Англичане могут сказать *I take / have tea at 5*, в русском же языке эти глаголы не сочетаются со словом *чай*: *Я пью чай*, но не **беру* или **имею*.

Подобное разногласие наблюдается и в следующих синтагмах: *разбить парк – to lay out a park*; *оказывать помощь – to give smb help*; *принимать участие – to take part*; *происходить / случаться – to take place*; *завести разговор – to start a conversation*; *приводить кого-либо в бешенство – to drive smb mad*, *спокойствие духа – peace of mind*; *спитой чай – weak tea*; *нитать слабость к чему-либо – to have a weakness for smth* и т.д.

Незнание лексической сочетаемости приводит изучающих иностранные языки к нелепым ошибкам: в начале письма *Дорогая Мэри – *Expensive Mary*; *зарубежная мебель – *international furniture*; *дорогой автомобиль – *a rich car*; *приносить пользу – *to bring use* и т.д. Причина неправильного перевода заключается именно в собственно селективном компоненте, который содержится в словосочетаниях, подлежащих исключительно заучиванию.

Вслед за И.А. Стерниным, мы считаем, что «селективный компонент значения – это компонент, выводящий значение слова в синтагматику, включающий значение в процесс передачи информации, но не передающий сам в акте коммуникации какой-либо информации слушающему» [Стернин, 1979, с. 42].

Вторым значимым компонентом синтагматического аспекта значения является **рестриктивный компонент**, представляющий иной угол зрения и выражающийся в «ограничение в ограничении сочетаемости», или дальнейшей конкретизации в рамках семантического класса лексем, в чем проявляется его индивидуальность (ср., селекционные ограничения). В большинстве случаев ограничение сочетаемости происходит под влиянием предметных сем, содержащих семантический признак «предмет номинации», и ограничивающих класс предметов, которые могут быть названы или охарактеризованы данным словом. В пределах семантических классов предметные семы конкретизируют

определенные семантические подклассы слов с сочетающимися словами. Остальные подклассы слов из сочетаемости исключаются. Запрет и конкретизация на сочетаемость обусловлены не предметно-отражательными, а концептуальными факторами, так как подвластны узусу и отражают результат осмысления каких-либо подклассов объектов или явлений с точки зрения языкового сознания народа и выражают специализированную номинацию. Ограничение на семантический подкласс сочетающихся слов под воздействием предметных сем образуется немотивированно и является проявлением чисто языковой традиции [Голодяевская, Стернин, 1994, с. 17]. Рестриктивный компонент может выделяться в структуре значений многих слов, где они накладывают дополнительные ограничения на предметные семы. Подобные семы, являясь весьма узкими по значению, указывают не на подкласс сочетающихся слов, а на отдельные конкретные слова, сочетание с которыми или блокируется, или предписывается в пределах определенного класса или подкласса слов. Рестриктивная сема ограничивает сочетаемость языковой единицы с тем или иным конкретным словом, проявляясь как эксклюзивная сема, и всегда описывается негативно. Так, у слова *член* в рамках подкласса «учебное подразделение» *член звена*, *член отряда* выявляется эксклюзивная сема «не о классе, школе, курсе, группе» [Голодяевская, Стернин, 1994, с. 17].

Рестриктивный компонент может ограничивать почти целый класс, например, «воздушные суда»: *парить* – о дельтаплане, дирижабле, аэростате, но «не о самолете, вертолете, ракете»; «транспортные средства»: *водить* – об автомобиле, автобусе, трамвае, троллейбусе, но «не о самолете, мотоцикле, велосипеде» и т.д. Рестриктивная сема может значительно ограничивать класс, например, «чувства»: *питать* – о надежде, нежности, уважении, доверии, сомнении, ненависти, отвращении, но «не о радости, любви, презрении, злости, страхе» и тому подобное, или класс «душевные переживания»: *причинить* – о боли, страдании, беспокойстве, но «не о переживаниях, мучениях, волнении». Отсюда следует, что наличие рестриктивного компонента в лексическом значении слова подтверждается фактами, которые нельзя отрицать.

Таким образом, синтагматический аспект значения слова представляет собой сложное образование, предписывающее и проводящее сочетаемость слов в речь. Входящий в него селективный компонент «контролирует» процесс реализации сочетаемости слов и разрешает сочетаться словам в речевой цепи исключительно по принципу избирательности. В зависимости от характера селекционных ограничений в

нем выделяются частные компоненты (денотативно-селективный, коннотативно-селективный, национально-культурно селективный и собственно селективный). Рестриктивный компонент регламентирует «двойное» ограничение в сочетаемости лексем путем дальнейшей конкретизации в рамках семантического класса данных лексем. Синтагматический аспект играет одну из значимых ролей в значении слова, так как именно он обеспечивает линейность речи в процессе коммуникации, то есть в полной мере способствует реализации речевой деятельности.

Литература

Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. IV. Вопросы грамматики и семантики. М., 1972.

Голодяевская А.М., Стернин И.А. Парадигматические классы слов и ограничения на сочетаемость лексем в русском языке // Структурно-семантические исследования русского языка. Воронеж, 1994.

Гудавичус А.О. Синтагматическом подходе к анализу значений // KALBOTYRA XXXVIII (2). Языкознание. Проблемы русского и восточнославянского языкознания. Vilnius, 1987.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.

Комлев Н.Г. О культурном компоненте лексического значения // Вестник Московского университета. 1966. № 5.

Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике. Екатеринбург, 1998.

Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии : научн. доклад ... д-ра филол. наук. М., 1990.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.

Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.

Сыроватская Г.И. Этнографическая семантика как лексикографическая проблема : автореф. дис ... канд. филол. наук. М., 1997.

Юдина Н.В. Лексическая сочетаемость в когнитивном аспекте (на материале конструкции «прилагательное + существительное») : автореф. дис ... д-ра филол. наук. М., 2006.

ТЕЗАУРУСНЫЕ СВЯЗИ СЛОВА *ЛЮБОВЬ* В СЛОВАРЕ И ТЕКСТЕ

С.А. Осокина

Ключевые слова: тезаурус, устойчивые сочетания слов, вербальные ассоциации.

Keywords: thesaurus, set collocations of words, verbal associations.

Мощный научный потенциал тезаурусных исследований подчеркивается в последнее время представителями разных направлений гуманитарного знания. Тезаурусный подход демонстрирует высокую степень эвристичности исследований, связанных с изучением роли языка в формировании знаний как отдельного человека, так и общества в целом. Вместе с тем, несмотря на довольно долгую историю изучения языкового тезауруса, вопрос о сущности тезаурусных связей остается открытым. Имеющиеся на сегодняшний день тезаурусные словари и исследования создают впечатление отсутствия единообразного представления о тезаурусе в целом, а следовательно, и об отношениях между его составляющими. Цель настоящей работы состоит в унификации взглядов на сущность тезаурусных связей и представлении лингвистических оснований для их выделения и изучения в качестве самостоятельной методологической категории. Непосредственным объектом изучения выступают тезаурусные связи слова *любовь* в словарях и художественных текстах.

Современная лингвистика занимается исследованием различных типов связей, как собственно языковых, реализующихся в системе языка и речи, так и выходящих за рамки собственно языковых, маркирующих отношения языковых элементов к неязыковым реалиям – объективному миру во всем многообразии его проявлений и ментальному миру человека. Каково место тезаурусных связей в палитре языковых отношений, каково их назначение, и чем вообще обусловлена необходимость введения такой новой номенклатурной единицы, как «тезаурусные связи», можно продемонстрировать путем анализа тезаурусных словарей (а также словарей, так или иначе связанных с передачей тезаурусной семантики), научных работ, затрагивающих проблемы изучения тезауруса, и фактов языка.

Несмотря на более чем полуторавековую историю создания тезаурусных словарей в Европе, о необходимости разработки тезаурусных словарей на материале русского языка достаточно четко было ска-

зано только в 1980-е года Ю.Н. Карауловым [Караулов, 1981]. Главной отличительной чертой словаря тезаурусного типа считается особый принцип систематизации представляемой в нем информации: от смысла к словам, то есть, раскрывается, какими словами и выражениями языка может передаваться тот или иной смысл (понятие, концепт). Назначение тезаурусов – зафиксировать в наиболее явном виде семантические отношения между составляющими его единицами [Караулов, 1981, с. 148].

Мотивом к созданию словарей подобного толка служит неудовлетворенность результатами системных исследований лексики языка, которые, несмотря на тщательную проработанность отдельных направлений изучения таких, как синонимия, антонимия, гипонимия, тематические группы и гнезда и т.д., не дают общего представления об универсальном устройстве лексической системы. Кроме того, в имеющихся системных исследованиях лексики остается нерешенной «фундаментальная проблема соотношения семантики и синтаксиса в трактовке значения отдельной единицы словаря, проблема отражения, проекции синтаксических свойств слова в его семантике» [Караулов, 1981, с. 170–171].

Таким образом, тезаурусные словари предназначены для представления лексической системы во всех аспектах ее проявления, а также с точки зрения синтаксических связей каждой отдельной лексемы. Иначе говоря, словарная статья может состоять из синонимов, антонимов и гипонимов к заглавному слову, включать данное слово в определенные лексические гнезда, классы, группы, а также раскрывать сочетаемость данного слова с другими словами и содержать примеры его употребления в высказываниях для наиболее адекватного представления синтаксических связей.

Однако, хотя лексика и раскрывает основное понятийное содержание языка, тезаурусные связи не должны быть тождественны лексическим, равно как и синтаксическим. Тезаурусные связи должны раскрывать отношения между эпистемическими языковыми единицами и трактоваться в контексте более общих когнитивных категорий.

Формирование подобного подхода к рассмотрению тезаурусных связей обусловлено развитием лингвистических взглядов, в которых тезаурус связывается с когнитивными способностями человека. Так, Ю.Н. Караулов называет тезаурусом когнитивный уровень языковой личности [Караулов, 2007]. Е.С. Кубрякова, выстраивая концепцию ментального лексикона, обращается к понятию тезауруса, сравнивая его с понятием памяти [Кубрякова, 2004].

Таким образом, в науке последних десятилетий сложилось представление о языковом тезаурусе как о системе, имеющей отношение к когнитивным способностям человека и связанной с такими категориями, как знание, опыт, память, координация и ориентация в мире. Единицами такой системы можно признать слова, облеченные дескрипторным статусом, претендующие на единицы знания. Единица тезауруса не лексема как цельная замкнутая на себе смысловая единица языка, а слово, открытое в своих связях с другими словами, не имеющее четких барьеров, отделяющих его от соседних слов.

Мысль о том, что единицами тезауруса являются слова, взятые в аспекте их связей с другими словами, находит отклик в ряде исследований. Так, Вал.А. Луков и Вл.А. Луков разрабатывают понятие «тезаурусные конструкции», наиболее точное представление о которых «дает аналогия с идиомами» [Луков, Луков, 2005, с. 5].

Имеется достаточно оснований утверждать, что именно устойчивые сочетания слов, а не отдельные слова претендуют на статус единиц знания. При этом под устойчивыми сочетаниями понимаются не только фразеологические единицы, маркированные высокой степенью идиоматичности, но и сочетания слов, традиционно называемые «свободными». Мысль о несвободе большинства сочетаний слов высказывал еще современник В.В. Виноградова И.Е. Аничков: «Обычному, не высказанному никем, но негласному, как само собой разумеющееся, принимаемому мнению о необъятности всего множества возможных на каждом языке сочетаний слов я противопоставляю положение об устойчивости и уловимости сочетаний слов» [Аничков, 1997, с. 106]. Данная мысль подтверждается и в ряде других работ [Тер-Минасова, 1980].

Устойчивость большинства сочетаний слов не отрицает возможности языкового творчества и создания действительно свободных сочетаний, таких как знаменитые *colourless green ideas*, но свобода этих сочетаний заметна именно на фоне устойчивости абсолютного большинства сочетаний слов.

Мы полагаем, что устойчивые сочетания слов представляют собой языковые формы знания (объединения слов, являющиеся единицами языкового опыта человека и в силу этого служащие для хранения и передачи знания), и предлагаем исследовать устойчивые связи между словами, выписывая из текстов наиболее часто употребляемые сочетания слов [Осокина, 2007а; 2009].

Однако устойчивые связи слов можно обнаружить и путем проведения ассоциативного эксперимента, в котором наиболее частотные

реакции на слово-стимул можно рассматривать как разделяемые большинством носителей языка представления о связи данного слова с другими словами. Результаты такого эксперимента удовлетворяют, во-первых, изложенным взглядам о связи тезауруса с когнитивными способностями человека, поскольку ассоциативные реакции обусловлены особенностями человеческой ментальной активности; во-вторых, высокая частотность реакций указывает на наличие общего языкового опыта у представителей определенного языкового коллектива; в-третьих, категория опыта является базовой категорией формирования знания, следовательно, наиболее частотные ассоциации претендуют на статус языковых единиц знания.

Подобный эксперимент был осуществлен составителями ассоциативного тезауруса современного русского языка [Русский ассоциативный словарь, 1994], который, несомненно, знаменует собой революционный шаг в осмыслении тезауруса. Семантические связи слов представлены в нем не в виде их системных лексических связей и сочетаемости с другими словами, как в традиционных тезаурусах, а в виде частотных ассоциаций носителей языка на определенное слово-стимул, среди которых можно обнаружить и сочетательные возможности слов, и синонимические ряды, и гипо-гиперонимические отношения и т.д. Составители словаря рассматривают его как «модель речевых знаний носителей русского языка, представленных в виде ассоциативно-вербальной сети, позволяющей объяснить феномен владения языком» [Русский ассоциативный словарь, 1994, с. 6].

Подводя итог анализу тезаурусных словарей и научной литературы, связанной с осмыслением сущности тезауруса, можно выявить несколько подходов к изучению тезаурусных связей. Во-первых, тезаурусные связи рассматриваются через призму семантических (парадигматических и синтагматических) связей слов, при этом парадигматика представляется как включенность слова в системные лексические отношения, а синтагматические связи преимущественно трактуются как сочетания на основе подчинительной синтаксической связи. Данный подход преобладает в традиционных тезаурусных словарях. Во-вторых, тезаурусные связи рассматриваются как имеющие отношение к лингво-когнитивным способностям человека, к его языковому опыту и памяти, к знанию в целом, и проявляющиеся в виде ассоциативных связей слов, которые репрезентируют семантические связи в более привычном для носителей языка, в определенной степени, узуальном виде. Данный подход представлен в проанализированных научных работах и в Русском ассоциативном словаре. Наконец, тезаурусные связи

можно изучать путем анализа устойчивых сочетаний слов, выявленных в текстах. Данный подход разрабатывается в наших исследованиях с учетом положений первых двух подходов. Преимущество последнего подхода заключается в том, что он позволяет рассматривать тезаурусные связи как языковые механизмы структурирования человеческого сознания и принципов организации знания в целом [Осокина, 2007б]. Но самое главное, анализируя устойчивые сочетания слов, встречающиеся в известных текстах, можно обнаружить предопределенность не только системных отношений слов в языке, но и ассоциативных реакций носителей языка. Сопоставительный анализ данных тезаурусных словарей и широко известных русскоязычных текстов позволяет выявить предсказуемость большинства возможных ассоциативных реакций носителей русского языка на то или иное слово-стимул.

Поскольку Русский ассоциативный словарь (РАС) в наиболее полной мере удовлетворяет и критериям, традиционно предъявляемым к тезаурусным словарям, и положениям о сущности тезауруса, изложенным в научных работах, анализ данных этого словаря занимает центральное место в предлагаемом исследовании.

Словарь состоит из двух частей: первая имеет структуру «от стимула к реакции» (в алфавитном порядке даны слова-стимулы, а внутри словарной статьи – реакции на них), вторая – «от реакции к стимулу». В качестве слов-стимулов авторы словаря выбирали только те слова языка, которые отличаются высокой частотой употребления в русскоязычном коллективе. Слово *любовь* не входит в этот список, так как, по мысли авторов, имеет относительно невысокую частоту употребления в речи носителей русского языка.

Однако десятилетний опыт наших исследований, посвященных изучению устойчивых сочетаний слов в текстах художественной литературы, свидетельствует о том, что слово *любовь* является одним из тех слов, устойчивые сочетания с которыми весьма часто встречаются в произведениях литературы. Подчеркнем, данное слово не является одним из наиболее частотных в текстах, а является тем словом, которое образует довольно большую серию устойчивых сочетаний слов, воспроизводимых в литературных произведениях практически в готовом виде. Особенно очевидно частое воспроизведение устойчивых коллокаций со словом *любовь* в поэзии. Так, сочетания *пылкая любовь*, *страстная любовь*, *безумная любовь*, *огонь любви*, *ночь любви* и прочее можно встретить в стихотворных произведениях разных авторов. Поскольку устойчивые сочетания слов являются более стабильными языковыми формами знания, чем отдельные слова (в силу более высокой

концентрации информации в словосочетаниях), слово *любовь*, как образующее крупную серию устойчивых сочетаний, претендует на статус одного из главных узловых слов в структуре тезауруса.

Значимость слова *любовь* в тезаурусе русского языка доказывает также тем, что это слово в разных своих грамматических формах выступило в роли реакции на многие слова-стимулы, предложенные в РАС: 368 реакций в виде слова *любовь*, 237 – *любви*, 18 – *любовью* и единичные реакции в виде сочетаний *любви под ногами*, *любовь и радость*, *любовь моя*. Кроме того, зафиксировано более 1000 реакций в виде однокоренных слов (*любить*, *любимый*, *любимая*, *любимец* и т.д.)

Слово *любовь* выступает в роли реакции на такие стимулы, как *весна* (18 реакций), *сердце*, *чувствовать* (15), *свидание*, *совет*, *страдание* (11), *жалость* (9), *верить*, *встретить*, *найти* (8), *жена*, *семья* (7), *мать*, *обещать* (6), *женщина*, *кровь*, *потерять*, *сострадание* (5), *единственный*, *жизнь*, *забыть*, *мама*, *терзание*, *ты*, *это* (4). Остальные реакции носят двух- или трехкратный характер, или единичны. Форма *любви* выступает в качестве реакции на стимулы *история* (40), *океан*, *плод* (22), *искусство* (14), *жажда* (13), *звезда*, *цветок* (11), *дитя* (9), *весна*, *огонь*, *тема* (6), *песня* (5), *зеркало*, *ночь* (4) и др. Форма *любовью* – реакция на стимулы *заниматься* (13), *женщиной*, *отвечать*, *платила*, *платить*, *терзание* (1). Данные реакции демонстрируют, с какими другими словами носители русского языка ассоциируют слово *любовь*.

Согласно словарям синонимов и антонимов, которые можно рассматривать как составные части тезаурусного словаря, слово *любовь* в разных своих значениях входит в парадигму синонимов *влюбленность*, *страсть*, *увлечение*, *приверженность*, *пристрастие*, *слабость*, *страстишка*, *роман*, *шашни*, *шуры-муры*, *амуры*, *интрига*, *интрижка*, *симпатия*, *пассия*; а также соотносится с антонимами *ненависть*, *враждебность*, *недоброжелательность*, *нелюбовь*. В РАС ни одно из данных слов не зафиксировано в качестве стимула, реакцией на который было бы слово *любовь*, поэтому нельзя делать выводы о том, насколько тесно ряды синонимов к слову *любовь* и антонимы к нему связываются в сознании носителей русского языка. Впрочем, реакция *любовь* зафиксирована среди прочих на такие слова-стимулы, как *нравиться* и *обожать*, которые, согласно словарю синонимов, являются синонимами глагола *любить*, а на стимул *любить* одна из распространенных реакций в РАС – *ненавидеть*, то есть реакция в виде антонима. Это является косвенным свидетельством возможности ассоциативных реакций в виде синонимов и антонимов, однако по частотности появления сино-

нимичные и антонимичные реакции явно уступают реакциям другого вида. Это доказывает и тот факт, что количество синонимов и антонимов к слову *любовь* более чем в 7 раз меньше, чем количество ассоциаций в виде слова *любовь* на несинонимичные слова-стимулы.

Анализ данных в словаре сочетаемости позволяет сделать некоторые выводы относительно природы ассоциаций, зафиксированных в РАС. Большинство имен существительных и глаголов, с которыми слово *любовь* образует сочетания, даются в РАС в качестве стимулов, реакцией на которые является слово *любовь*. Так, в словаре сочетаемости приведены следующие сочетания слова *любовь* с именами существительными в родительном и дательном падежах: *Любовь кого:* (о человеке) ~ *женщины, мужчины, юноши, девушки, Ани...*; *Любовь к кому:* ~ *к женщине, к мужу, к жене, к Ане...* В РАС в качестве слов-стимулов имеются слова *муж, мужчина, девушке, девушку, женщине, женщиной, женщин*. Сочетания, в которых слово *любовь* употребляется в родительном падеже в словаре сочетаемости таковы: *чувство, сила, чары, ожидание, пыл, жар... любви*. В РАС среди стимулов, реакцией на которые является словоформа *любви*, имеются *жар* и *пыл*. Далее, среди сочетаний с глаголами, представленными в словаре сочетаемости, имеются *чувствовать, потерять любовь, жить любовью*. Данные глаголы зафиксированы в качестве стимулов, вызвавших реакцию *любовь*. Конечно, далеко не все сочетания, приведенные в словаре сочетаемости, отражены в РАС. Это можно объяснить и спецификой человеческих реакций, связанных с индивидуальными когнитивными особенностями испытуемых, и тем, что не все слова, образующие сочетания со словом *любовь* в какой-либо из его словоформ, использовались как слова-стимулы в ассоциативном словаре.

Вместе с тем, более детальный анализ словарных статей в РАС показывает, что многие реакции, которые не выглядят как реакции, вызванные особенностями сочетаемости слова *любовь*, на самом деле в имплицитном виде содержат в себе сочетания. Так, глаголы, которые в качестве довольно частотных реакций вызвали слово *любовь*, образуют сочетания с этим словом в винительном падеже: *чувствовать любовь, верить в любовь, встретить любовь, найти любовь, обещать любовь, потерять любовь, забыть любовь, надеяться на любовь, отвергнуть любовь, отнять любовь*.

При первом взгляде на стимулы-имена существительные можно не заметить, что реакция в виде слова *любовь* также была вызвана синтагматическими особенностями сочетаемости данного слова: *свидание – любовь, дитя – любовь, ночь – любовь, тема – любовь, звезда –*

любовь, история – любовь, океан – любовь. Однако, сопоставив словарную статью, в которой перечислены стимулы, вызвавшие реакцию *любовь*, со статьей, в которой представлены стимулы, вызвавшие реакцию *любви*, можно обнаружить, что все эти слова образуют устойчивые сочетания со словом *любовь*, только в форме родительного падежа: *свидание любви, дитя любви, ночь любви, тема любви, звезда любви, история любви, океан любви.* По поводу словарной статьи на словоформу *любви* стоит отметить, что все перечисленные в ней слова-стимулы вызвали реакцию *любви* на основе синтагматической связи: *плод любви, искусство любви, жажда любви, цветок любви, песня любви, желать любви, пламя любви, час любви* и т.д. Некоторые пары стимул-реакция в имплицитном виде содержат устойчивые сочетания слов, воспроизводящиеся в виде клише, например, ассоциация *совет – любовь*, очевидно, была вызвана устойчивым сочетанием *совет да любовь*, а ассоциация *кровь – любовь* напоминает весьма распространенную поэтическую рифму, а поэтические рифмы также обладают свойством воспроизводимости, как и клише.

Приведенные доводы позволяют сделать вывод, что в основе большинства наиболее частотных вербальных реакций, возникающих в сознании носителей русского языка на какое-либо слово-стимул, лежат сочетания слов. Высокая частотность однотипных реакций указывает на то, что эти сочетания слов обладают свойством воспроизводимости в речи в готовом виде. Если слова в паре стимул-реакция не прочтываются как устойчивое сочетание слов, то это можно объяснить следующим: 1) они содержат сочетания в имплицитном виде, так что их можно восстановить, опираясь на другие данные РАС или на данные словаря сочетаемости; 2) они являются результатом ментальных операций со словом-стимулом и словом-реакцией, например, зафиксирована не первая вербальная реакция, которая пришла испытуемому в голову, а первая четко «уловленная» им из тех, которые «пронеслись» в голове; 3) они являются результатом определенных мыслительных операций по корректированию своей реакции. Так, одна из реакций в РАС на слово *большой – любовь*. В словаре сочетаемости первое из предлагаемых сочетаний – *большая любовь*. Есть все основания предположить, что именно это сочетание имел в виду человек, когда написал в качестве реакции на слово *большой* (имя прилагательное в форме мужского рода) слово *любовь* (имя существительное женского рода). Также в паре *относиться – любовь*, видимо подразумевалось сочетание *относиться с любовью*, зафиксированное в словаре сочетаемости как одна из важных коллокаций со словом *любовь* в творительном па-

деже, однако испытываемый, которому на ум пришла данная реакция, очевидно, посчитал более правильным оформить ее в виде имени существительного в именительном падеже. Иначе говоря, если реакция не читается как сочетание слов, и при этом она не является синонимичной или антонимичной, то, скорее всего, такая реакция была зафиксирована после определенных мыслительных процессов, которые испытываемый не раскрыл.

Чем объясняется тот факт, что вербальные ассоциации носят преимущественно синтагматический характер? Ответ на этот вопрос становится очевидным при анализе текстов, имеющих важное значение для данного языкового коллектива.

Несомненно, важными текстами в рамках русской культуры, сыгравшими колоссальное значение в становлении русского литературного языка, являются произведения А.С. Пушкина. Слово *любовь* является одним из тех, которые образуют многочисленную серию устойчивых сочетаний, употребляющихся в различных произведениях автора. Особенно много повторяющихся устойчивых сочетаний с данным словом обнаруживается в поэтических текстах. Так, в произведениях А.С. Пушкина часто воспроизводятся сочетания *несчастная любовь, небесная любовь, безнадежная любовь, безумная любовь, чистая любовь, письмо любви, стихи любви, таинство любви, пламя любви, мучение любви, блаженство любви* и др. Многие из данных сочетаний зафиксированы в словаре сочетаемости русского языка, большинство из них можно встретить в произведениях других авторов, абсолютно все они знакомы носителям русского языка, поскольку нет такого русского, кто не читал бы стихи Пушкина.

Данные сочетания воспроизводятся носителями в готовом виде, воспринимаются как понятные, не требующие дополнительных усилий при их использовании. Компоненты данных фраз могут изменяться грамматически в потоке речи, и это производит впечатление свободы данных сочетаний, но обнаруживаемые в них лексические константы не создаются в речи, а воспроизводятся.

«Легкость» употребления устойчивых сочетаний слов объясняется отшлифованностью их использования носителями в течение многих поколений. Функционируя в языке как готовые к употреблению фрагменты речи, эти сочетания образуют определенную вербальную сеть, которая, с одной стороны, ограничивает возможности использования языка человеком, но с другой – является базой для его словесного творчества.

Сопоставительный анализ отобранных из произведений А.С. Пушкина устойчивых сочетаний слов и результатов ассоциативных реакций в РАС показывает, что многие пары стимул-реакция соотносятся с сочетаниями, использованными великим поэтом. Более того, слова, вызвавшие наиболее частотные реакции в виде слова *любовь*, часто употребляются Пушкиным в составе четверостиший, которые, благодаря рифме и ритму, легко запоминаются и воспроизводятся, что способствует выработыванию у носителей языка автоматического воспроизводства других слов, связанных в этом поэтическом контексте, при упоминании одного из них. Приведем в качестве примера фрагменты из одного из наиболее известных произведений Пушкина – романа «Евгений Онегин»:

*Как грустно мне твое явленье,
Весна, весна! пора любви!..*

*Опять ее прикосновенье
Зажгло в увядшем сердце кровь,
Опять тоска, опять любовь!..*

*В сем сердце билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипела кровь!..*

Слова *весна*, *сердце*, *кровь*, *жизнь* входят в число тех, которые вызывают наиболее частотные ассоциации со словом *любовь*. Можно с уверенностью сказать, что появление этих реакций вполне предсказуемо, поскольку они заложены в известных большинству носителей русского языка произведениях литературы.

Конечно, не все ассоциативные реакции, приведенные в РАС, заложены в стихотворных произведениях Пушкина. Например, у Пушкина отсутствуют устойчивые сочетания слова *любовь* со словами *девушка* (хотя есть сочетания со словами *дева*, *девица*), *женщина*, *мама*, *армия*, которые вызвали реакции в виде слова *любовь* у нескольких испытуемых. Однако наличие данных ассоциаций не отрицает общего положения о том, что подавляющее большинство вербальных ассоциаций рядового носителя языка может быть выявлено из существующих в культуре текстов. В частности, ассоциации *девушка – любовь*, *женщина – любовь*, *мама – любовь* и *армия – любовь*, очевидно, заложены в текстах современной российской культуры.

Проделанный анализ развивает имеющиеся в лингвистике представления о характере семантических связей (как парадигматических,

так и синтагматических), о природе вербальных ассоциаций и о том, что такое тезаурус.

Ключом к постижению тезаурусных связей являются устойчивые сочетания слов, воспроизводимые в речи практически в готовом виде. Факт воспроизводимости обеспечивает их функционирование как самостоятельных единиц – тезаурусных конструкций, обладающих рядом специфических свойств. В частности, тезаурусные конструкции – это устойчивые последовательности слов, или устойчивые контексты того или иного слова, с высокой степенью вероятности воспроизводящиеся при упоминании этого слова. Иначе говоря, это синтагматические объединения слов, причем не обязательно на основе подчинительной связи, и не обязательно состоящие из двух-трех слов. Это могут быть и целые воспроизводимые фрагменты чужой речи, функционирующие в языке в виде стереотипов, крылатых выражений, рифмованных конструкций и т.п. Это то, из чего сотканы известные тексты, работая с которыми (читая, слушая), носители языка с необходимостью воспроизводят составляющие их сочетания, вольно или невольно запоминая их, и используют затем в собственной речи, что делает эти сочетания единицами языкового опыта и основой ассоциативных вербальных реакций.

Тезаурусные связи – это связи языка, проявляющиеся как устойчивые синтагматические последовательности слов, использование которых базируется на языковой памяти и языковом опыте носителей языка. Они организуются в серии (парадигмы) таких последовательностей – тезаурусную сеть. Иначе говоря, тезаурусные связи – это эпистемологические связи языка.

Обусловленность тезаурусных связей языковой памятью и опытом делает их предсказуемыми и открывает колоссальные возможности для их использования в прагматической сфере.

Потенциал тезаурусных исследований связан, в первую очередь, с развитием нового представления об устройстве языковой системы, в которой она не отделена от речи, а также с изучением знаниевых категорий языка, данных человеку, в противовес когнитивным способностям человека, которые иной раз являются помехой при использовании готового абсолютного знания, предлагаемого языком.

Конечно, вопрос о природе тезаурусных связей еще требует более детального изучения, но необходимость введения данной лингвистической категории и ее осмысления с различных позиций не вызывает сомнения.

Литература

- Аничков И.Е. Труды по языкознанию. СПб., 1997.
Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
Кубрякова Е.С. Язык и знание. М., 2004.
Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусный анализ мировой культуры // Тезаурусный анализ мировой культуры. М., 2005. Вып. 1.
Осокина С.А. Опыт эпистемологического анализа художественного текста. Барнаул, 2007а.
Осокина С.А. Языковые механизмы воздействия на человека. Барнаул, 2007б.
Осокина С.А. Устойчивое сочетание слов – единица языкового опыта человека // Сибирский филологический журнал. 2009. № 4.
Тер-Минасова С.Г. Синтагматика речи : онтология и эвристика. М., 1980.

Источники

- Русский ассоциативный словарь. Книга 2. Обратный словарь : от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. М., 1994. Часть II.
Словарь антонимов русского языка : Более 5000 антонимических гнезд. М., 2003.
Словарь синонимов русского языка. М., 2001.
Словарь сочетаемости слов русского языка : Ок. 2500 словарных статей. М., 2002.

РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО–КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В РЕГИОНАЛЬНОМ ТОПОНИМИКОНЕ¹

Д.Ю. Ильин

Ключевые слова: топоним, национально-культурная специфика, регион.

Keywords: toponym, ethno-cultural peculiarity, region.

Системно-структурное единство ономастических наименований региона, сформировавшееся в течение длительного времени, во многих случаях представляет собой отражение менталитета населения, проживающего на этой территории. Выступая в качестве продукта этнического сознания, онимы эксплицируют многие стороны духовной и материальной жизни человека. В настоящее время наблюдается усиление

¹Статья написана при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013» (Госконтракт № 02.740.11.0367).

роли и значения топонимов, выступающих идентификаторами географических объектов, точных ориентиров в пространстве [Березович, 2001; Керг, Вдовицын, 2005; Николаева, 2009], которые как часть языкового кода традиционной народной культуры «занимают в нем особое место, образуя по существу самостоятельный ономастический код» [Толстой, Толстая, 1998]. Результаты лингвистического анализа топонимического материала, подкрепленные общими историческими сведениями, позволяют выдвигать научно обоснованное гипотетическое объяснение местных названий, содержат дополнительные сведения о развитии языка как средства выражения народного опыта в определенный исторический отрезок времени: «...на основе русской топонимии могут быть воссозданы те характерные для данного региона географические и культурные черты, которые включены в сферу “топонимического видения”, то есть могут отражаться и в местных субстратных названиях» [Кабинина, 2009, с. 48].

Особый интерес представляет исследования, выполненные на региональном и диалектном материале, поскольку они акцентируют внимание на осмыслении как универсальных, так и частных процессов в современном состоянии русского языка [Авина, 2006; Ильин, 2010; Рудыкина, 2008 и др.] В процессе анализа лексических единиц учитываются временная и географическая определенность, соотношение общих и региональных черт русского языка в текстах, создателями которых выступают местные жители [Тупикова, 2008]. Существующие методы исследования и интерпретации языкового материала позволяют представить описание отдельного региона в лингвистическом плане, в том числе обратить внимание на национально-культурное своеобразие локальных географических названий в совокупности лингвистических знаний, а также информации, которая «принадлежит не к числу строго научных, а к числу обыденных знаний» [Верещагин, Костомаров, 1991, с. 7].

Специфика Волгоградской области, топонимикон которой является объектом исследования, заключается в том, что данный регион в этнографическом и лингвистическом отношениях является неоднородным, поскольку в нем совмещаются поволжская и донская части [Кудряшова, 1997], располагается в междуречье Волги и Дона, что накладывает определенный отпечаток на совокупность географических названий региона, среди которых наиболее распространенными являются наименования со следующими значениями: ‘города и другие населенные пункты’ [РСС, Т. 2, с. 15], например: *город Урютинск, село Мачеха, поселок Почтари, станция Березовская, хутор Варламов*; ‘водные

пространства, водоемы' [РСС, Т. 1, с. 602], в частности: *река Цуцкан, озеро Подпесочное, пруд Ключевский*; 'рельеф местности: возвышенности, горы, долины, углубления в земле' [РСС, Т. 1, с. 595], например: *гора Лысая, овраг Веселый, балка Ельшанская*.

Самую полную и разнообразную информацию об использовании географических названий носителям языка дают газетные публикации, язык и стиль которых, обладая «огромными возможностями и сильнейшим влиянием на другие разновидности литературного языка и на общество в целом» [Солганик, 2008], отличается «языковым динамизмом» [Александрова, 2008], оперативно отражает социально значимые явления в разных сферах жизни и деятельности людей, позволяет выявить динамические изменения в подсистеме топонимов, обусловленные различными факторами экстра- и интралингвистического порядка. Для рассмотрения топонимических единиц, функционирующих в языке региона, привлекаются онимы, зафиксированные в текстах областной газеты, называвшейся в различные периоды «Сталинградская правда» и «Волгоградская правда», где наиболее полно представлены географические названия, имеющиеся на карте области.

Наиболее распространены в топонимиконе региона наименования, в основу которых положены признаки, отражающие природно-географические обусловленности названия. Так, например, в кругу наименований со значением 'города и другие населенные пункты' специфика географических названий Волгоградской области, расположенной в полупустынной зоне орошаемого земледелия, может находить проявление в существовании населенных пунктов – хуторов – с идентичным названием *Степной*, основой номинации для которых послужила лексема *степь* в значении «обширное, безлесное, ровное, покрытое травянистой растительностью пространство в полосе сухого климата» [МАС-2, Т. 4, с. 262]. Топонимика Волгоградской области характеризуется и отономастическим образованием. В частности, наименования населенных пунктов *поселок Котлубань, село Карповка* произошли от названия рек *Котлубань, Карповка*, на берегах которых и были возведены данные поселения.

В составе наименований со значением 'водные пространства, водоемы' гидронимы могут этимологически восходить к географическим названиям населенных пунктов, вблизи которых они протекают. Так, два топонима употреблены в предложениях *Невесть с каких времен журчит светлыми водами, петляет по неоглядной придонской степи Аксай Есауловский* (ВП, 09.09.1998); *Но затем буквально за несколько дней уровень воды в Аксае Курмоярском резко поднялся* (ВП,

12.03.2002). Наличие при онимах лексических единиц *журчит*, *вода* (в сочетании *уровень воды*) позволяет идентифицировать характер географического объекта – водоем. Помимо этого, контекстуальный элемент *журчит* в составе первого предложения имеет значение «производить монотонный булькающий звук, шум (о текущей воде)» [МАС–2, Т. 1, с. 489], что позволяет уточнить статус водоема и квалифицировать его как реку. Названия гидронимов *Аксай Есауловский* и *Аксай Курмоярский* различаются уточняющими определениями, образованными от названий станиц *Есауловская*, а также *Верхнекурмоярская* и *Нижнекурмоярская* [Супрун, 2000, с. 110]. Определение *Есауловский* образовано от названия станицы, находившейся неподалеку от устья реки [Крюкова, Супрун, 2004, с. 81–82]. В основу наименования населенного пункта положено слово *есаул* со значением «в царской армии: казачий офицерский чин, равный капитану в пехоте, а также лицо, носившее этот чин» [МАС–2, Т. 1, с. 467], что указывает также и на казачье поселение в данной местности.

Характеристика использования географических названий в контексте показывает, что они лишены экспрессивно-стилистической окраски, употребляются в прямом значении, обозначая наименования населенных пунктов, например: *Разговаривая со мной, он весьма ясно выразил свое неудовольствие и заявил, что райисполком вообще не отвечает за состояние моста, якобы, потому, что через него ездят и из Николаевки, и из Ленинска, и из Житкура* (СП, 01.03.1944), *В администрации Быковского района не исключают необходимости переезда в село Верхний Балыклей жителей станицы Степаноразинской, состоящей из 14 жилых дворов* (ВП, 24.12.2009); водных объектов: *Лесопосадки произведены вокруг 11 прудов и по берегам рек Еруслана и Соленой Кубы протяженностью в 10 километров* (СП, 04.01.1950); *С одной стороны река Бузулук, с другой – озеро Цапдино, и в пору весеннего разлива соединяются эти водоемы по протокам и ерикам, окружая райцентр водным кольцом* (ВП, 15.03.2003); рельефа местности: *Собрание решило: одновременно произвести все земляные работы по исправлению водопровода от Мамаева кургана до Сибирьгоры* (СП, 22.05.1945); *Как утверждают специалисты, ряд родников Синей горы дают воду, по составу близкую к знаменитой трускавецкой* (ВП, 12.07.2003). Реализация топонимами в данных предложениях дифференцирующей и идентифицирующей функций позволяет проприативам являться для носителя языка определенными локально-пространственными ориентирами в многообразии реалий региона.

Географические наименования могут служить не только названиями соответствующих объектов, но и «достаточно определенным и существенным признаком конкретного этноса» [Супрун, 2000, с. 10]. Знаковая природа топонимов обуславливает обязательное наличие «вертикального контекста» в структуре их значения: «Фоновая семантика имени включает несколько блоков информации, связанной с историей, национальными и культурными особенностями этноса» [Васильева, 2006, с. 4]. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров полагают, что выделяемый в смысловой структуре онима национально-культурный компонент «свойствен именам собственным, пожалуй, даже в большей степени, чем апеллятивам» [Верещагин, Костомаров, 1991, с. 56.]. В проприативе находят отражение «такие социальные, исторические, культурные факторы, которые не оставили следа в обычной лексике, или же этот след в апеллятивной лексике настолько завуалирован, что невозможно его определение» [Юркенас, 1979, с. 3]. По мнению А.В. Суперанской, «в представлении каждого человека определенное географическое название связано с известным местом и эпохой. Это пространственное распределение топонимов позволяет им быть представителями и хранителями значительной культурной информации» [Суперанская, 2007]. На формирование топонимической лексики оказывает влияние фактор историчности географических наименований, поскольку каждое название может быть подвергнуто объяснению с точки зрения происхождения. Среди онимов, зафиксированных в массиве фактов, наличествуют такие, в основу названия которых положен признак исторической закономерности наименований. В частности, в группе топонимов со значением ‘города и другие населенные пункты’ встречается указание на историю возникновения топонима: *село Новая Полтавка, хутор Киевка, деревня Харьковка* как названия на территории области говорят о том, что первые поселенцы в эти населенные пункты пришли с Украины [Кудряшова, 1997, с. 87], поскольку корневые морфемы этих онимов по своей структуре соответствуют названиям украинских городов *Полтава, Киев, Харьков*.

Являясь частью регионального топонимикона, географические названия Волгоградской области выступают своеобразными «хранителями» историко-культурной информации. Известно, что данная территория является зоной позднего заселения; ранее здесь проживали кочевники. Чтобы подчеркнуть обособленность русского этноса, жители давали населенным пунктам названия, включающие в свой состав прилагательное *русский*, и эти наименования сохранились до сегодняшнего дня, например: *Поэтическая Осиповка, разделенная, благодаря пе-*

реселениям сюда немцами, на *Русскую Осиповку* и *Немецкую Осиповку*, насчитывает сейчас едва ли два десятка дворов, утратив, естественно, *Немецкую Осиповку* (ВП, 16.06.2004). Добавление лексемы, содержащей в семантике указание на титульную нацию, отмечается только в группе ойконимов.

В составе топонимов со значением ‘города и другие населенные пункты’, отражающих национально-культурную специфику региона, зафиксированы такие, названия которых обусловлены какими-либо историческими событиями или личностями. Подобные наименования связаны с прежним устройством российского общества, относятся к так называемым «советизмам» [Верещагин, Костомаров, 1991, с. 104] и зафиксированы в массиве фактов: *23 ноября наступающие советские войска соединились у хутора Советского* и замкнули кольцо окружения *22 немецких дивизий* (СП, 01.02.1950), *Маленький, но дорогой подарок получили жители юго-восточной части поселка Великий Октябрь* (ВП, 05.11.2002); *Позавчера в начале двенадцатого ночи в районе поселка Красный пахарь Городищенского района было совершено разбойное нападение на водителя маршрутки* (ВП, 11.09.2002); *Об «идеологической» нагрузке названия своего сельского совета жители поселка Большевик сейчас задумываются вряд ли* (ВП, 29.10.2003); *В течение полугода мы, жители поселка имени XIX партсъезда, практически жили без электроэнергии* (ВП, 17.04.2002); *В самом селе Колхозная Ахтуба и населенных пунктах поймы расположено много военных соединений* (ВП, 29.08.2002).

В связи с тем, что национально-культурный компонент семантики топонимов отличается особой страноведческой репрезентативностью, богатством культурно-исторических ассоциаций, ценностная оценка называемых онимами объектов определяет место географических названий в основном словарном фонде языка. В Волгоградской области с точки зрения значимости географических объектов преобладают в основном малые населенные пункты (деревни, хутора, станицы и прочее), население которых в силу уклада жизни привержено устоявшимся традициям и, занимая консервативную позицию по отношению к вопросу обозначения населенных пунктов, выступает против их переименования. Так, несмотря на трансформацию общественно-политического строя неизменными остаются названия, отражающие идеологию советского периода, имена видных политических деятелей. Подтверждение этому находим в текстах, зафиксированных как в «Сталинградской правде», так и в публикациях настоящего времени, например: *Колхозы района должны получить в городе Ленинске 220*

центнеров сортовых семян (СП, 21.04.1944) – Однако в число призеров попал только самбист из **Ленинска** Александр Мололкин... (ВП, 02.12.1998); 26 января войска генерал-лейтенанта Шумилова овладели южной окраиной центральной части города, а войска, действующие с запада, соединились в районе **поселка «Красный Октябрь»** с героическими частями 62-й армии генерал-лейтенанта Чуйкова... (СП, 30.01.1944) – Реконструируется водопровод в станице Усть-Бузулукской, на очереди **поселок Красный Октябрь** (ВП, 13.10.2004).

Особенно ярко в составе наименований со значением ‘города и другие населенные пункты’ реализуется признак, интерпретируемый как этнокультурная определенность онома. В связи с массовым проживанием казачества на территории Волгоградской области закономерным выглядит появление и функционирование названий с топонимом, образованным от существительного *казак* со значением «представитель военного сословия, которое складывалось на окраинах Русского государства в 15–17 веков из этих вольных людей» [МАС–2, Т. 2, с. 13]: *хутор Казачий, станица Казачка*. Этнокультурная специфика находит свое отражение и в других наименованиях. В частности, название поселения *хутор Ендовинский* связано, скорее всего, с характером местности, которую заселяли люди – «сырое заливное место, где собирается талая вода; болотистая местность, болота» [БТСДК, 2003, с. 148]. В кругу наименований со значением ‘водные пространства, водоемы’ этнокультурная определенность гидронима может быть обусловлена диалектными обозначениями из сферы апеллятивной лексики: *озеро Кужное* получило номинацию от распространенного в этой местности названия болотного растения *куга*; *река Сокарка* имеет название от диалектного обозначения одной из разновидностей тополя – *сокаря* [Кудряшова, 1997, с. 39]. В группе топонимов со значением ‘рельеф местности: возвышенности, горы, долины, углубления в земле’ находят отражение традиции и обычаи казаков: вершина *курган Пьяный* получила свое наименование в силу того, что именно у этой возвышенности казаки-новобранцы, уходившие на службу в армию, пили последнюю чарку [Чемякин, 2005, с. 113].

В топонимиконе Волгоградской области зафиксированы наименования, в основу которых положена так называемая народная этимология, раскрыть которую позволяет объяснение происхождения водного объекта. Примером этого явления служит проприатив *река Ахтуба*. Данный гидроним, согласно существующей легенде, получил свое название по имени ханской дочери Тубы, бросившейся в реку. В различных временных текстах областной газеты употребление гидронима никак

не связано с преданием: *Избирательница т. Крюкова говорила о строительстве двух подъездных пожарных мостов на реку Ахтуба...* (СП, 08.12.1950) – *Наиболее неблагоприятным в этом отношении является Ленинский район: водозаборы, расположенные на реке Ахтуба, работают без ремонта уже более 30 лет* (ВП, 23.07.2004).

Изменению восприятия географического имени носителями языка, проживающими в данной местности, могут способствовать социальные факторы. В качестве примера такой трансформации наименования населенного пункта возможно привести название *город Урюпинск*. В текстах «Сталинградской правды» данный ойконим употребляется исключительно в прямом, стилистически нейтральном значении при описании особенностей быта населения, характеристике политического и социально-экономического развития населенного пункта, например: *Уже свыше 700 учащихся Урюпинска работают на колхозных полях в качестве трактористов...* (СП, 12.07.1942). Традиции коренных жителей этой местности – казаков, народные промыслы, известные за пределами области (изготовление растительного масла из подсолнечника, разведение коз, использование шерсти и пуха этого животного в промышленном производстве и индивидуальном хозяйстве), возрождение культуры разных этнических групп населения способствуют тому, что Урюпинск все чаще упоминается в СМИ как центр российской глубинки, образ «малой родины», например: *Праздничная предновогодняя атмосфера царит в негласной столице российской глубинки – городе Урюпинске* (ВП, 26.12.2002). Нередко название Урюпинска употребляется в переносном смысле как обозначение очень отдаленного от цивилизации места, «далекая глухая провинция, захолустье» [Отин, 2006, с. 372]: *Надо бросить все и уехать в Урюпинск* (ВП, 26.06.2003). Наконец ойконим Урюпинск выступает в качестве символического обозначения места развитого народного промысла по изготовлению изделий из козьего пуха: *Пуховые чудеса из Урюпинска и Алексеевки заставили «подтянуться» и мастеров из других районов области* (ВП, 25.09.2004). Коза как животное казаков – коренных жителей Урюпинска – ассоциируется в настоящее время с образом этого населенного пункта.

Таким образом, анализ использования топонимических единиц региона позволяет на основе характеристики структурно-функциональных свойств имен собственных показать особенности их смыслового наполнения при выражении национально-культурного компонента.

Литература

- Авина Н.Ю. Региональные особенности русского языка : вопрос о нормативном статусе (на материале русского языка в Литве) // Русский язык сегодня. Проблемы языковой нормы. М., 2006. Вып. 4.
- Александрова О.В. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества // Язык средств массовой информации. М., 2008.
- Березович Е.Л. Русская ономастика на современном этапе : критические заметки // Известия АН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 6.
- Васильева С.П. Русская топонимия Приенисейской Сибири : картина мира. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень, 2006.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура : Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1991.
- Ильин Д.Ю. Полевое моделирование топонимической лексики в языке региона // Русский язык : исторические судьбы и современность. М., 2010.
- Кабинина Н.В. Семантическое моделирование и проблемы этимологизации регионального топонимического субстрата (на материале топонимии Архангельского Поморья) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2009. Т. 68. № 2.
- Керт Г.М., Вдовицын В.Т. Информационные технологии в исследовании топонимии // Вопросы языкознания. 2005. № 3.
- Крюкова И.В., Супрун В.И. Реки и водоемы Волгоградской области. Волгоград, 2002.
- Кудряшова Р.И. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем. Волгоград, 1997.
- Николаева Т.М. О «единстве ономастики» и / или о новой ветви «антропонимики» // Вопросы языкознания. 2009. № 3.
- Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. М., 2006.
- Рудькина Е.С. Наименования жилых помещений в донских говорах // Теоретические и лингводидактические проблемы исследования русского и других славянских языков. Волгоград, 2008.
- Солганик Г.Я. О языке и стиле газеты // Язык средств массовой информации. М., 2008.
- Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 2007.
- Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград, 2000.
- Толстой Н.И., Толстая С.М. Имя в контексте народной культуры // Проблемы славянского языкознания : Три доклада к XII Международному съезду славистов. М., 1998.
- Тушикова Н.А. Язык региона как объект научного исследования : задачи и перспективы // Теоретические и лингводидактические проблемы исследования русского и других славянских языков. Волгоград, 2008.
- Чемякин Е.А. Казачьи фамилии и... : (этимология, гидротопонимика, краеведение). Волгоград, 2005.
- Юркенас Ю.К. Онимизация апеллятивов и развитие индоевропейских антропонимических систем: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1979.

Сокращения

БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества : Ок. 18000 слов и устойчивых словосочетаний. М., 2003.

ВП – газета «Волгоградская правда» (с указанием даты цитирования);

МАС-2 – Словарь русского языка : В 4-х тт. М., 1981–1984 (с указанием при цитировании тома издания и страницы).

РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М., 1998-... (с указанием при цитировании тома издания и страницы).

СП – газета «Сталинградская правда» (с указанием даты цитирования).

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

МОТИВ БОГОПОДМЕНЫ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Ю.А. Юнгеров

Ключевые слова: богоподмена, мотив, Бог, антихрист.
Keywords: replacement of God, theme, God, antichrist.

В новозаветную эпоху, после пришествия Христа, в церковной среде стали популярными мотивы не столько богоборческие, сколько мотивы о подмене Бога ложным богом (обычно эта тема поднималась в связи с повествованием об антихристе или лжепророках). Этот мотив мы обозначим как мотив богоподмены. Впервые он использовался в текстах Нового завета: *«Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных»* (Матф. 24 : 24). Апостол Павел тоже говорит о возможности такой подмены: *«сам сатана принимает вид Ангела света...и служители его принимают вид служителей правды»* (2 Кор. 11 : 13–15).

Известный церковный деятель XIX века епископ Игнатий Брянчанинов в связи с темой антихриста говорит: *«Явит себя антихрист кротким, милостивым, исполненным любви, исполненным всякой добродетели»* [Брянчанинов, 2002, с. 289]. Епископ Игнатий обличает и еретические учения: *«Ересь можно уподобить пище, имеющей по наружности прекрасный вид, но отравленной ядом... Ересь всегда сопутствуется лицемерством и притворством. Несравненно более людей уловлены в вечную смерть посредством ереси, нежели посредством прямого отвержения Христа»* [Брянчанинов, 2002, с. 465–466]. Здесь заявлена мысль о том, что ложь можно принять за истину, бого-

хульство – за учение Божие и т.д. Именно это и является богоподменной.

В русской литературе наиболее последовательное воплощение мотива богоподмены мы можем наблюдать в творчестве Ф.М. Достоевского, не просто воплотившего этот мотив, но и сделавшего его центральным, особенно в поздних своих произведениях.

Достоевский показывает героя в постоянном поиске и борении, причем это борение происходит в между двумя ипостасями – божественной и дьявольской. И поскольку поиск зачастую носит религиозный характер, к герою неизбежно приходят «искушения», навязывающие мысль о человекобожестве, о всемирной несправедливости и т.д. Конечно, не только в этих условиях возникает мотив богоподмены, но основа его кроется именно в неприятии Божьего мира, отрицании земного устройства и непонимании его принципа.

Данный мотив в полной мере воплотился в последнем романе Достоевского «Братья Карамазовы», однако появился он благодаря эволюции мотива богоборчества (связанного с человекобожеством), который начал принимать форму подмены уже в первом романе «Пятикнижие».

Идея Раскольникова о сверхчеловеке предполагает построение его системы на несправедливости мира. Поскольку мир несправедлив, то и сам принцип созидания на основе гуманизма им отвергается. Он идет в противоположном направлении и создает теорию «права на преступление» и двух разрядах людей: «...“необыкновенный” человек имеет право <...> перешагнуть <...> через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует» [Достоевский, 1976, с. 199]. Вопрос спасения человечества здесь стоит в связи с пролитием крови (тех же людей, которые составляют это человечество). Неверие в спасительную Жертву Христа приводит Раскольникова к этой мысли, однако такое рассмотрение (лишь в парадигме неверия героя) его идеи видится нам слишком примитивным. Теория Раскольникова уже содержит в себе тот самый богоподменческий корень – человекобожество. Конечно, эти идеи здесь имплицитны, но в полной мере они открываются у Великого инквизитора. Необходимость спасения человечества – вот главный постулат теории Раскольникова. Это не просто некий личный подвиг ради самоутверждения, но еще не до конца осознанная система подмены Бога антихристом.

Новый гуманизм Раскольникова предвосхитил нищезанятие: поклонение сверхчеловеку, который может «преодолеть человека», пренебречь свободой другого ради утверждения своей человекобожеской сущности. По сути, это создание новой религии, в основе которой стоит уже не Богочеловек, а человекобог.

Признает Раскольников и некое мессианское предназначение у разряда «особенных» людей: *«Первый разряд всегда – господин настоящего, второй разряд – господин будущего. Первые сохраняют мир и приумножают его численно; вторые двигают мир и ведут его к цели»* [Достоевский, 1976, с. 200–201]. Если рассматривать эти слова в духе христианского эсхатологизма, то цель, о которой говорит Раскольников, вполне очевидна и прозрачна – это историческое воплощение идеи человекобога (антихриста). Но в данной теории он пока только подразумевается во множественном числе – то есть люди «особенные», готовящие новое будущее

Но уже очень скоро Раскольников начинает подвергать сомнению свою собственную избранность (при этом, однако, продолжая быть уверенным в истинности своей теории): *«Старуха была только болельщица... я переступить поскорее хотел... я не человека убил, я принцип убил! Принцип-то я и убил, а переступить-то не переступил...»* [Достоевский, 1976, с. 211].

Убежденность в идее у Раскольникова сменяется душевным диссонансом при встрече с Соней Мармеладовой. Он видит в ней родственную душу (она тоже «перешагнула»), однако Соня уповает не на свою «избранность», но считает себя грешной и возлагает надежды только на Бога. Именно здесь для Раскольникова впервые звучит имя Божие, поэтому поначалу он пытается все свести к богохульству: *«Да, может, и Бога-то совсем нет»* [Достоевский, 1976, с. 246]. После Раскольников целует ногу Сони, обосновывая это тем, что он поклонился «всему страданию человеческому». Несмотря на столь смиренный жест героя, нельзя не заметить, что это тоже органически может входить в его теорию о «необыкновенных людях». Страдания человеческие для него соотносятся не со страданием за грехи, которыми обременен всякий человек (и через скорби призван очиститься) и все человечество: они являются следствием несправедливого устройства мира, против которого бунтует герой. В связи с этим и возникает недоумение Раскольникова: *«как этаким позор и такая низость в тебе рядом с другими противоположными и святыми чувствами совмещаются? Ведь справедливее, тысячу раз справедливее и разумнее было бы прямо головой в воду и разом покончить!»* [Достоевский, 1976, с. 247]. Соня

на это отвечает «*А с ними-то что будет?*» [Достоевский, 1976, с. 247], и Раскольников понимает, что у нее «то же самое», но он упускает из виду то, что Соня это делает не «вследствие», а «вопреки». Идея Раскольникова зиждется на отвержении в человеке образа Божьего, идея же Сони – на любви к этому самому образу в человеке и на жертвенности (хоть эта жертвенность и основывается у нее на грехе в связи с ее положением). Соня не борется против мира, не бунтует и не признает его виновником содеянного ею греха. Соня соотносит себя лишь с Божьим миром и не может видеть мир человеческий иначе, как через призму божественной милости ко всем людям. Осознав это, Раскольников приходит к мысли, что она помешанная: «*Разве в здравом рассудке так можно рассуждать, как она? Разве так можно сидеть над погибелью, прямо над смрадною ямой, в которую уже ее втягивает, и махать руками, и уши затыкать, когда ей говорят об опасности? Что она, уж не чуда ли ждет?*» [Достоевский, 1976, с. 248]. Действительно, чудо для Раскольникова не существует, оно столь же небытийно для него, как и Сам Бог, подающий это чудо для других. Он знает один способ исправления ситуации – активное сопротивление, действия человеческие, но не надежда на Бога. Ключевым является вопрос Раскольникова: «*А тебе Бог что за это делает?*» [Достоевский, 1976, с. 248]. Здесь – суть его бунта и последующих героев «Пятикнижия» Достоевского (в том числе и самого яркого бунтующего – Ивана Карамазова). Раскольников не видит справедливость в этом мире и если и признает бытие Божие, то требует немедленного ответа от Бога. Видя практическую безответность Бога на молитвы людей, он делает вывод, идущий вразрез с теодицеей. Если Бог несправедлив и не может предотвратить зло в этом мире, то можно брать инициативу в свои руки и заменить собою Бога (стать сверхчеловеком).

После беседы Раскольникова с Соней о вере идет сцена чтения Соней Евангелия о воскрешении Лазаря. Здесь впервые появляется Божие слово для Раскольникова. Оно здесь идет как бы в противостояние тому, что до этого говорил и думал герой. На все его неверие, непонимание, даже возмущение был дан ответ – Евангелие.

Некоторые исследователи считают, что эта сцена – начало воскрешения и самого Раскольникова Христом (Степанян, 2005), однако герой здесь – еще «слепой иудей», ждущий своего мессию, могущего избавить его от страданий. Его неверие пока явно. Об этом говорит и Соня: «*Зачем вам? Ведь вы не веруете?..*» [Достоевский, 1976, с. 249]. Вследствие того, что Бог ему предстает недостаточным для разреше-

ния всех спорных вопросов, возникающих в связи с видением им этого мира, он еще не может принять Его, хотя и слышит откровение Слова.

После признания в убийстве старухи перед Соней Раскольников говорит: «...кто крепок и силен умом и духом, тот над ними и властелин!.. Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, а кто больше всех может посметь, тот и всех правее!» [Достоевский, 1976, с. 321]. И «Соня поняла, что этот мрачный катехизис стал его верой и законом» [Достоевский, 1976, с. 321]. Здесь – явная отсылка к тому, что между мыслями Раскольникова и катехизисом проводится аналогия. Вера Раскольникова – в сверхчеловека, поэтому он и не может уверовать во Христа, Который не только не взял все, но еще и претерпел многое от людей. В системе его идеи Христос не может быть Богом, потому что Он не просто не воспользовался той безраздельной властью, которую имел, но еще и отдал Свою жизнь, потерпев поругание. Бог же Раскольникова – сверхчеловек, могущий взять «дары» и воспользоваться ими для власти над человечеством, это именно антихрист, подменяющий подвиг Христа «тайной, чудом и авторитетом». Это тот человек, который «посмеет наклониться и взять ее» (власть – Ю. Ю.) [Достоевский, 1976, с. 321].

Во время своих признаний Соне Раскольников еще не испытывает покаяния, ибо его теория до сих пор жива. Рушится же его видение самого себя: «...если уж начал я себя страшивать и допрашивать: имею ль я право власть иметь? – то, стало быть, не имею права власть иметь» [Достоевский, 1976, с. 321]. Именно это и стало причиной его крушения и мнимого покаяния. Бог в его сознании все еще не перестает подменяться сверхчеловеком, который готов во имя справедливости проливать кровь. «Я просто убил; для себя убил, для себя одного... мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею...» [Достоевский, 1976, с. 322] Теория Раскольникова, таким образом, строится не просто на преступлении и переступании, а на желании в самом себе увидеть «право имеющего». Как личный опыт богопознания и богообщения необходим для твердой веры, так и убийство Раскольникова было необходимым условием для веры в сверхчеловека. Именно поэтому разрушение в самом себе образа право имеющего рушит всю его теорию. Им теперь движет раскаяние в том, что он не смог соответствовать своей теории и не посмел «наклониться и взять»: «Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!..» [Достоевский, 1976, с. 322].

Поначалу Раскольников отказывается от предложения Сони донести на себя, но, не видя возможности выйти из диссонирующего состояния, решает прийти с повинной. Это не является актом покаяния, но безвыходности. В последней своей беседе с Соней Раскольников, судя по всему, сам не понимает, зачем ему это нужно. Он должен каким-то образом избавиться от страдания, которое сам на себя наложил, он увидел этот шанс в том, что предложила ему Соня. Когда она надевает на Раскольникова крест, то он говорит: *«Это, значит, символ того, что крест беру на себя, хе-хе! И точно, я до сих пор мало страдал!»* [Достоевский, 1976, с. 403]. Крест для него в данный момент является лишь символом собственных страданий, но не символом пострадавшего за него Христа. Все эти «моменты неверия» Раскольникова указывают на то, что проще уподобиться «блудному сыну» (вернувшемуся к Отцу), обыкновенному разбойнику, блуднице или даже открытому богоборцу, чем тому, кто в своей идее подменил Бога на собственного бога (без «недостатков»). В этом и открывается истинная суть богоподмены: сложность (или даже невозможность) покаяния. Это тот самый «прекрасный вид» пищи заблуждения, от которого сложно отказаться в связи с его привлекательностью.

Раскольников не воскресает в романе, но лишь в какой-то степени движется к этому. Однако истинное раскаяние пока для него невозможно: *«И хотя бы судьба послала ему раскаяние – жгучее раскаяние, разбивающее сердце, отгоняющее сон, такое раскаяние, от ужасных мук которого мерещится петля и омут!.. Но он не раскаивался в своем преступлении»* [Достоевский, 1976, с. 417].

Теория Раскольникова разоблачается во сне, пришедшем к нему в болезни. Суть этого сна отображает возможное воплощение теории Раскольникова в жизни. Сон носит характер апокалиптический и говорит о некоей язве, отсылающей нас к Откровению Иоанна Богослова: «язва» там упоминается больше десяти раз и означает гнев Божий. Эта язва во сне Раскольникова поражала душу и ум человека, чем приводила людей к безумию и невозможности осознания того, что есть добро, а что – зло. Этот сон о непонятных трихинах есть антиоткровение, показывающее бессмысленность и несостоятельность теории Раскольникова. Познание Бога пришло к герою во время болезни, и ему было суждено начать свой крестный путь не через катафатику, а через апофатическое познание. Это познание страшно и мучительно, однако именно этот путь должен был пройти Раскольников в ожидании будущего своего обновления: *«Раскольникова мучило то, что этот бессмысленный бред так грустно и так мучительно отзывается в его воспоминани-*

ях...» [Достоевский, 1976, с. 420]. Отсутствие смысла и основания в его идее приведет в конечном итоге Раскольникова к Евангелию, которое пока лежит еще под подушкой (как бы под покровом). Именно через него возможно будущее обновление героя, поскольку в нем он может найти живое основание для своей жизни.

Теория Раскольникова и ее воплощение, скорее, богоборческая концепция, чем концепция богоподмены. Однако при ее воплощении и подаче в романе «Преступление и наказание» можно увидеть и мотив богоподмены. Идея Раскольникова (пока довольно «сырая» и неоформленная) предполагает будущее развитие – появление уже одного человекобога, который бы не просто бунтовал против Бога, нынешнего порядка и несправедливости, а попытался бы подменить Его и восстановить «справедливость» в земном устройении мира.

Литература

Библия. Книги священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 2007.

Брянчанинов И., епископ. Полное собрание сочинений в 8 томах. Т. IV. М., 2002.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. VI. Л., 1976.

Степанян К.А. «Сознать и сказать». «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М. Достоевского. М., 2005.

АБЗАЦНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ТЕКСТА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЕГО РАСЧЛЕНЕНИЯ (на материале художественных текстов рубежа XX–XXI веков)

О.В. Марьина

Ключевые слова: абзац, текст, синтаксис, дезинтеграционные процессы.

Keywords: paragraph, text, syntax, disintegrate processes.

В последнее время исследование абзацев, абзацного членения текста вообще и художественного текста в частности выходит на новый уровень. Помимо традиционных подходов к изучению функций абзацев (Н.С. Валгина, С.Ю. Крючков, Л.М. Лосева, Л.Ю. Максимов, Е.А. Покровская), выявлению соотношений абзацев и сложных синтаксических целых, фрагментов (С.Ю. Крючков, П.А. Лекант,

Л.Ю. Максимов, А.Г. Руднев, Н.И. Серкова, Г.Я. Солганик), существует подход к рассмотрению абзацев не столько как к единице членения текста (А.Н. Володченко, П.А. Лекант, Л.М. Лосева, Н.И. Серкова, А.М. Пешковский), сколько как к единице, его расчленяющей (Н.С. Валгина, Е.А. Покровская, О.С. Саланина, А.А. Чувакин).

При понимании абзаца нам близка позиция Н.С. Валгиной, которая считает, что основное назначение абзаца – расчленение текста с целью выделения его компонентов. Автор отмечает, что текст, не расчлененный на абзацы, воспринимается с трудом; «сила его на читающего падает. Затрудненность чтения приводит к потере интереса и притуплению внимания» [Валгина, 2003].

Исследователи синтаксиса художественных текстов отмечают, что именно абзац является наиболее яркой фигурой расчленения. По мнению А.А. Чувакина, дезинтеграция захватывает в прозе конца XX века «прежде всего абзац. Развивается тенденция к сокращению абзаца <...>; вместе с этим повышается частотность малых, или коротких, абзацев в тексте» [Чувакин, 2003, с. 60]. Малые абзацы в синтаксисе художественной литературы на фоне иных по протяженности связываются со значимостью их (абзацев) содержания (объективного, субъективного), композиционным назначением, эмотивнойностью, сменой ритма текста и другим, с необходимостью выдвижения информации абзацев, их звучания, ритма, обозначаемой ситуации или фрагмента ситуации. Появляясь через определенный текстовый интервал, такие абзацы сразу обращают на себя внимание читателя [Чувакин, 2008, с. 507–509; Саланина, 2005, с. 8].

В данной работе мы определяем, как структура абзацев художественных текстов, созданных в 1980-е – 2000-е года, влияет на степень их расчленения.

В литературе рубежа веков расчленение текста с целью выделения его компонентов связано, главным образом, с абзацами, состоящими из одного

– простого нераспространенного предложения:

1. *Светящаяся черточка осталась на прежнем месте. Она неподвижно сверкала. Как далеко он отбежал!*

Прощай (Л. Петрушевская «Нагайна»).

2. *Им нужно то, что им дать невозможно...*

Невозможно! (А. Лиханов «Благие намерения»).

– простого распространенного предложения:

1. *И тут она тебя бросает. И не только бросает, а уходит к другому, любимому человеку.*

Ты начинаешь обливаться кровью (Виктор Ерофеев «Фабрика любви»).

2. *Возвращаясь домой в троллейбусе, Дашенька уже поняла, что заболела.*

Дома она слегла (В. Маканин «Дашенька»).

– простого / сложного предложения длиной от одной до полутора строк:

1. *<...>Давай-ка за дело, да лучше втихомолку, но по-настоящему, без обмана – самого себя и тех, кто тебя окружает, – без липовых фраз, мнимых отчетов, суеты, восклицаний!*

Честней и проще.

Ведь когда честней и проще, тогда и поражение простимее, объяснимее ошибки, неудачи (А. Лиханов «Благие намерения»).

2. *У него было такое чувство, что он попал в другой город.*

Лева отпустил такси, решив прогуляться оставшееся время по этому городу (А. Битов «Пушкинский дом»).

Это абзацы, появляющиеся в середине текста, расчленение которого увеличивается за счет того, что абзац вводит новый речевой слой (пример из текста Л. Петрушевской «Нагайна»), является стержневой фразой, заключающей в себе логический вывод (примеры из текстов А. Лиханова «Благие намерения»), акцентирует внимание читателя на действиях, состоянии, положении одного из героев (пример из текстов В. Маканина «Дашенька», А. Битова «Пушкинский дом»); сопоставляет имеющуюся в нем информацию с той, которая заключена в предшествующем абзаце (Виктор Ерофеев «Фабрика любви»).

Современный текст может состоять из абзацев, равных отдельному предложению. Например: 1. *Я моюсь грязной водой, стекишей с тел мывшихся до меня женщин.*

Наевшись пасхальных крошек, мыши превращались в летучих мышей.

Арабский пупок – молоток.

На всякий случай я прячусь во ржи.

Катаюсь по полю, чтобы быть сильным.

Не торгуясь, куплю у араба негодную лошадь (Виктор Ерофеев «Мы из Интернета»).

2. *Мама мыла раму.*

Папа купил телевизор.

Дул ветер.

Зою ужалила пчела.

Саши Смирнов сломал ногу (Л. Рубинштейн «Мама мыла раму»).

Данные предложения могут быть заключены только в самостоятельные абзацы, так как между ними нарушены логические, структурные (в тексте Виктора Ерофеева «Мы из Интернета»), семантические связи, являющиеся базовыми для определения связности и цельности любого текста.

При сочетании абзацного членения с другим синтаксическим показателем дезинтеграции усиливается расчленение текста. Так, абзац может быть вставной конструкцией, имеющей реминисцентную отсылку к ранее созданному тексту: *Марьиванна, напившись чаю, повеселевшая, заходит в детскую сказать спокойной ночи. Отчего это ребенок так плачет? Ну-ну-ну. Что случилось? Порезалась?.. Животик болит?.. Наказали?..*

(Нет, нет, не то, не то! Молчи. Не понимаешь! Просто в голубой тарелке, на дне, гуси-лебеди вот-вот схватят бегущих детей, а ручки у девочки облупились, и ей нечем прикрыть голову, нечем держать брата!) (Т. Толстая «Любишь – не любишь»).

Абзацное членение во взаимодействии с многоточием передает отрывочность воспоминаний рассказчика, запомнившиеся эпизоды из жизни (преимущественно школьной), связь которых линейная, последовательная: *Толстая застенчивый мальчик... Бедность... Мать самокритично бросила театр и работает корректором...*

Школа... Дружба с Алешей Лаврентьевым, за которым приезжает «форд»... Тогда меня возьмут на дачу... Я становлюсь маленьким губернатором... Я умнее и больше читал... Я знаю, как угодить взрослым...

Черные дыры... Зарождающаяся тяга к плембу... Мечты о силе и бесстрашии... Похороны дохлой кошки за сараями... Моя надгробная речь, вызвавшая слезы Жанны, дочери электромонтера. Я умею говорить, рассказывать...

Бесконечные двойки... Равнодушие к точным наукам... Совместное обучение... Девочки... Алла Горшкова... Мой длинный язык... Неуклюжие эпиграммы... Тяжкое бремя сексуальной невинности... (С. Довлатов «Ремесло»).

Ключевые моменты прошлого показаны с помощью номинативных предложений, так как рассказчику важно сообщить о том, что происходило, а не как, где и т.д. Многоточие, завершающее все предложения (кроме одного) фрагмента, в данном случае выполняет двойную функцию, смысловую и структурную: служит для обозначения пропуска одного или нескольких компонентов текста и вызывает у читателя представление о называемом.

При взаимодействии двух дезинтеграционных процессов (одним из которых является абзацирование) в одной синтаксической единице усиливается расчленение текста:

1. *В парке она отыскала давно уж ею замеченный тополь с корявым суком над тропинкой, захлестнула на него веревочку, сноровисто увязав петельку, продернула в нее конец – все-таки деревенская, пусть и тихоня, она умела многое: варить, стирать, мыть, корову доить, косить, дрова колоть, веревку для просушки белья натянуть и увязать. Коня, правда, запрячь не могла – в ее деревне лет уже десять лошади не велись. И еще не могла она, боялась щупать куриц, отрубать петухам головы, не научилась, хотя и пробовала, пить, материться...*

Ну и пожила бы дальше на этом милом свете, глядишь, и сподобилась бы (В. Астафьев «Людочка»).

2. *В эти пять минут произошло вот что.*

Она села к столу, чтобы, как обычно, записать все события дня в дневник, и вдруг вспомнила про подлую шутку Горгоны.

Сердито выдвинула ящик, схватила оба бумажных квадратика с готическими письменами и поднесла к ним зажженную спичку, чтобы уничтожить следы своей постыдной доверчивости.

Прошло не менее минуты, прежде чем Коломба убедилась: послания не подвержены огню. Сожгла несколько спичек, опалила подушечки пальцев, а бумага даже не почернела!

Трясущимися руками схватила сумочку, чтобы достать портсигар. Нужно было выкурить папиросу, собраться с мыслями (Б. Акунин «Любовница смерти»).

В каждом из имеющихся примеров парцеллят и основное предложение находятся в разных абзацах. Такое разделение компонентов связано с тем, что парцеллят (пример № 1) – единственное предложение в абзаце – предвосхищает дальнейшее развертывание события (*пожила бы, если бы... не совершила самоубийство*): *Она была, как и все замкнутые люди, решительная в себе, способная на отчаянный поступок<...> И тут, с петлей на шее, она тоже, как в детстве, зажала лицо ладонями и, оттолкнувшись ступнями, будто с высокого берега бросилась в омут...;* сообщает о последовательности действий героя, каждый из которых является значимым в данном контексте (пример № 2).

Фрагмент текста может заключать в себе сразу несколько показателей дезинтеграции, одним из которых будет абзацное членение. На-

пример: *Момус тихонько, не поднимаясь с коленок, отполз назад, распрямился и юркнул в охотнорядский лабиринт.*

Развязал кошель, сунул руку. Импералов было негусто – всего тридцать. Пожадничал Самсон Харитонович, поскарעדничал много дать Богородице. Ну да ничего, зато она, Матушка, для раба своего верного не поскупится.

Еще затемно, как следует утеплившись и прихватив фляжечку с коньяком, Момус пристроился на заранее облюбованном месте: в кустиках, с хорошим видом на старый дуб <...> (Б. Акунин «Особые поручения»).

Базовый компонент и парцеллят находятся в разных абзацах (1, 2 абзацы), тем самым внимание читателя акцентируется на каждом действии героя. Заключительный абзац фрагмента отделяется отбивкой. Благодаря данному композиционному приему описывается новая ситуация, происходящая в другом месте в иное время.

Абзац в текстах рубежа XX–XXI веков может совпадать с усложненным сложным предложением, которое Е.А. Покровская характеризует как очень крупную по размерам конструкцию, объединяющую компоненты, разнородные в композиционном отношении; по субъектным сферам, выраженным и не выраженным формами чужой речи; по цели высказывания; по эмоциональной окрашенности [Покровская, 2001, с. 30]. Например: *Лева пришел как-то из университета – обе створки дверей в квартиру были распахнуты – и увидел незнакомого старика, который, двигаясь сердито и суховаато, руководил выносом таких с детства знакомых (с которыми у нас отношения...) вещей, как: зеркало, овальное, в оправе из золочено-черных виноградных лоз; настольная лампа, бывшая керосиновая (эмаль и бронза); полочка с двумя резными негрятями-амурами (они же авгуры) и длинная полированная, красного дерева, тумба, на которой в детстве Лева играл блошками в футбол и пуговики особенно замечательно скользили... (А. Битов «Пушкинский дом»).* Взаимодействие нескольких дезинтеграционных процессов в усложненном сложном предложении лишает его целостности, разрушает последовательность изложения. Степень расчленения усиливается за счет того, что в предложении несколько вставных конструкций и некоторые из них завершаются авторским знаком – многоточием.

Итак, малые по объему абзацы являются наиболее яркими показателями расчленения в том случае, если а) только из таких структур состоит текст; б) появляются между традиционными абзацами, состоя-

щими из одного или нескольких сложных синтаксических целых; в) взаимодействуют с другими процессами дезинтеграции.

На наш взгляд, абзацирование – проявлением не только дезинтеграции, но и интеграции. Это возможно в том случае, когда абзац – усложненное сложное предложение с различными синтаксическими связями, с одним или несколькими видами осложнений.

Литература

Валгина Н.С. Теория текста. М., 2003.

Покровская Е.А. Динамика русского синтаксиса в XX веке : лингвокультурологический анализ : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2001.

Саланина О.С. Абзацирование вторичного текста как проблема общей теории текста (эвокационное исследование) : дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2005.

Чувакин А.А. Дезинтеграционные процессы в художественном синтаксисе рубежа XX–XXI вв. // Исследования по семантике : межвузовский научный сборник. Уфа, 2008. Вып. 24.

Чувакин А.А. Интеграция/дезинтеграция в синтаксисе художественного текста на рубеже 20-нач. 21 века // Русский синтаксис : новое в теории, методике, объекте. Барнаул, 2003.

ПОЛИСЕМАНТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ПРОЗЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ГОРНОГО АЛТАЯ

И.А. Бедарева

Ключевые слова: Горный Алтай, мировое древо, тотемный миф, мифологема, архетип.

Keywords: Gorny Altai, world tree, totemic myth, mythological unit, archetype.

Для современной русскоязычной прозы Горного Алтая, характерно стремление к использованию образов и символов мировой литературы, что особенно отчетливо прослеживается на уровне фольклорно-мифологической системы, которая в значительной мере приобретает

полисемантическое наполнение, традиционное для общекультурных фольклорно-мифологических образов и символов.

Данная тенденция, на наш взгляд, особенно отчетливо проявлена в творчестве следующих писателей: Кузьмы Поклонова, Владимира Бахмутова, Сергея Адлыкова.

Произведения Кузьмы Поклонова начали появляться на страницах областной газеты – «Звезда Алтая» – с 1981 года и были представлены в основном жанром *рассказа-были*. Так, рассказы «Бельчатники» (1981), «В оккупации» (1981), «Случай на пасеке» (1981), «Медведь на пасеке» (1983) в основе сюжета содержат подлинные *случаи* из жизни, и задача писателя во многом сводится к документально точному воспроизведению событий реальной действительности.

Кроме данной тенденции в произведениях Поклонова получили воплощение и иные аспекты, характерные для современной русскоязычной прозы. Так, в рассказе «На утесе», опубликованном также в 1981 году, на первый план выходит тема взаимоотношений *взрослого и ребенка*, точнее *матери и ребенка*, воплощенная в образах животных: маралуха–мать, убегая, уводит стаю волков от мараленка и тем самым спасает его, жертвуя своей жизнью.

В отношении фольклорно-мифологической системы данный рассказ является показательным, так как в нем отчетливо воплотились образ *мировой горы* и образ *мирового древа*, причем данные образы несут общекультурное смысловое наполнение. *Мировая гора*, представленная *утесом*, и *мировое древо*, представленное *кедром*, практически сливаются в рассказе в одно целое, а такое совмещение имеет многочисленные примеры в мировой мифологии¹.

Утес и *кедр* являются в рассказе центральными структурообразующими элементами на всех уровнях поэтики, они представляют собой своеобразную *ось*, вокруг которой происходят основные события, и по-своему декодируют универсальную концепцию устройства мира:

«Выходит из сумрака одинокий утес, на гриве – хмурый, мрачный. Вроде бы и нет в нем ничего особенного, и все же остановите взор, приглядитесь, и вы увидите с южной стороны утеса одетые инеем густые кусты акации, с северной и северо-западной – из низины к его подножию вознеслись заснеженные вершины елей, а сам утес до верху иссечен ступеньками, и каждый уступ, заросший кустами, высотой полтора-два метра. На макушке одинокого утеса, запустив корни во множество расщелин, кажется, без горстки земли стоит

¹ См., например: [Мифы народов мира, 2000, Т. 1, с. 311].

сгорбившийся, как старик, кедр. На нижних его сучьях длинными нитями висит мох, а вершина белеет от снега, как седая голова» [Поклонов, 1981, с. 4].

Следует подчеркнуть, что образ *мирового древа* в рассказе имеет четкую структуру, корреспондирующую, как уже было сказано, с понятием *древа* в мировой мифологии. Так, *троичность мирового древа по вертикали* подчеркивается отнесением к каждой части особого класса существ, выраженного в рассказе в образах животных. С *верхней* частью мирового древа (ветви) связаны *птицы (кедровка)*, со *средней* частью (ствол) – *копытные (маралы)*, с *нижней* частью (корни) – *животные, несущие отрицательную символику (волки)*.

Кедровка появилась на вершине одинокого кедра. Она двигалась, точно приседала, кланялась солнцу, радовалась обильному свету и скупому теплу, потом успокоилась, утянула шею, будто укуталась крапчатой пуховой шалью, лишь длинный черный ее нос да темные капли глаз поблескивали на солнце, когда кедровка склоняла голову влево или вправо. С левой стороны выше утеса на склоне гривы затаилась волчья стая. С правой – на южной стороне горы паслись маралуха с мараленком, разгребая чуть смерзшийся снег [Поклонов, 1981, с. 4].

Кроме того, в данном контексте проявлена и *горизонтальная структура мирового древа*, которая в общекультурном понимании образуется самим *древом* и объектами по сторонам от него: «Если вертикальная структура Древа мирового связана со сферой мифологического, прежде всего космогонического, то горизонтальная структура соотнесена с ритуалом и его участниками. Объект ритуала и его образ всегда находятся в центре, участники ритуала – справа и слева. Вся последовательность элементов по горизонтали воспринимается как сцена ритуала, основная цель которого – обеспечение благополучия» [Мифы народов мира, 2000, Т. 1, с. 401]. И у Поклонова данное изображение предельно симметрично: *в центре – кедр, слева – волки, справа – маралы*. В связи с этим самопожертвование маралухи во имя детеныша, можно расценить как проявление естественного вселенского процесса, связанного в какой-то степени с одним из кардинальных философских законов – закона единства и борьбы противоположностей.

Таким образом, мифологический образ *мирового древа* помогает автору углубить общечеловеческие понятия, выраженные в традиционных бинарных оппозициях: *жизнь и смерть, добро и зло, день и ночь, хищник и жертва*, и, следовательно, позволяет нам сделать вывод о том, что данный образ выступает в рассказе в качестве главного смыслообразующего элемента. Кроме того, *мировое древо*, эквивалентен

том которого в рассказе является *кедр*, имеет также важнейшее значение на сюжетном уровне.

Рассказ «На утесе» позволительно считать своеобразным эскизом к повести Кузьмы Поклонова, написанной в соавторстве с Петром Муравьевым «Высший суд» (Горно-Алтайск, 1982), так как в ней получила наиболее полное воплощение и дальнейшее развитие архетипическая тема *матери и ребенка*, а также фольклорно-мифологические образы *кедра* и *марала*.

Название повести – «Высший суд» – уже настраивает на присутствие мифологического подтекста, и очевидным представляется то, что итог *суда* будет предопределен *свыше*.

В основе сюжета повести – *тотемный миф*, и убийство тотемного животного совпадает с завязкой действия. Главная героиня – чабан Василиса Мироновна – убивает для нужд колхоза маралуху, и не просто животное, а, как явствует из всей семантики текста, себе подобное существо, так как та тоже оказалась матерью:

Увериться захотелось, кого, в точности, мне бог послал. Веду рукой по животу, и вдруг рука на вымечко наткнулась. Потянула я за сосок, а оттуда молочко брызнуло...

Тянька мой родимый! Кого же я жизни лишила!

Обмерло все во мне: до того жалко было, до того казнили. Она ведь мать, как и я. Лежит мараленок где-нибудь под кусточком и ждет ее, как и мой Савушка меня под кедром [Поклонов, 1982, с. 32].

Вторжение героини в *космос тотемного животного* и разрушение его влечет за собой разрушение *космоса героини*: именно после случая в лесу Василиса Мироновна не обнаруживает своего младшего сына Савушку, оставленного на время охоты *под кедром*; кроме того, она получает похоронную на старшего сына Егора, затем на среднего – Федора; муж Андрей, вернувшийся с войны, обвиняет Василису Мироновну в потере детей и уходит жить к молодой любовнице.

Одной из ключевых сцен повести – на всех уровнях поэтики – является сцена спасения и, можно сказать, «удочерения» героиней детеныша маралухи:

Далеко от Савушкиного кедра была, как услышала – плач не плач и писк не писк. <...>

Представилось мне, что и мой Савушка где-то вот так же лежит и зовет меня, кинулась я к мараленку, подхватила на руки. Он, сердешный, уж и головы от слабости держать не может. На том поиски мои в тот день и кончились: повезла домой я мараленочка. Он самочкой оказался. Не ломая головы, я ее Машенькой назвала.

Отпола я Машеньку молочком, глазки ей протерла, и отдыхать уложила, а сама опять свалилась [Поклонов, 1982, с. 48–49].

Именно спасение маленькой маралухи, забота о ней как о собственном ребенке, а затем удочерение ребенка своего мужа от другой женщины, которая была прямой или косвенной виновницей многих бед героини, в том числе и потери сына Савушки, позволило свершиться *высшему суду*: Василисе Мироновне на склоне лет удалось встретиться с живым сыном, выросшим в чужой стране.

Кроме того, как уже было отмечено ранее, немаловажную роль в повести выполняет образ *мирового древа*, модифицированного – в русле устойчивой горноалтайской традиции – в образе *кедра*. Следует подчеркнуть, что *кедр* в пространственной организации произведения находится вне зоны обычной, бытовой жизни персонажей, однако все ключевые моменты повести происходят непосредственно около него.

Во-первых, *кедр* выполняет главную смыслообразующую функцию и является своеобразной точкой отсчета, семантическим центром в жизни главной героини, и прежде всего – на мифологическом уровне. Так, Василиса Мироновна, прежде чем отправиться на охоту, оставляет сына именно под *кедром*: «*Постлала я потник под кедром, положила Савушку в заячий мешок...*» [Поклонов, 1982, с. 28]. В данном случае прослеживается функционирование *кедра* как хранителя сна охотника (или – ребенка охотника), характерное для алтайской мифологической традиции.

Смещение равновесия мирового порядка, вызванное убийством маралухи, восстанавливается потерей Василисой Мироновной сына. Причем здесь она не только теряет, но и обретает: следующий приход героини к *кедру* заканчивается тем, что она находит детеныша маралухи, забота о котором, как уже говорилось выше, способствует в дальнейшем встрече с потерянным сыном. Именно так вновь устанавливается горизонтальное равновесие мироустройства, проявленное в неразрывной соединенности архетипов *матери* и *дитяти*: отсутствующие *мать* и *ребенок* – маралуха и Савушка – и присутствующие *мать* и *ребенок* – Василиса Мироновна и мараленок.

Во-вторых, в повести прослеживается *вертикальная* семантика *кедра* как аналога *мирового древа*, особенно в противопоставленности *верха* и *низа*, например: «*Когда пришла в себя, гляжу вверх, где кедров кудрявыми макушками помахивают, гадают: осуждают или сочувствуют?*», и далее – «*Обхватила руками ствол кедров и сползла по нему, а дальше и не помню, что было, будто в преисподнюю провалилась*» [Поклонов, 1982, с. 36–37].

Значительное место в повести также занимает *вода*. Причем, речь идет о *воде* вообще, которая в соответствии с традициями, существующими в славянской и мировой культуре, выполняет определенные задачи в силу присущих ей мифологических свойств. В повести «Высший суд» можно выделить как минимум три ярко выраженные функции *воды*: *исцеление, оживление, очищение*.

Так, например, *целительная* функция *воды* проявляется в тот момент, когда героиня испытывает тревогу по поводу оставленного под *кедром* ребенка: «*Умылась я из ручейка, воды хрустальной до ломоты в зубах напилась. Полегчало*» [Поклонов, 1982, с. 34].

Живительная функция *воды* прослеживается, например, в сцене, когда к Василисе Мионовне возвращается сознание: «*Сколько времени провалялась в беспамятстве, не знаю, очнулась оттого, что вода по мне хлещет*» [Поклонов, 1982, с. 37].

Функция *воды* как главного компонента в процессе *очищения* обнаруживается в сцене омовения Василисой Мионовной своего мужа, вернувшегося в семью от любовницы: «*Такая отрада меня наполнила, будто я и вправду только из-под венца. И лохань банную из старой избы вносила, и воду в нее наливала, и мыла в ней Андрея, как жениха, в котором теперь все твоё и ничьё больше. Андрей почуял во мне эту перемену, едва ополоснулся ковшиком из ведра, полез голышом ко мне целоваться*» [Поклонов, 1982, с. 139]. В данном случае, с одной стороны, проступает славянский обычай «обливаться водой перед каким-либо трудным делом или перед свадьбой», а с другой – мотив *воды* как *первоначала* соотносится со «значением воды для акта омовения, возвращения человека к исходной чистоте» [Капица, 2000, с. 24].

Кроме вышеназванных фольклорно-мифологических образов, следует отметить присутствие в произведении большого количества отдельных славянских языческих и православных фольклорно-мифологических элементов, которые усиливают художественную многогранность образа главной героини и других персонажей, а также повышают эстетическую значимость и глубину произведения: речь идет о насыщенности текста фольклорными жанрами и формами: *гадания, пословицы и поговорки, песни, поверья, названия-символы*. Причем данный материал очень четко подобран и органично вплетается в общий фольклорно-мифологический контекст произведения.

Таким образом, центральные фольклорно-мифологические образы повести: *мировое древо, вода* – получают общесультурное семантическое наполнение, *тотемное животное* – имеет корни в алтайской мифологии, а для частных фольклорно-мифологических элементов

характерна принадлежность к славянской языческой и православно-христианской культуре.

Иное воплощение языческие и православные фольклорно-мифологические элементы получили в творчестве другого прозаика – Владимира Бахмутова. В разное время писатель печатался в журнале «Сибирские огни», в альманахах «Алтай» (Барнаул) и «Эл-Алтай» (Горно-Алтайск). На данный момент в Горно-Алтайске изданы три книги писателя: «Приметы времени» (2001), «Осенний гололед» (2002), «Семигорки» (2004), – и все они получили высокую оценку современников, которые среди прочего отмечали профессионализм, автобиографичность и неизменную преданность теме Горного Алтая в качестве основных черт прозы Бахмутова.

В поэтике данного писателя также немаловажное место занимают фольклорно-мифологические элементы. Причем несмотря на то, что центральным объектом художественного познания для Бахмутова является Горный Алтай, алтайские фольклорно-мифологические элементы в его прозе почти отсутствуют, картина мира писателя насыщена славянскими языческими и – реже – православно-христианскими образами и мотивами.

Так, уже название рассказа «*Радуга*», открывающего первую книгу писателя «Приметы времени», актуализирует мифологический уровень не только данного произведения, но и всего творчества писателя, поскольку образ *радуги* является, безусловно, главным смысло-, сюжет- и структурообразующим элементом.

Отметим, что во многих культурах *радуга* являлась «символом божественного проявления доброжелательного характера» [Энциклопедический словарь, 2003, с. 706], в русском фольклоре *радуга* также «уподоблялась мосту, который соединяет небо и землю, а человека с небесными богами» [Шуклин, 2001, с. 59].

В основу сюжета рассказа положено славянское фольклорное поверье о том, что «если добежать до конца радуги и обхватить ее руками, то все люди будут здоровыми и счастливыми» [Бахмутов, 2001, с. 5].

Главный герой рассказа отождествляет себя с тем, кто может принести счастье сразу всем:

И вдруг я увидел радугу! Крутая, ярко горящая, она уперлась концом как раз в нашем огороде. Я зажмурил глаза, все еще не веря, что вот она, долгожданная радуга, которая поможет мне сделать всех счастливыми. Радуга не исчезла. Наоборот, наливалась ярче. И я побежал! [Бахмутов, 2001, с. 6].

Кроме того, в данном произведении активизировано еще одно славянское поверье: гром и дождь посылает на землю *Илья-пророк*, разъезжая на своей колеснице:

Яркий солнечный день вмиг потускнел, стало темно и страшно. Подул ветер, сначала робкий, потом сильнее и сильнее, грозя превратиться в ураган. Блеснула молния, с треском раздался гром.

– Это Илья-пророк в своей колеснице раскатывает по небесам, сейчас дождик пошлет, – крестясь, говорила бабушка. И действительно, дождь начал капать крупными каплями [Бахмутов, 2001, с. 5].

Образ *Ильи-пророка* в данном случае усиливает мифологическое значение образа *радуги* и тем самым углубляет фольклорно-мифологический уровень всего рассказа.

В другом рассказе – «Ветка пихты» – писатель также использует отдельные языческие славянские поверья, связанные главным образом с проявлением сил потустороннего мира, активизирующихся в ночное время суток – *русалок, полудниц, нечистой силы, привидений*.

Использование данных образов в рассказе представляет собой своеобразную экспозицию, которая задает мифологический настрой, усиливает семантику событий, происходящих в рассказе, и во многом объясняет поступки персонажей, выполняя тем самым смыслообразующую функцию. Так, персонажи рассказа – деревенские мальчишки – для того, чтобы посоревноваться в смелости, отправляются на кладбище, и тот из них, кто не побоится ночью принести ветку пихты, что растет в центре кладбища, – может претендовать на звание самого смелого.

Кроме того, наряду с насыщенной фольклорно-мифологическими образами экспозицией, упоминание о *привидениях*, которое возникает и в финале рассказа: «*Да, петухи. Они дают отбой всем приведениям*», – выполняет структурообразующую функцию и участвует в создании кольцевой композиции рассказа.

Следует также подчеркнуть присутствие в творчестве Бахмутова *мифологемы Реки, мифологемы Горы* и образа *мирового древа* (эквивалентом которого у него тоже является *кедр*), традиционных для русской литературы Горного Алтая. Однако в творчестве писателя они приобретают несколько модифицированную семантику.

Так, например, *мифологема Реки* используется Бахмутовым в рассказе «Совинко» в качестве *границы / пояса* между своим и чужим пространством, но смысловое наполнение *своего* и *чужого* писатель расширяет не географически, а психологически и нравственно. Так, в начале данного рассказа один из персонажей – Леонид, уроженец Гор-

ного Алтая – попадает в реку и, подобно инородному телу, вымываемому с пространства Алтая, кружит в водовороте вместе с мусором:

Переpravлялись они по каменистому перекату, а ниже разогнавшаяся вода вымыла большую яму. Быстрые потоки врзались в нее и раскручивались большими воронками, в центре которых скапливались пена, мусор, ветки деревьев. Попал в воронку и Леонид – сил выбраться самостоятельно не хватало, и он кружился вместе с пеной и таежным сором. Неизвестно, чем бы все закончилось, не протяни ему Игнат длинную жердину. Леонид ухватился за нее так, что, когда спутник подтянул его к берегу, с трудом разжал посиневшие пальцы.

– Тянет за ноги на дно. Я уж думал – каюк, – проговорил Леонид, клацая зубами от холода.

– Забыл ты наши реки, – усмехнулся Игнат.

– Жуткая у реки сила. Откуда и берется...

– С гор [Бахмутов, 2001, с. 75].

Дальнейшие события проясняют подтекст данного происшествия: Леонид приехал на Алтай с целью строительства туристической базы и продажи редких целебных растений и животных, что повлекло бы за собой уничтожение флоры и фауны мира дикой природы, и, следовательно, проявил себя как чуждой, инородный элемент в гармоничном пространстве Алтая.

Мифологема Горы, проявлена наиболее ярко в повести «Семигорки», проецируется в образе горы Бельгаи, которая отождествляется с трудностью жизненного пути главной героини – Марии:

Ведь гора-то Бельгая каждый день у нас на глазах, с утра до вечера, ну в непогодь закрывается, а так и спать ложимся мы с ней, и утром поднимаемся, глядя на нее. Вот вся-то моя жизнь и прошла в том осознании, что я уже была на этой горе, что не так уж она недоступна, а значит, и я, если не побоялась забраться на нее, тоже в жизни что-то могу и значу. Проснусь иногда утром со скверным настроением, поднимусь от мужа, пахнущего перегаром, взгляну на Бельгаю и на душе спокойнее сделается. На саму вершину забралась, а остальное в жизни пустяки [Бахмутов, 2004, с. 31].

Образ кедра также используется Бахмутовым для усиления характеров персонажей. Так, например, в рассказе «Стог» посредством образа кедра раскрывается тяжелая судьба деда Степана, испытавшего в жизни множество издевательств:

Только теперь Алешка заметил большие ссадины на гладком стволе кедра, густо залитые смолой. Прозрачные, как слезинки, капельки цеплялись одна за другую. Капелек было много – янтарная их

цепь достигалась до самой земли, усыпанной иссохшими иголками [Бахмутов, 2004, с. 196].

Таким образом, именно в прозе Бахмутова начинается постепенное отступление от традиционного функционирования основных в русской литературе Горного Алтая фольклорно-мифологических образов. Вышесказанное позволяет утверждать, что образы *Горы, Реки, кедра* несут уже меньшую смысловую нагрузку и внимание на них не акцентируется, как это было в творчестве предшествующих прозаиков.

Введение новых элементов в фольклорно-мифологическую систему русскоязычной литературы Горного Алтая прослеживается в творчестве другого писателя – Сергей Адлыкова.

С 1994 года Адлыков печатается в республиканской газете «Звезда Алтая» и в альманахе «Алтай-Телекей», а в 2005 году в Горно-Алтайске выходит его книга «Белая кобра», в которую вошло пятнадцать рассказов писателя.

Центральной темой большинства произведений писателя является *тема утраченного поколения*: герои его рассказов – участники либо Великой Отечественной войны, либо войны в Афганистане, которые не могут найти место в жизни в мирное время, и в ряде случаев вынуждены покончить жизнь самоубийством, так как смерть для них – единственный рациональный выход¹.

В рамках статьи проза Сергея Адлыкова представляет интерес в том плане, что, как правило, в канву вполне реалистичных событий автор вплетает в качестве важных составляющих поэтики именно фольклорно-мифологические элементы и делает это очень по-своему, то есть иначе, нежели его предшественники.

Так, семантика *мифологемы Реки* раскрывается в творчестве писателя в первую очередь в соответствии с языческой славянской традицией, где «река (море), в отличие от всех прочих, представляла собой препятствие магическое и решающее потому, что ею, в представлениях язычника, была обозначена та граница, которая разделяла земное и неземное существование, жизнь и смерть» [Еремина, 1991, с. 151].

Например, главный герой рассказа «Взгляд на Суремейку» Сашка Кожушкин вследствие потери на войне в Афганистане своего здоровья («Когда их танк напоролся на мину, выбило глаз, несколько осколков

¹ См., например: С. Адлыков. Взгляд на суремейку [Адлыков, 2005, с. 15–21]; Один из нас [Адлыков, 2005, с. 25–41], Михалыч идет на работу [Адлыков, 2005, с. 42–48], Плач по старому дому [Адлыков, 2005, с. 57–67], Исповедь афганца [Звезда Алтая, 1993] и др.

вошло в живот, он получил сильную контузию и временно ослеп на уцелевший глаз») [Адлыков, 2005, с. 15] – не может устроить личную жизнь и найти себе работу, и эта безысходность побуждает его направиться именно к реке.

«На пешеходном мостике, в том месте, где река не покрылась льдом, долго смотрел на дно, пытаясь увидеть хоть одну рыбку. Но на дне кроме ржавых железяк и пустых консервных банок, больше ничего не было. Разочарованно покачав головой, Сашика побрел по улице» [Адлыков, 2005, с. 19]. И это разочарование приводит его к самоубийству: *«За окном неожиданно пошел снег. Глядя, как он ложится густым пушистым слоем на тоненькие, озябшие ветви рябины, Сашика сам себе твердо сказал: “Пора”»* [Адлыков, 2005, с. 19]. Симптоматично в данном контексте и то, что уход из жизни главного героя сопровождается снегом, который, как известно, является одной из модификаций воды и, соответственно, наделен теми же функциями.

Для Мишки Курамчинова – героя рассказа «Один из нас» – река является не только спасением от жизненной суеты, она ассоциируется с беззаботным детством, воспоминания об этом времени связаны именно с купанием в реке: *«А он, маленький мальчик, с криком нырял в обжигающие ледяные воды, поднимая брызги, и брызги, вспыхнув от солнца, как алмазное ожерелье, повисали в воздухе»* [Адлыков, 2005, с. 26].

В данном случае мифологема Реки выступает также в качестве связующего звена между прошлым и настоящим. Беззаботное детство, отмеченное именно ассоциациями с рекой, резко контрастирует в рассказе со взрослой жизнью героя, в которой он превратился в пьяницу и утратил все жизненные ценности.

Другая актуализация мифологема Реки в тексте происходит после того, как Мишка получает письмо от своей бывшей жены, из которого узнает о том, что у него была дочь и что она умерла:

Ночью Мишке снилась река... Он шел по изумрудному, покрытому травой берегу, рядом шумела вода на перекатах, и кто-то среди прибрежных кустов малины тоненьким голосом кричал ему: “Папка! Папка! Папка!” Он не видел, что это было, только что-то неясное, размытое, и тянулся, тянулся туда Мишка, но ноги вдруг стали чугунными, он не мог сделать даже и шага, онемели вдруг его ноги, стали непослушными, и протягивал руки к кустам Мишка, и кричал умоляюще: “Дочь моя, иди ко мне, дочь моя?” Тишина была ответом на Мишкин зов, и только на ярко-зеленом фоне кустов, как пятна крови, застыли спелые ягоды малины [Адлыков, 2005, с. 32].

Неожиданный поворот событий (Мишка после всего пережитого узнает об обмане бывшей жены, который заключается в том, что дочь была не его) приводит главного героя к самоубийству, в котором он видит единственный выход. Симптоматично в данном случае и то, что все пространство заполняется *водой*, и *река* становится той первоосновой, из которой все появилось и в которую все уйдет, являясь аллюзией мифической *Леты*:

Ничего не понимая, Мишка вырвался из ее рук и бросился на улицу. Проливной дождь хлестал ему по лицу, смывая кровь. Мишка спотыкался в лужах, зачем-то бросив по дороге пиджак, в одной рубашке побежал к реке. <...>

Подбежав к реке, он умылся холодной водой и, повалившись на бок, начал рыдать. <...>

Мишка полз и полз к реке, дождь косой пеленой заливал все вокруг, он с особой силой стучал по беззащитной Мишкиной спине, по его судорожно скрюченным рукам, по реке, к которой полз, содрогаясь в рыданиях, Мишка. Он все дальше и дальше вползал в холодную темную реку сначала по локоть, потом все дальше и глубже и, наконец, течение оторвало его от берега, и река понесла его с собой [Адлыков, 2005, с. 41].

Кроме того, практически одинаковое описание *реки* в начале и в конце рассказа выполняет структурообразующую функцию и образует кольцевую композицию данного рассказа.

Таким образом, позволительно утверждать, что в творчестве Адлыкова сохраняется традиционная для русскоязычной литературы Горного Алтая *мифологема Реки*, но выступает она не в традиционной функции границы между *своим* и *чужим* пространством, а в качестве *медиатора* между *жизнью* и *смертью*, миром *реальным* и *ирреальным*.

В основе сюжета повести Сергея Адлыкова «Белая кобра», как отмечает сам автор, лежит афганская легенда, которая является своеобразным текстом в тексте, и главные герои произведения – *кобра* и солдат Славик. Многоаспектный, полифункциональный в мировой культуре образ *змеи* необходим автору актуализации функции *пророка*. Мудрость и сверхъестественные способности *кобры* позволяют ей увидеть и предсказать будущее.

Кобра спасает Славика от насильственной смерти, заманив к себе в пещеру, и именно он становится впоследствии свидетелем трагических событий, и, более того, носителем в определенной мере той мудрости, которую получил от *кобры*, то есть он, по сути, сам становится

пророком, но, будучи непонятым, получает клеймо психически невменяемого.

Введение легенды в структуру повести способствует также смещению по пространственно-временной шкале, и тем самым позволяет автору соединить историческое давнее, легендарное прошлое и настоящее, реальное и ирреальное, снимая запрет на разграничение *чужого* и *своего* пространства.

Таким образом, в прозе Сергея Адлыкова сохраняется традиционная для фольклорно-мифологической системы русскоязычной литературы Горного Алтая мифологема *Реки*, но смысловое содержание кардинально меняется. Мифологема *Реки* уже не выполняет традиционную функцию границы между *чужим* и *своим* пространством, но выступает в качестве медиатора между *жизнью* и *смертью*.

Таким образом, в прозе современной русскоязычной литературы Горного Алтая прослеживается тенденция, характеризующаяся расширением фольклорно-мифологической системы. В целом в современной русской литературе Горного Алтая очевидно наличие полисемантических тенденций в плане расширения фольклорно-мифологической системы.

Литература

- Адлыков С. Белая кобра. Горно-Алтайск, 2005.
Адлыков С. Исповедь афганца // Звезда Алтая. 1993. 25 февр.
Бахмутов В. Осенний гололед. Горно-Алтайск, 2002.
Бахмутов В. Приметы времени. Горно-Алтайск, 2001.
Бахмутов В. Семигорки. Горно-Алтайск, 2004.
Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л., 1991.
Капица Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы : справочник. М., 2000.
Мифы народов мира : В 2-х т. М., 2000.
Поклонов К. На утесе // Звезда Алтая. 1981. 6 нояб.
Поклонов К., Муравьев П. Высший суд : Повесть. Горно-Алтайск, 1982.
Шуклин В. Русский мифологический словарь. Екатеринбург, 2001.
Энциклопедический словарь символов : сост. Н.А. Истомина. М., 2003.

ПАРАМЕТРЫ ОРГАНИЗАЦИИ PR-ТЕКСТА КАК ОСНОВА ЕГО КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ

Е.И. Клинок

Ключевые слова: пиар, имиджевая статья, когнитивный, структура, понимание, текст.

Keywords: PR, image article, cognitive, structure, comprehension, text.

Говоря о тексте как объекте лингвистического изучения, многие исследователи отмечают, прежде всего, его многомерность, полипризнаковость, порождающую различные аспекты рассмотрения данного феномена (Н.С. Валгина, И.Ю. Моисеева и др.) В этом плане антропоцентризм, ознаменовавший современный этап развития научной мысли, с одной стороны, наметил пути возврата к проблемам познания и познавательных процессов, которые долгое время оставались за пределами формального языкознания. С другой стороны, определился ряд новых направлений, которые позволили говорить о существовании когнитивной научной парадигмы, интегрирующей в себе идеи и результаты ряда смежных с лингвистикой дисциплин. На наш взгляд, именно в междисциплинарности, необходимой «для установления эксплицитной связи между социальными ситуациями, познанием и текстами» [Дейк, 1989, с. 162], заключена актуальность когнитивных исследований.

На современном этапе делаются попытки приложить теорию когнитивного моделирования к исследованию текстов различных жанров (А.В. Олянич, О.Н. Чарыкова, О.С. Иссерс и др.) В этой связи проблема исследования когнитивной организации PR-текста представляется актуальной. Кроме того, необходимость рассмотрения текстов данного типа объективно связана с возросшей ролью Public Relations в современном российском обществе.

Мы рассматриваем когнитивную структуру PR-текста на материале имиджевых статей из общественно-политической («Свободный курс», «№ 1»), деловой (журнал «Эксперт») и развлекательной прессы (журнал «Телепарк»). Нас интересует определение параметров когнитивной организации текста путем поуровневого анализа операций порождения и понимания, а также установление связей внутри и на границе уровней.

Данная проблема вписывается в круг центральных интересов когнитивной лингвистики, внутри которого находятся «ментальные» основы понимания и продуцирования речи с точки зрения того, как структуры языкового знания представляются («репрезентируются») и участвуют в переработке информации» [Демьянков, 1994, с. 22]. Ключевыми для нас здесь являются категории продуцирования и понимания, поскольку именно с ними мы связываем два ракурса изучения нашего объекта – мыслительная организация текста в аспекте порождающего сознания и в аспекте воспринимающего сознания. Такой подход позволит установить особенности процесса формирования смысла, которое, по мысли М.М. Бахтина, происходит «на рубеже двух сознаний, двух субъектов [Бахтин, URL].

Мы предполагаем, что каждый из вышеназванных аспектов базируется на определенном наборе параметров, которые и являются предметом нашего исследования. Так, мы выделяем прагматический, семантико-смысловой и интеракциональный параметры. Перейдем к характеристике каждого из них.

1. Прагматический параметр, в рамках которого анализируется коммуникативная цель, или «мотивационный когнитивный инвариант» в терминологии В.З. Демьянкова [Демьянков, 1994, с. 27].

На важность этого параметра указывают многие исследователи. Например, Е.С. Кубрякова в статье «О тексте и критериях его определения» пишет: «...Текст всегда должен рассматриваться как итог речемыслительной деятельности его создателя, воплощающего особый замысел, в его направленности на определенного слушателя / читателя. Одно задает *интенциональность* текста: он всегда создается для реализации какого-либо замысла, другое – его *информативность*: информация вводится в текст и фиксируется в нем не сама по себе, а для чего-то, для достижения определенной цели» [Кубрякова, URL]. Таким образом, автор (говорящий) выступает в роли субъекта текстообразования: реализуя свою коммуникативную цель (интенцию, намерение), он в соответствии с ней организует концептуальное пространство текста. В то же время адресат (слушающий), будучи субъектом восприятия, тоже в значительной мере влияет на облик текста. Ведь организация последнего происходит с учетом так называемого «фактора адресата» – особенностей целевой аудитории, для которой предназначен текст. Так, адресат имиджевой статьи моделируется как «клиент» (потенциальный или реальный), как носитель представлений о той или иной компании, о составляющих ее имиджа. Соответственно этим представлениям автором имиджевой

статьи избирается целевая установка, которая в самом общем виде может быть сформулирована как воздействие на адресата, результатом которого должно стать формирование (или корректировка) знаний об адресанте (базисном субъекте PR).

Параметр цели традиционно связывается с коммуникативностью как интегральным качеством текста, его способностью быть связующим звеном, осуществлять взаимодействие между автором и адресатом: «Как средство общения текст характеризуется коммуникативной целью (иногда ее называют сверхзадачей), под влиянием которой формируются частные цели субтекстов и высказываний» [Человеческий фактор..., 1992, с. 81]. И если общая цель анализируемого типа текстов была сформулирована нами ранее, то частные цели извлекаются из каждого конкретного текста, и вследствие этого они достаточно разнообразны.

Так, в статье *«Разумные преобразования ИТ-систем»* («Эксперт – Сибирь», № 32–33, 2009), которая посвящена проблеме рационального использования информационных технологий, коммуникативная установка актуализируется в завершающем абзаце: *«Сделаем планету разумнее! Хотите узнать подробности? Посетите ibm.com»*. Она может быть охарактеризована как интенция призыва, побуждения адресата к посещению сайта компании, что вполне соотносится с глобальной целью любой имиджевой статьи – формирование и поддержание имиджа базисного субъекта PR.

Приведем пример из другого текста – статья *«Дом, который построит “Алтайкровля”»* (газета «№ 1», № 1, 2008) повествует о приходе Евгения Рыжака на должность генерального директора предприятия и о грядущих в связи с этим изменениях. Здесь выделяются несколько частных целей – информирование о нововведениях (модернизация производства), создание привязки положительного результата деятельности к личности нового директора (*«Основной приметой того времени стал процесс изменения, усовершенствования работы и подходов к ней», «Немалую роль в дальнейшем развитии “Алтайкровли” сыграла научная деятельность Евгения Рыжака» и т.п.*)

Несмотря на упомянутое разнообразие, большинство частных целей может быть разделено на две основные группы:

1) информирование (введение в картину мира адресата информации о базисном субъекте PR);

2) влияние на восприятие информации адресатом (формирование благоприятных условий для создания в сознании аудитории образа, необходимого базисному субъекту PR).

Выбор той или иной цели обусловлен вневелингвистическими (ситуационными) факторами. Так, когда речь идет о том, что пока не наличествует в картине мира аудитории (новая услуга, субъект, событие и т.п.) и необходима первичная презентация, выбирается целевая установка информирования. Если же предметом статьи выступает то, что уже известно адресату (любая информация для ее эффективного использования нуждается в закреплении в картине мира), то, как правило, доминирующей становится целеустановка второго типа.

2. Семантико-смысловой параметр, под которым понимается главная мысль, общее содержание, основная идея текста, или его макроструктура, по Т.А. ван Дейку.

Т.А. ван Дейк предлагал выводить данный параметр из значений предложений текста с помощью операций селекции, обобщения и конструирования. По сути, совокупность этих операций представляет собой методику смыслового анализа с опорой на ключевые слова, которую мы и используем в нашей работе.

Наряду с макроструктурой анализу в рамках данного параметра подлежит суперструктура текста как форма организации его смысла.

Обратимся к уже использованному нами тексту статьи «*Разумные преобразования ИТ-систем*».

В основании организации текста в целом лежит прием когнитивного моделирования проблемной ситуации. На реализацию этого приема работает и объем статьи (относительно небольшой; если требуется дополнительная информация, ее следует искать на сайте), и часто используемые автором вопросно-ответные конструкции. Таким образом, в текст вводится проблема и предлагается ее решение.

Для выявления смысловой структуры текста мы используем специальный текстовый анализатор, позволяющий увидеть семантическую сеть текста. Каждый элемент сети характеризуется числовой оценкой – так называемым *смысловым весом*. Связи между парами элементов, в свою очередь, также характеризуются весами. Эти оценки позволяют сравнить вклад различных понятий и их связей в семантику текста, выявить более или менее подробно проработанную в тексте тематику, взглянуть на весь текстовый материал по пластам – смысловым срезам различной глубины. Значения всех весов находятся в интервале от 1 до 100. Чем больше значение, тем более важную роль играет понятие в формировании смысла всего текста.

Приведем понятия с наибольшим смысловым весом, на базе которых и строится семантическая макроструктура текста (в скобках указа-

но значение смыслового веса): «разумные» (99), «информационные технологии» (99), «преобразования» (99), «возможности» (75), «перемены» (75), «эффективнее» (75) «интеллект» (49).

Исходя из сказанного выше, основная идея (смысловая доминанта текста) может быть сформулирована так: «Разумные преобразования – путь к повышению эффективности работы систем». Привязка данного тезиса к имени IBM призвана формировать имидж передовой, динамично развивающейся, поддерживающей «разумные» перемены и высокий уровень технологий компании – компании, которая действует глобально, охватывая масштабы всей планеты. Стоит отметить, что смысловой ряд, подтверждающий наш вывод, содержится уже в первом предложении текста: «Некоторое время назад компания IBM открыла дискуссию о перспективах *разумных преобразований* в жизни планеты». Выведение смысловой доминанты в самое начало является характерной особенностью текстов исследуемого жанра и часто сопровождается графическим выделением соответствующих частей (заголовков и лид-абзацев). Это связано с тем, что такого рода тексты часто не дочитывают до конца, принимая их за рекламные сообщения (в связи с этой проблемой Т.А. ван Дейк подчеркивает объяснительную силу выделения макроструктур, которое «делает понятным, почему в памяти читателей удерживаются только основные топики, то есть высшие уровни макроструктуры» [Дейк, 1989, с. 130]).

Таким образом, прагматический параметр (целевая установка на посещение сайта) подкрепляется структурой самого текста как модели проблемной ситуации, для разрешения которой необходимо проследовать по определенному адресу.

Такова, на наш взгляд, когнитивная организация имиджевой статьи в аспекте порождающего сознания.

3. Интеракционный параметр реализуется во взаимосвязи концептуальных систем автора и адресата. Под этим мы подразумеваем анализ результатов взаимодействия – сравнение того, что было сказано, с тем, что было понято. Такую проверку мы планируем осуществить на основе проведения опроса среди целевой аудитории имиджевых статей.

Анализ структур взаимосвязи с сознанием воспринимающим является задачей следующего этапа нашего исследования, на котором нас будет интересовать текст как объект восприятия и понимания. Говоря о последнем, мы, прежде всего, ведем речь о принятии полученной из текста информации и включении ее в картину мира слушающего: «Понять текст, освоить его содержательность – значит для меня обратить

весь мой опыт на текст и при этом принять его содержательность так, чтобы она стала частью моей субъективности, затем разделить его содержательность как отражение чужого опыта в согласии с моим опытом, далее выбрать из этого разделения (неявно протекающего анализа) то, что мне надо для моей деятельности» [Богин, 1982, с. 3]. Все это мы включаем в интеракциональный параметр, который отражает механизм взаимодействия текстовых миров говорящего и слушающего. С этой точки зрения текст рассматривается как «такое произведение, такая протяженность, которая по всей своей архитектонике и организации, по всем использованным в нем языковым средствам и т.д. должна обеспечить у адресата формирование его ментальной модели. В этом смысле он должен также обеспечить адресату выход за пределы непосредственно данного в самом тексте и послужить источником дальнейших возможных интерпретаций текста» [Кубрякова, URL]. Этот выход осуществляется за границу текста, во внетекстовую деятельность, где сам текст функционирует и как результат порождения смысла, и как способ и результат интерпретации смысла [Основы теории текста, 2003, с. 127].

Рассмотренные здесь параметры мы считаем основой построения модели текста, которая должна отразить важные с точки зрения когнитивного подхода процессы порождения и понимания, а также особенности протекания этих процессов (их стадии, свойства, вовлеченность различных видов памяти и т.д.) Таким образом, центром модели становятся, как было сказано выше, «текстовые миры» автора и адресата, трактуемые через отношение каждого из них к тексту как к концептуальному пространству, в которое вкладывается и из которого извлекается смысл. Причем под смыслом мы здесь понимаем не только содержательный компонент, но и компонент прагматического уровня (не только то, что хотел сказать автор, но и то, чего он хотел добиться при помощи сказанного).

Описание такой модели является темой, заслуживающей отдельного рассмотрения. Скажем только, что, на наш взгляд, ее создание должно основываться, по крайней мере, на двух принципах: 1) принципе иерархичности знаний в картине мире человека и смысловых компонентов в структуре текста; 2) принципе учета вариативности, неисчерпаемости интерпретаций предметного содержания текста.

Литература

- Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках : опыт философского анализа. [Электронный ресурс]. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/bahtin_problema/
- Богин Г.Г. Филологическая герменевтика. Калинин, 1982.
- Валгина Н.С. Теория текста. М., 2003.
- Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. М., 1994. № 4.
- Иссерс О.С. Речевое воздействие. М., 2009.
- Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm>
- Моисеева И.Ю. Синергетическая модель текстообразования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2007.
- Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. Волгоград, 2004.
- Основы теории текста. Барнаул, 2003.
- Чарыкова О.Н. Индивидуальные концепты в художественном тексте // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
- Человеческий фактор в языке : коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.

ПАРАДОКС КАК ФРАКТАЛ

О.Я. Палкевич

Ключевые слова: парадокс, фрактал, знак, концепт, фрейм, категория.

Keywords: paradox, fractal, sign, concept, frame, category.

Настоящая статья представляет собой попытку апробации новой исследовательской программы – дискретной фрактальной парадигмы в лингвистических исследованиях [Хахалова, 2008]. Основным понятием заявленной парадигмы становится фрактал. Под фрактальными объектами, или фракталами, понимают объекты, которые обладают свойствами самоподобия, или масштабной инвариантности, то есть такие, некоторые фрагменты структуры которых строго повторяются через определенные пространственные промежутки [Князева, 2007, с. 240]. Другой особенностью фракталов является то, что они представляют собой множества дробной размерности, нечто промежуточное между точками и линиями, линиями и поверхностями, поверхностями и телами. Представление некоего исследуемого объекта в качестве фрактала

позволяет показать его проекцию во всех известных на данный момент парадигмах. Это дает возможность исследователю выявить особенности изучаемого объекта на уровне семантики языкового знака (структурная парадигма), когнитивной инфраструктуры человека (когнитивная и синергетическая парадигмы), языковой личности и порождаемых ею дискурсов (лингвистическая персонология и коммуникативно-дискурсивная парадигма).

Занимаясь изучением укрупненных семантических категорий комического, трагического и абсурда, мы пришли к выводу о наличии у данных категорий единого основания – феномена парадокса. В первом приближении мы определяем парадокс как самоорганизующуюся креативную форму (языкового) мышления, порождающуюся на стыке бессознательного и сознательного, вблизи неустойчивых, критических режимов, на границе хаоса и порядка, и вербализующуюся посредством языковых форм разного объема и конфигурации. Парадокс представляет собой фрактал, проецирующийся в восприятие, порождение, осознание и актуализацию информации адресантом и адресатом парадоксального высказывания.

Построим дерево фрактальных зависимостей, представляющих парадокс.

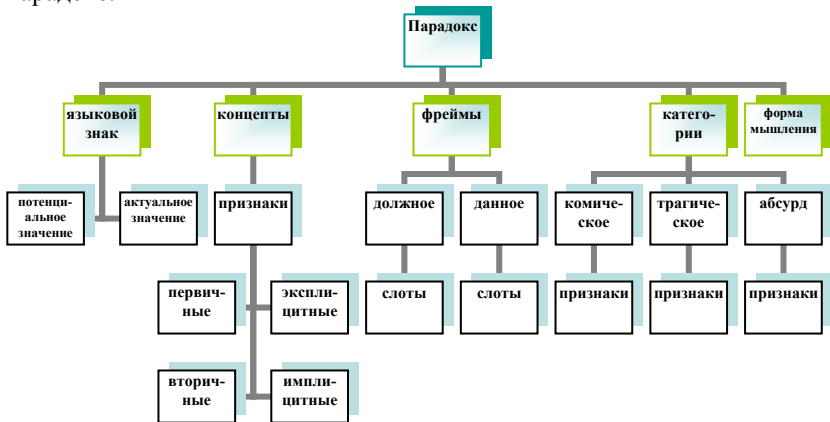

Рис. 1. Фрактальное дерево парадокса

Рассмотрим фрактальное представление парадокса на примере:

Но вернемся в реальность. Здесь борьба за чистоту выборов принимает совершенно гигиенический характер. Поверх жуткой грязи зальют хлоркой, а там уж – кто выживет, тот выживет! На про-

шлой неделе Государственная Дума приняла в первом чтении президентские поправки к закону о СМИ в Уголовный и административный кодексы. Если эти поправки пройдут еще два чтения, то наступит такая законность, что мама не горюй! (Бесплатный сыр, 30.03.2003).

Парадоксальное высказывание как предикативный знак обладает рядом интегральных и дифференциальных признаков, проявляющихся в его структуре и семантике. Для выявления особенностей синтаксической и семантической зависимости компонентов высказывания мы воспользовались комплексной методикой анализа, разработанной С.А. Хахаловой [Хахалова, 1997]. Она включает в себя метод разложения предложения на непосредственно составляющие (НС), метод аналитической дефиниции, методику сравнительного анализа единиц, принадлежащих к одному синтаксическому уровню, и методику компонентного анализа слов, входящих в высказывание. Применение данного комплекса методик позволяет установить количественные параметры высказывания, составить парадигматическую характеристику всех его НС, выявить специфику их синтагматического развертывания.

Основой существования парадокса в языковом знаке является контрдетерминирующий контекст, то есть такой контекст, в котором проявляется расхождение между актуальным и ожидаемым, прогнозируемым значением слова [Weinrich, 1994, с. 86]. Иначе говоря, контрдетерминация – это появление в речевой цепи элемента, не подготовленного предыдущим развертыванием цепочки, это погашение ингерентных и актуализация афферентных сем, не поддерживаемых ближайшим контекстным окружением. Данный сбой в развертывании речевой цепочки может быть интенциональным и непреднамеренным, но всегда значимым.

В анализируемом примере контрдетерминация создается за счет введения в один сложный предикативный знак двух изотопных цепочек лексем: «чистота – гигиенический характер – жуткая грязь – залить хлоркой» и «выборы – Государственная Дума – закон о СМИ – Уголовный кодекс – законность».

Первая изотопная цепочка образуется повторением сем (+/- чистота) и (+/- гигиена) в объеме потенциальных значений входящих в нее метафорических единиц. Вторая изотопная цепочка конституируется семой (+/- закон) в объеме потенциальных значений составляющих ее лексем. В данном контекстном окружении семы (+/- чистота) и (+/- гигиена) погашаются, переходят из разряда ингерентных в афферентные, а сема (+/- закон), напротив, сохраняет статус ингерентной во второй изотопии и становится афферентной для первой изотопии.

Объемы значений НС данного высказывания актуализируются одновременно и вступают в многоплановые семантические отношения. Они сталкиваются друг с другом, при этом частично отрицают друг друга, обмениваясь семами, частично поддерживают создаваемый объемный смысл, можно сказать, играют. Таким образом, высказывание, не соблюдающее требование максимальной повторяемости (согласованности) смысловых компонентов [Апресян, 1995], высказывание, основанное на игровом начале, обнаруживает признак парадоксальности. Поскольку анализируемое высказывание отсылает адресата более чем к одной денотативной ситуации (поддержание чистоты – обеспечение законности выборов), оно характеризуется также признаком многомерности.

Для выявления других семантических признаков рассматриваемого высказывания сконцентрируемся на анализе признаков качества составляющих его компонентов. В состав указанного признака актуального объема метафорических НС анализируемого высказывания (гигиенический характер – жуткая грязь – залить хлоркой) входят компоненты, выражающие мнение и эмоциональное отношение говорящего. Уточнив показатели данных параметров при помощи шкал, разработанных нами ранее [Палкевич, 2001], устанавливаем, что мы имеем дело с компонентами аксиологической оценки (достаточно плохо) и эмоциональной реакции (вызывает неодобрение адресанта). Данные показатели характерны для иронического высказывания.

Анализ фактического материала показал, что другие модусы комического – юмор, сатира, сарказм – также выражают эмоционально окрашенное отрицательное отношение адресанта к объекту оценки. Их отличие от иронического модуса комического наблюдается по интенсивности выражаемого мнения и эмоционального отношения. Теперь мы выдвигаем гипотезу, что в семантический объем других проекций парадоксального – категорий трагического и абсурдного – также входят признаки оценочности и эмоциональной окрашенности. Векторы данных признаков могут принимать разную направленность (положительную и отрицательную) и различную интенсивность. Значения рассматриваемых признаков могут отклоняться от ординара как в сторону «очень хороший – хороший – довольно хороший», так и в сторону «очень плохой – плохой – довольно плохой». Следует отметить, что приписывание признаку определенного показателя интенсивности носит субъективный характер и зависит от разных факторов, связанных с когнитивной базой адресанта и адресата, их индивидуальным опытом и некоторыми другими ситуативными переменными. Поэтому мы пред-

лагаем обозначить признак, связанный с выражением оценки и эмоции, как амбивалентность.

Сочетание в объеме одного сложного предикативного знака признаков парадоксальности и амбивалентности позволяет постулировать наличие еще одного значимого маркера данного высказывания – признака неожиданности, или кросстемпоральности. Он отражает преломление категорий времени и пространства в семантике категории комического, в данном случае – в ироническом модусе упомянутой категории. В комическом высказывании происходит «резкий, внезапный переброс смысла» [Карасев, 1992], неожиданное соединение несоединимого на всех уровнях развертывания смысла и его объективации в языковых формах разной сложности и конфигурации. В линейном развертывании высказывания наступает внезапный сбой, в речевую цепочку вводится элемент, никак не подготовленный предыдущим ходом речевого события, либо элемент, несущий семантические маркеры, не поддерживаемые его ближайшим контекстным окружением. В терминах системного анализа можно сказать, что в комическом высказывании возникают своеобразные пространственно-временные «окна», фиксирующие границы устойчивости каждого из уровней высказывания как системы и горизонты прогнозирования их изменений. В анализируемом высказывании появление метафорических НС высказывания не подготовлено ни типом текста (новостное сообщение), ни членами речевой цепи (приведенной выше изотопии «закон»). Данные элементы возникают неожиданно, образуя вокруг себя пространственно-временные окна, вследствие чего во фрейме данного слоты участников событий (депутаты) и пространства (Государственная дума) дополняются, соответственно, слотами (уборщицы) и (общественный туалет).

Следует отметить, что выявленные нами семантические признаки комического объективируются в неспецифическом типе текста – новостном сообщении как одном из жанров политического дискурса. Здесь с помощью комического выносятся эмоционально-оценочные суждения о текущей политической ситуации. Известны также многочисленные примеры, когда традиционно комические типы текста (частушки и анекдоты) используются в политическом дискурсе для решения агитационных задач. Таким образом, мы имеем дело не с исключением из правила, а с закономерностью. По нашему мнению, данная закономерность свидетельствует о часто упоминаемой семантической пластичности комического, его способности сопрягаться с разными эмоционально-ценностными ориентациями и проникать в любые информационные

пространства (типы текстов / дискурсов), внося дополнительные, подчас нелегитимные оттенки и пласты смысла.

Пластичность и изменчивость обусловлены элементом случайности, вступающим в игру каждый раз, когда речь идет о комическом. Случайность как проявление нелинейности бытия может быть интенциональной, материальной или языковой природы. Интенциональная случайность имеет место в анализируемом высказывании, где адресат сообщения – посетитель Интернет-портала – может при распаковке семантического континуума извлечь как основную интенцию адресанта – информировать читателя о новостях, так и считать дополнительную иллокутивную силу – выражение критического отношения к происходящему. Извлечение данной иллокуции становится возможным благодаря линейной комбинации языковых знаков, открывающей в высказывании дополнительные семантические пласты.

Еще одним аспектом проявления дополнительной в данном высказывании является употребление просторечного выражения «мама не горюй» в контексте официально-деловой речи.

Таким образом, можно постулировать еще один признак парадоксального высказывания – его дополнительность к официальному сознанию, идеологии, культуре, языку.

Итак, анализируемое высказывание представляет собой сложный предикативный знак, семантический объем которого складывается из сочетания и взаимодействия семантических признаков парадоксальности, многомерности, амбивалентности, кросстемпоральности и дополнительной.

Сочетание выявленных широкозначных семантических признаков парадокса позволяет рассматривать его в нескольких проекциях, или с точки зрения нескольких актуальных лингвистических парадигм.

Наличие у парадокса его основополагающего признака – многомерности – подводит нас к анализу когнитивного основания парадокса, выраженного в рассматриваемом высказывании. В данном случае парадокс создается за счет метафорического осмысления актуальной политической ситуации. Сферой источника метафоризации является концепт БЕЗЗАКОНИЕ. Он представлен фракталами «нарушение закона» и «личностная пристрастность». Первый фрактал разворачивается слотами ЖУРНАЛИСТЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ, ОППОЗИЦИЯ, СВОБОДА СЛОВА, ПРАВА ЛИЧНОСТИ, второй – НЕОДОБРЕНИЕ, ПРЕЗРЕНИЕ, ПРОТЕСТ. Здесь односторонние семасиологические метафоры *жуткая грязь, залить хлоркой, выжить* наслаиваются на двустороннюю метафору с полным метафорическим переносом *Борьба за*

чистоту выборов принимает совершенно гигиенический характер. Только зная особенности политической борьбы в России, можно сравнить выборы с общественным туалетом, а поправки в закон о СМИ – с едким химикатом, способным убить все живое. Энциклопедическое знание дополняется выводным (По Конституции Россия является демократическим государством. На практике зачастую происходит отступление от демократических принципов и свобод и по-прежнему правит командно-административная система). Так метафоры – одна из форм парадокса – пополняют когнитивную базу участников коммуникации, позволяют им выразить собственное мнение, сохранить лицо и избежать опасности преследования или наказания, в данном случае со стороны властей.

Признаки парадоксальности, многомерности и амбивалентности позволяют рассмотреть фреймовую представленность парадокса. Воспринимая, организуя и категоризируя окружающую его действительность, порождая и актуализируя мысли о ней, человек постоянно оперирует двумя основными фреймами – должного и данного. Фрейм должного описывает нормативное, регулярное или обыденное положение вещей, фрейм данного – наличное положение текущих ситуаций. Парадокс представляет собой нечто третье, возникающее благодаря суперпозиции (столкновению, наложению, замене, дроблению, но, прежде всего, сравнению) фреймов данного и должного. В анализируемом высказывании фрейм ДЕМОКРАТИЯ сталкивается с фреймом АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЕСУРС, вследствие чего слоты «прямые выборы», «политическая конкуренция», «свобода слова» заменяются слотами «манипуляция», «монополия правящей партии», «цензура». Выборы парадоксальным образом представляются как дезинфекция, политические оппоненты – как вредоносные бактерии, вирусы или микробы, которые нужно обеззаразить, то есть лишить слова. Так возникает парадоксальный образ России – страны с регулируемой сверху демократией.

Как показывают предшествующие рассуждения, парадокс формируется на границе бессознательного (выделение некоторого объекта из потока поступающей информации) и сознательного (организация и категоризация данного объекта, сравнение полученного образа с фреймом должного). Поэтому в дальнейшем целесообразно рассмотреть парадокс как специфическую форму мышления.

Итак, фрактальная геометрия позволяет представить парадокс как многоликое негомогенное образование – своеобразную форму мышления. Данная форма мышления отливается одновременно в концепт,

фрейм и категорию и находит выражение в языковых знаках различного объема. Фрактальная геометрия дает возможность снять противоречие между разными исследовательскими программами, раскрыть различные грани семантики и прагматики парадокса и выявить его скрытые смыслы.

Литература

- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1995.
Карасев Л.В. Смех и зло // Человек. 1992. № 3.
Князева Е.Н. Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М., 2007.
Палкевич О.Я. Языковой портрет феномена иронии (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2001.
Хахалова С.А. Категория метафоричности (формы, средства выражения, функции) : дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 1997.
Хахалова С.А. Возможности применения дискретной фрактальной парадигмы в исследованиях по метафоре // Вестник ИГЛУ. Серия «Филология». 2008. № 4.
Weinrich Н. Konterdetermination bei der Metapher // Metaphorischer Sprachgebrauch. Stuttgart, 1994.

О НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКЕ КАРТИНЫ МИРА

М.И. Кадеева

Ключевые слова: картина мира, языковая личность, этнолингвистика, архаизмы.

Keywords: world view, language personality, etnolinguistics, archaisms.

Отличительной чертой современной гуманитарной парадигмы знания является интерес к исследованию концептосферы языковой личности и отдельного народа, которую Д.С. Лихачев, вслед за В.И. Вернадским, назвал «*catalogue raisonne*» всего умственного духовного богатства нации [Лихачев, 1983, с. 4]. Этот интерес диктуется двумя противоположными социодискурсивными векторами: во-первых, теми глобализационными процессами в постиндустриальной (информационной) цивилизации, грозящими нивелировать национальные ценности и культурную самобытность народов, и во-вторых, –

возрастающим ощущением народов об их взаимозависимости друг от друга и, соответственно, стремлением к взаимопониманию.

По мнению исследователя национального менталитета Т.Д. Гачева, понятие *менталитет этнокультурной общности* можно заменить термином – *Космо-Психо-Логос*, означающим структуру национального целого. «Подобно тому, как каждое существо есть троичное единство: тело, душа, дух – так и национальная целостность есть единство национальной природы (Космос), национального характера народа (Психея) и склада мышления (Логос)» [Гачев, 2000, с. 123]. Применение структуры понятий Космо-Психо-Логос к традиционной культуре казахов дает возможность не только выделить характерные особенности национального сознания, но и представить некую целостную картину всего тюркского кочевого мира Евразии.

«Первое, что формирует лицо народа – это природа, постоянно действующий фактор» [Гумилев, 1993, с. 114]. Тело земли, экосфера, климат, территориальный ландшафт, животный мир, растительность определяют образ мира. Отсюда следует, что под *национальной природой* (*Космос*) понимается процесс освоения территории, адаптации человека к природной среде обитания и тем самым формирования образа осваиваемого пространства или образной картины, зависящих от реального способа бытия людей в этом мире, их реальных корней существования. Поскольку кочевое скотоводство было основным способом существования тюркских народов, оно явилось порождением номадической культуры, номадической картины мира, которая отличается особым способом познания мира. Здесь нет резкого противопоставления личности и природы, как это укоренилось в европейском культурном сознании [Акмолдоева, 1996, с. 15], – в представлении кочевника дом есть не строение, а вся «дикая природа», территория, которую он знает и осваивает, поэтому его жизненным принципом было не покорение природы, а абсолютное взаимопонимание, постижение языка природы, подчинение ее законам.

Кочевой образ жизни нашел свое выражение в религии тэнгрианства, согласно которой человек должен жить в равновесии с миром. Все окружающее кочевника: горы и степи, реки и озера, рощи и леса, растения и животные, явления природы – было персонифицировано, одушевлено, воспринималось как живые образы огромного пестрого и животворящего мира. Небо для степняка – это бог богов, владыка владык, поэтому небесные тела – луна, звезды, солнце и частица солнца на земле – пламя, как его естественные атрибуты, почитались как божества, как нечто святое. Даже трава, на правах родственницы неба, поль-

зовалась у кочевника особым почтением: ее нельзя беспричинно топтать, мять. У каждой разновидности скота был свой покровитель: у лошадей – *Қамбар ата*, у овец – *Шопан ата*, у крупного рогатого скота – *Ойсыл қара*, у верблюдов – *Зеңгі баба*, у коз – *Шекшек ата*. По народным поверьям, лошади произошли от ветра, верблюды – от солончаков, крупный рогатый скот – от воды, бараны и овцы – от огня.

О таком бережном отношении к природе в целом, как носящей божественный отпечаток, свидетельствуют выражения в языке казахов – наследников многих кочевых народов Евразии, накопивших богатейший жизненный опыт общения с природой: *күн күлімдеп тұр* (солнце улыбается), *жұлдыздар жымыңдап тұр* (звезды моргают), *ай туды* (месяц родился), *күннің көзі* (око солнца), *жердің арқасы* (спина земли), *таудың басы* (глава горы), *судың беті* (лицо воды), *жылдың аяғы* (ноги года), *қамыс саусағы* (пальцы камыша), *жылдың басы* (голова года), *шөптің тамыры* (корни травы), *ағаштың өзегі* (сердцевина дерева). Систематически неотрывно наблюдая за изменениями в небе, кочевник-казак отмечал: *месяц родился, месяц созрел, месяц стал худеть, месяц умер*. Между рождением месяца и полнолунием, временем, когда луна в ущербе и ее «смертью» проходит 28 суток, а между «умершим месяцем» и «новорожденным месяцем» проходит двое суток, не отмеченных зорким глазом. Поэтому и родилось выражение *умер месяц* или *олшара* ('междусмертие'). Обозначая временные отрезки по различному месторасположению солнца на небосводе, казахи давали им точное наименование, что было жизненной необходимостью, потребностью кочевников-скотоводов: *таң ертең* (утро), *елең-алаң* (предутренние сумерки), *құланиек*, *құлансәрі* (когда, начинает светать и уже можно различать очертание предметов), *таңсәрі* (пора, когда на землю падает свет, но солнце еще не взошло), *таң* (пора, когда встает солнце), *сәске* (пора, когда солнце всплыло над горизонтом), *сәскетүс* (примерно около 12 часов дня), *ұлы сәске* (полдень), *тал түс* (примерно около часа дня, верхушка дня, пик дня), *шаңқай түс* (время дня, когда тень самая короткая, примерно около 2-х часов дня), *бесін* (после полудня), *ақшам*, *ымырт* (вечер, сумерки) и тому подобное.

Суровые условия кочевого образа жизни, интересы, радостные и горестные переживания, в первую очередь связанные с потребностями ведения данного вида хозяйства, формируют не только свой уклад, быт, характер жилья, особенности одежды, пищи, то есть весь комплекс повседневной жизни, но и мировоззрение кочевников, существенно отражаясь на его *национальном характере* (*Психея*). Многие

черты национальной психологии кочевников представляют собой аккумулированный след длительного воздействия на психику тех мировоззренческих понятий о жизни, которые были связаны как с морально-этическими нормами и самобытной культурой, так и с общественным устройством, социальным строем кочевого общества. Кочевой образ жизни определял особенности древнетюркского мировоззрения. Л.Н. Гумилев отмечал наличие у древних тюрков «четко отработанного мировоззрения», которую они противопоставляли культуре Китая, Ирана, Византии и Индии [Гумилев, 1994, с. 5]. Как свидетельствуют орхонские тексты, причиной этого была в стремлении соседей к активной культурной экспансии, к навязыванию тюркам своих духовных ценностей: «У народа табгач была речь сладка, а драгоценности мягкие; прельщая сладкой речью и роскошными драгоценностями, они столь сильно привлекали себе далеко (жившие) народы. (Те же), поселяясь вплотную, затем устраивали себе там дурное мудрование» [Базен, 1986, с. 354]. Из этого фрагмента видно, что тюрки сознательно отрицали китайскую культуру, так как ясно понимали негативные последствия ее влияния.

Архаические времена побуждали кочевника ежедневно подтверждать верность мировоззренческим установкам рода, ибо суровые условия существования не позволяли соплеменникам пренебрегать социальными ориентирами и обычаями, иначе им угрожало изгнание из рода. Под влиянием образа жизни, и в первую очередь пространственных ощущений, начинает складываться психологический тип тюрков. Огромное пространство степи было хорошо освоено и не пугало кочевника. Здесь обозначались места кочевков, пастбищ, проведения религиозных ритуалов, бывших сражений. Маршруты кочевков были строго регламентированы в соответствии с родовой и жузовой иерархией, сезонной цикличностью, а их нарушение ставилось в один ряд с такими преступлениями, как угон скота (*барымта*) или кровосмешение.

Один из идеологов евразийства Н.С. Трубецкой отмечал, что «типичный тюрк предпочитает оперировать с основными, ясно воспринимаемыми образами и эти образы группировать в ясные и простые схемы» [Трубецкой, 2000, с. 47]. Картина духовного мира тюрка пишется в основных тонах, широкими мазками; для нее чужда детализация и полутона, она развивается вширь и в длину.

Характерными чертами кочевой ментальности были свобода духа, толерантность по отношению к другим культурам и религиям, в то же время верность традициям, почитание предков, соотнесение себя с родом, проявляющееся в родовой или этнической памяти. Межпоколен-

ная духовная связь, жизненный опыт, передающийся от отца к сыну с незапамятных времен, был главным критерием устойчивости кочевого мира. Древний тюрк не чувствовал себя случайно заброшенным в этот мир, поскольку был продолжением длинной череды предков его рода и имел собственное продолжение в потомстве. Как компас для моряка в открытом море, генеалогия в Степи (*шежіре*), знание своей родословной было гарантом жизни кочевника; она помогала ему общаться со встречными попутчиками, получать приют в аулах. Свидетельством этого фундаментального стержня жизни номадов, выступающим защитным механизмом физической и психологической адаптации при «ороднении» кочевых пространств, служат древние афоризмы, которые своей философией, нравственностью, прагматизмом запечатлели подвижную суть и реальную оценку жизни: *Жеті атасын білген ұл – жеті жұрттың қамын жер. Жеті атасын білмеген ұл құлағы мен жағын жер* (Сын, знающий своих предков до седьмого колена, будет сыт заботами семи родов и их радушием. Сын, знающий только себя, будет довольствоваться мясом лишь собственного скота). Или: *Жеті атасын білмеген ұл жетесіз* (Сын, не знающий своих предков до седьмого колена – бестолочь, никчемный).

Степь не боялась чужаков с благими намерениями и принимала каждого человека по-братски, видя в нем своего ближнего. *Қарға тамырлы қазақ* (Все казахи – птенцы одного гнезда, ветви одного дерева, одного корня) предполагало понятие *қонақасы* (доля для гостя), которое включало обязательное гостеприимство, щедрое угощение, приют, почитание. Глубоко понимая условия своего существования, кочевники возвели необходимость видеть друг в друге опору, взаимоподдержку – *жатсынбау* (доверие, открытость) в принцип духовно-нравственного восприятия мира. Заповедь *Человек жив человеком* была основой жизни номадов, поэтому гостеприимство с незапамятных времен стало в Степи одним из непреложных законов жизни.

Одним из уникальных проявлений кочевой цивилизации стало наличие веками отточенного этикета родственных и внеродственных связей, внутренних и межгрупповых отношений, подчинявшихся строгим нормам. Тщательной регламентации подвергались уровень притязаний на верховенство, почет, подарки, границы почитания и (не)дозволенности, система табу, определялись взаимные права и обязанности каждого субъекта; определялся взаимообязывающий стиль поведения, тональность, атмосфера общения. Внешне это проявлялось в распределении по пространственному расположению юрты и в выделении места за дастарханом, очередности в подаче блюд, возрастной

иерархии. Регламентировалось даже меню: существовали различия в подаче мясных блюд, когда определенные части животного предназначались только для *баба, құда, зятя*. Отлаженный этикет безупречно служил стальным каркасом для упорядочивания жизни кочевников. Совокупность родственных связей из разряда моральных категорий могла переходить в статус юридической нормы, хотя нарушитель родственного этикета не подвергался казни или физическому наказанию – его просто отторгала родная среда (*кіндік қаны тамған жер* – ‘место, куда капнула кровь от твоей пуповины’), оценив его поведение в формулах нравственного осуждения: *елден шықсын* (пусть уйдет из рода), *ата салтын аттаған* (переступивший через дедовские традиции), *қара бет* (очернивший свое лицо, опозоривший свою честь), *жетесіз* (бестолочь, человек без царя в голове, манкурт). Для человека, вскормленного в кочевой среде, не было страшнее и позорнее наказания, не случайно в издавна живущих пословицах выпестован личностный кодекс каждого кочевника: *Құдайдың қарғысына ұшырасаң, халықтың қарғысына ұшырама* (Даже если настигло тебя божье проклятье, да не настигнет тебя проклятье народа); *Малым – жанымның садақасы, жаным – арымның садақасы* (Ради жизни жертвую скотом, ради чести жертвую жизнью).

Кочевым образом жизни был обусловлен также и *склад мышления* (*Логос*), в соответствии с этим выделяется такая особенность кочевого сознания, как синкретизм, сопровождающийся созерцательностью и символичностью мышления кочевников. Основу синкретизма составляет нерасчлененное единство кочевника с первозданной природой, этического и природного. Кочевое сознание передает смысл духовных ценностей, раскрывает глубокую гармоничную связь мира человека и мира природы, микрокосма и макрокосма. Уникальность опыта символического восприятия мира кочевниками заключается в том, что он включает в себя общение с природой, космосом как необходимых жизненных силах, отраженных в мифах, преданиях и легендах, а также в ритуале, традиции и обычае, выражающими основные типы коллективного и индивидуального бытия людей кочевого социума.

Таким образом, древние тюрки в процессе духовного творчества создали модель мироздания, включающую в себя морально-нравственные ценности, экологические принципы взаимодействия с Природой, способы события с другими народами и духовного освоения мира. Непосредственная близость кочевника к реалиям бытия, чувственное отношение к наблюдаемому и воспринимаемому миру, укорененность в этом бытии выразились в понимании времени, простран-

ва, внутреннего мира человека, иных миров существования, смысла бытия, нравственных устоев. Все это имеет реальные корни в общественном бытии кочевого общества, отсюда проистекает национальный образ мира, который нельзя спутать ни с одним миропониманием.

Литература

- Акмолдоева Ш. Древнекыргызская модель мира. Бишкек, 1996.
Базен Л. Человек и понятие истории у тюрков Центральной Азии в VIII веке // Зарубежная тюркология. М., 1986. Вып. 1.
Гачев Г.Д. Миф. Национальный. Индивидуальный : Опыт экзистенциальной культурологии // Миф в культуре : человек – не-человек. М., 2000.
Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993.
Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // ИАН СЛЯ. 1983. Т. 52. № 1.
Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 2000.

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ В ОБЛАСТИ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Д.Р. Валеева

Ключевые слова: язык, концептуализация, ментальность, концептосфера, культура, концепт.

Keywords: language, conceptualization, mentality, conceptsphere, culture, concept.

Данная статья посвящена анализу и уточнению базовых понятий концептологических исследований, таких как **язык, знание, когнитивная база, концептуализация, ментальность, культура, стереотип, картина мира, концептосфера, языковая картина мира, концепт**. Обращение к указанным понятиям обусловлено отсутствием единого мнения по данному вопросу, а также антропоцентрической парадигмой современных гуманитарных наук, когда человек становится центром мироздания и центральной фигурой коммуникативного процесса.

В настоящее время в научной литературе существует множество определений понятия «язык». **Язык** рассматривается как семиотическая система, реализуемая индивидом [Бенвенист, 1974], как простейшая форма социального поведения [Блумфилд, 1968], как орудие ком-

муникации и передачи человеческого опыта [Мартине, 1963], как способ выражения мышления [Сепир, 1993; Вежбицкая, 2001], как средство познания окружающего мира [Лейчик, 2003]. Столь различные, на первый взгляд, подходы к рассмотрению языка объединяет его связь с такими понятиями, как «знание» и «познание», ведь с помощью языка человек познает самого себя, осваивает окружающий мир и культуру других народов.

Под **знанием** мы понимаем результат постижения окружающей действительности, отражение информации о мире в человеческом сознании.

Познание же, или **когниция**, представляет собой познавательную деятельность в целом. Это обусловленный общественно-исторической практикой процесс приобретения и развития знания.

В ходе когнитивной деятельности по определенным «моделям восприятия и обработки информации» [Гудков, 2003, с. 51] знания структурируются, образуя **когнитивную базу**, которую можно обозначить как «совокупность знаний <...>, необходимо обязательных для всех представителей данного национально-лингво-культурного сообщества» [РКП, 2004, с. 10–11].

Познавая окружающую действительность, человек не просто объединяет те или иные предметы и явления в определенные категории и разряды, а творчески осмысливает, или интерпретирует. В силу этого значимым оказывается **процесс концептуализации действительности**, который заключается в «осмыслении поступающей к человеку информации и приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в психике человека» [Маслова, 2006, с. 31]. Характеризуя процесс концептуализации, большинство исследователей связывают его с ментальностью. Так, В.Ф. Новодранова утверждает, что концептуализация проходит на ментальном уровне, в ходе членения потока информации [Новодранова, 2007, с. 389]. С точки зрения О.Е. Черновой, в ходе развертывания концепта в дискурсе, то есть при концептуализации, в «сферу» концепта «втягиваются все типы информации, характерные для отображения определенной ситуации как ментальной структуры» [Чернова, 2004, с. 7]. Безусловно, **понятие ментальности**, как и большинство «культурных» понятий, неоднозначно. В самом общем виде его можно обозначить как национально-специфичный способ мировосприятия и поведения человека как представителя того или иного лингвокультурного сообщества. Определяя ментальность, В.В. Колесов отмечает особую роль языка: «Ментальность есть мирозерцание в категориях и фор-

мах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Колесов, 1999, с. 81]. Действительно, язык выступает не просто орудием коммуникации, познания и средством хранения информации, он является культурным кодом нации.

Первым, кто указал на связь языка, мышления и культуры, явился Вильгельм фон Гумбольдт. Ученый считал, что отдельный язык отражает в себе каждую стадию культуры и во многом определяет мышление человека [Гумбольдт, 2000, с. 48–49]. Э. Сепир и Б. Уорф также утверждали, что язык, будучи средством общения данного коллектива, оказывает влияние на людей и способ категоризации окружающей действительности [Сепир, 2002; Уорф, 1960]. С точки зрения А.А. Потебни, «язык объективирует мысль» [Потебня, 1989, с. 196], «дух без языка невозможен, потому что сам образуется при помощи языка, и язык в нем есть первое по времени событие» [Потебня, 1999, с. 42–43].

Большинство современных исследователей [Винокур, 2006; Леонтьев, 1969; Горбачук, 2006; Красных, 2002; Лейчик, 2003 и др.] рассматривают язык как продукт и орудие человеческой культуры. При этом под **культурой**, вслед за С.Г. Воркачевым и Ф.Х. Сытниковой, мы понимаем исторически развивающуюся систему созданных человеком материальных и духовных ценностей, социокультурных норм, способствующих организации поведения и общения, а также обусловленный способом материального производства процесс развития существенных сил человека, процесс его творческой деятельности, социально значимой по своей сущности и направленной на освоение и изменение мира, в котором живет человек.

Действительно, в конкретную национальную культуру целиком вписан язык, являющийся результатом духовного творчества того или иного народа. Значение языка заключается не только в передаче сообщения, но и во внутренней организации того, что подлежит сообщению. Следовательно, язык оказывает влияние на формирование концептуальной картины мира и ее выражение в языковой. Существенную роль при этом играют **стереотипы**, которые определяются У. Квастхофф как «вербальное выражение стандартного мнения, касающегося явлений, социальных групп или отдельных лиц» (цит. по: [Скорнякова, 2006, с. 10]). В понимании Ю.Е. Прохорова стереотип речевого общения – «социокультурная маркированная единица ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемая в речевом общении в виде нормативной ло-

кальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения» [Прохоров, 2006, с. 98]. В определении стереотипа многие исследователи [Стефаненко, 1999; Прохоров, 2006; Власова, 2006; Алевиренко, 2009 и др.] подчеркивают особую значимость нормы и стандарта. Так, С.А. Власова пишет о том, что «взаимодействия членов языкового коллектива имеют своим содержанием регулятивные условия деятельности, которые выражаются в виде нормы поведения, правил или предписаний действий» [Власова, 2003, с. 59]. Их можно назвать метаправилами, позволяющими установить различия в мыслительных и поведенческих стереотипах того или иного народа.

Итак, стереотипы, характеризуясь обобщенным содержанием, схематизмом и оценочностью, участвуют в познании человеком действительности и помогают предсказать поведение окружающих. На основании этого можно дать следующее определение понятию концептуализации. **Концептуализация действительности** представляет собой процесс осмысления и интерпретации знаний о мире, строящийся на основании определенных моделей, категорий и стереотипов конкретного языка, результатом которого является **концептуальная картина мира**.

Отметим, что в современных концептологических работах используются синонимичные термины «**концептуальная система**», «**концептуальная модель мира**», «**концептосфера**», «**ментальная картина мира**». Все они характеризуются взаимодозначным соответствием и обозначают некую интерпретацию действительности, структурированную в виде системы концептов, обусловленных фоновыми знаниями, социальной средой, а также всем ценностным опытом данного языкового коллектива. Концептосфера (ККМ) получает, хотя и неполное, вербальное выражение в **языковой картине мира**, которая представляет собой «специфические черты семантики данного языка, дифференцирующие его от других языков» [Серебрянников, 1988, с. 6]; «запечатленный в лексике национального языка так называемый “отраженный мир”, являющийся проекцией внешнего мира через этническое языковое сознание и несущий в себе информацию об особенностях национальной ментальности» [Зайнуллин, 2009, с. 245].

Соотношение концептуальной и языковой картины мира, процессов категоризации и концептуализации отражает следующая схема, представленная на Рисунке 1.

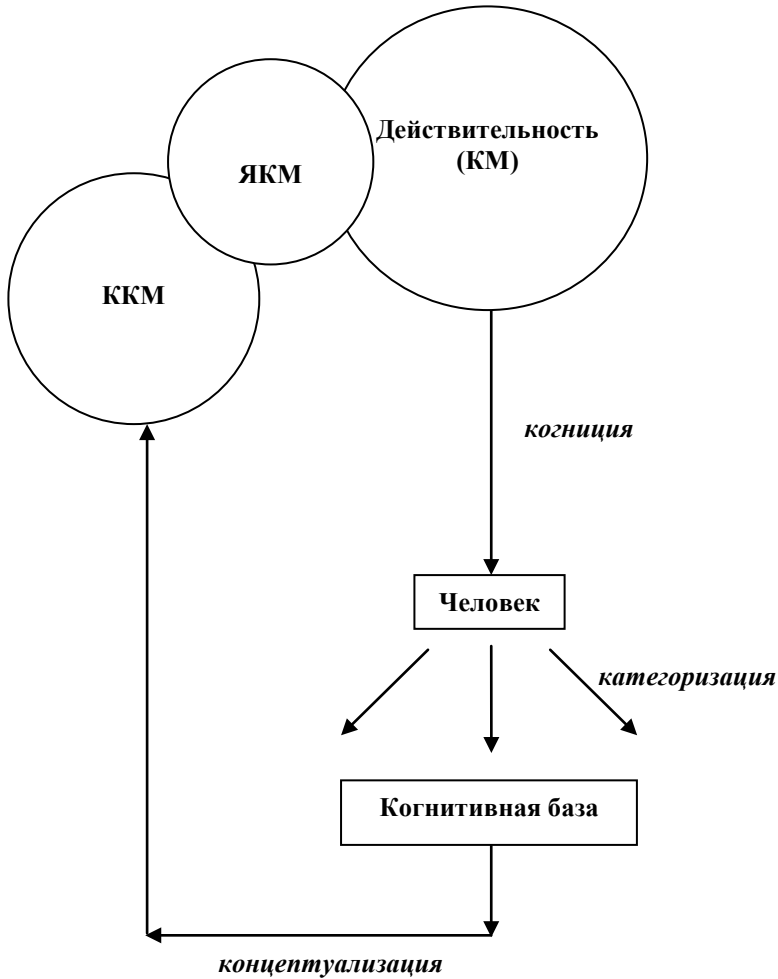

Рис. 1. Соотношение концептуальной и языковой картины мира

В процессе освоения человеком окружающей действительности знания распределяются по определенным группам (категориям). Так формируется когнитивная база. Человек так или иначе интерпретирует все то, что он познает, следовательно, на основе уже имеющегося опыта и «коллективного бессознательного» выстраивается концептуальная картина мира, которая находит, хотя и не полное, выражение в языко-

вой картине мира. Последняя связана с номинацией основных элементов концептуальной картины мира (концептов) и их экспликацией средствами языка.

Концепт можно рассматривать как посредничающую между человеком и миром динамичную ментальную структуру, объединяющую понятийную, ценностную, оценочную, культурно-фоновую информацию в виде слоев от центра к периферии и воплощенную в вербальных единицах конкретного языка. Концепты конденсируют коллективное сознание, они несут в себе «культурный смысл» и обеспечивают основу взаимопонимания между представителями разных лингвокультур, а потому их исследование становится актуальной проблемой в рамках антропоцентрической парадигмы современного гуманитарного знания.

Литература

- Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. М., 2009.
Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
Блумфилд Л. Язык. М., 1968.
Вежицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.
Винокур Г.О. Русский язык. Исторический очерк. М., 2006.
Власова С.А. К вопросу о национальной языковой картине мира // Концепт и культура. Прокопьевск, 2006.
Горбачук Ю.П. Несколько вопросов, связанных с определением понятия «концепт» // Концепт и культура. Прокопьевск, 2006.
Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 2000.
Зайнуллин М.В. Механизм понимания в осуществлении процесса межкультурной коммуникации // Сохранение и развитие языков в условиях многонационального государства : проблемы и перспективы. Казань, 2009.
Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999.
Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
Лейчик В.М. Отношения между культурой и языком // Вестник Московского университета. 2003. № 2. Сер. 19. «Лингвистика и межкультурная коммуникация».
Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. 1963. Вып. 3.
Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2006.
Новодранова В.Ф. Процессы редукции и объективации концептов // Язык и действительность. М., 2007.
Потебня А.А. Полное собрание трудов : Мысль и язык. М., 1999.
Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989.
Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 2006.
РКП – Русское культурное пространство : Лингвокультурологический словарь. М., 2004. Вып. 1.
Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 2002.

Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира. М., 1988.

Скорнякова Р.М. Концепт «труд» в немецкой языковой картине мира. Кемерово, 2006.

Чернова О.Е. Концепт «труд» как объект идеологизации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ ПРИ ВОСПРИЯТИИ ВИДЕО-СТИМУЛОВ НОСИТЕЛЯМИ РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Т. Одончимэг

Ключевые слова: псевдослова, русский и монгольский язык, эмотивная семантика.

Keywords: emotional semantics, Russian and Mongolian languages pseudowords.

Данная работа посвящена исследованию особенностей восприятия и последующей окказиональной вербализации эмотивной семантики визуальных сигналов носителями монгольского и русского языков в условиях психолингвистических экспериментов¹.

Материалом для эксперимента послужили отрывки из российских художественных фильмов без звукового сопровождения (более подробное описание стимулов представлено ниже), в которых действующие лица испытывают те или иные эмоции. Специфика динамического стимула заключается в комплексном представлении того или иного явления.

Восприятие движения – очень сложный процесс, природа которого еще не вполне выяснена. Если предмет движется в пространстве, то при его восприятии глаза или голова воспринимающего также движется, чтобы вновь и вновь фиксировать на взгляд на том, что находится в движении [Рубинштейн, 2009, с. 247]. Отсюда может показаться, что восприятие движения состоит из элементарных, следующих друг за

¹ Исследование проводится при поддержке РГНФ и МинОКН Монголии в рамках проекта № 06–04–0009a/G «Окказиональное порождение и восприятие эмотивных составляющих невербальных знаков носителями монгольского и русского языков».

другом зрительных ощущений отдельных точек, через которые проходит движение.

Целью экспериментов является выявление особенностей восприятия и вербализации динамических стимулов с попыткой установить возможную связь между звуками, используемыми в псевдословах и теми эмоциями, которые они обозначают.

Материалом для экспериментов послужили специально отобранные видеоролики – отрывки из российских художественных фильмов «12», «Любовь-морковь», «Ночные забавы». Выбор именно этих отрывков обусловлен эмоциональным состоянием героев, причем отбор материала производился с учетом набора базовых эмоций, наиболее часто повторяющихся в классификациях известных психологов. За основу взята классификация эмоций П. Экмана [Экман, 2010, С. 38], включающая в себя гнев, отвращение, удивление, страх, радость, печаль.

В эксперименте с носителями русского языка приняли участие 100 человек, в основном, в возрасте 20 – 40 лет, с носителями монгольского языка приняли участие 160 человек, средний возраст информантов 34 года.

Каждому информанту предлагалась следующая инструкция:

1. Сейчас Вы просмотрите 8 видеофрагментов. Назовите и запишите эмоции, которые испытывают люди на каждом из видеофрагментов. 2. Представьте, что Вы не знаете никакого языка. Придумайте свое слово, не существующее ни в одном из известных вам языках, для обозначения эмоций, которые испытывают люди в каждом из предъявленных видеороликов, и запишите его.

Следует отметить, что термин «вербализация» используется в данном контексте в понимании Е.Б. Трофимовой, а именно «под вербализацией в работе понимается процесс окказионального означивания сигналов любой природы носителями того или иного языка в условиях психолингвистического эксперимента» [Трофимова, Трофимова, 2003, с. 53].

В результате серии экспериментов нами были получены реакции от носителей монгольского и русского языков. Рассмотрим их более подробно:

1. Эксперименты с носителями монгольского языка: Восприятие эмоций.

Ролик 1. Большинство носителей посчитали, что это – страх (испуг) – 13 ответов (30%), чуть меньше удивление – 12 ответов, а 18% респондентов дали описательные реакции (дурак, нормально, задумчи-

вость, кричать, плакать, в шоке, устать). Что касается тенденции к использованию тех или иных звуков для обозначения этой эмоции, можно сказать, что абсолютным лидером из гласных является передний [а], далее по частотности идут гласные [у], а также гласный [и], [о]. Из согласных – глухой, заднеязычный [х], а также сонанты [р], [н], [л] и [с].

Ролик 2. Практически полное совпадение по идентификации эмоции – 76 радость, а также варианты удовольствие, восторг, счастье, удовлетворение, ликование, восторженность и т.д. Из гласных преобладают [а], [э], и [и], из согласных – [х], [м], [л] и [д].

Ролик 3. Мнения информантов при опознании данной эмоции разошлись. Большинство носителей определили «удивление», однако как отвращение (презрение, неприязнь) эту эмоцию определили 12 человек, злость (гнев, негодование) – 18 человек. Остальные ответы распределились в зонах сожаления (1), возмущения (3), обиды (2), отчаяния (1), горя (2), переживания, огорчения (2), радость (2) и т.д. В области использования звуков из гласных преобладает [а], затем идут [и] и [у], [о]. Из согласных – [х], [р], [н].

Ролик 4. Респонденты также определили эмоцию как удивление (изумление, недоумение, неожиданность) – 42 случая, гнев – 26, грусть – 8 остальные случаи единичны. Что касается использованных звуков, то из гласных доминируют [а], [о], [у]. Из согласных преобладают [н], [л], [м] и [м’].

Ролик 5. Ответы информантов распределились следующим образом – «горе» – 28, «отчаяние» – 7, «печаль» – 6, «обида» – 5, «разочарование» – 4, «страдание» – 3, «гнев» – 4, остальные реакции единичны (задумчивость, обидеться, плакать и т.д.) Из гласных в абсолютном большинстве гласный [а], затем по уменьшению частотности – [и], [о], [у]. Из согласных – [н], [р], [х], [с].

Ролик 6. Эмоция «гнев – возмущение». Респонденты определили эту эмоцию как «гнев» – 18, «злость» – 5, «возмущение» – 10, «ненависть» – 5, «страх» – 3, «негодование» – 2, «печаль» – 2, «оскорбление» – 1, что практически соответствует шкале интенсивности эмоции (возмущение, негодование, злость, гнев, ярость). Для вербализации данной эмоции респонденты использовали гласные [а] – в подавляющем большинстве, затем идут гласные [у], [и] и [о]. Из согласных преобладают [р], [м], [н] и [х].

Ролик 7. С «удивлением» эмоцию связали 12 информантов, остальные ответы варьировались от «гнев» – 13, «убеждение» – 2, «недовольство» – 1, «грусть» – 3, остальные крайне редки (ругать, плакать,

волноваться, оправдания, решительности, упрёка, и т.д.) При вербализации использованы гласные [а], [у], [о], [и] и из согласных – [р], [н], [х], заднеязычный [г], [л] и [м].

Ролик 8. Эмоцию «гнев – ярость» опознали 49 респондентов. Остальные ответы распределились следующим образом: «злость» – 6, «возмущение» – 5, «негодование» – 3, «раздражительность» – 3. Остальные представлены такой лексикой как «ругать, сожалеть, кричать, распорядиться, в шоке и т.д.» Наиболее частотны гласный [а], [о], [у], согласные [р], [н], [х], [с], [л], [м].

2. Эксперименты с носителями русского языка (в качестве фона в процессе анализа результатов эксперимента, проведенного М.Э. Сергеевой, используются экспериментальные материалы, полученных от данных стимулов на носителях русского языка): Восприятие эмоций.

Ролик 1. На нем изображен мужчина, испытывающий страх. Однако большинство носителей посчитали, что это удивление (с вариантами неожиданность, сильное удивление, обескураженность, шок, изумление, растерянность, недоумение) – 29 ответов, чуть меньше – страх (испуг) – 21 ответ. Примечательно то, что в одном ответе иногда «сливались» обе эмоции, например, удивление+страх или страх, удивление. Что касается тенденции к использованию тех или иных звуков для обозначения данной эмоции, можно сказать, что абсолютным лидером из гласных является непередний [а], далее по частотности идут также непередние [о] и [у], а также гласный переднего ряда [и]. Из согласных – глухой смычный [т], а также сонанты [м] и [р].

Ролик 2. Изображен мужчина, испытывающий эмоцию «радость». Практически полное совпадение по идентификации эмоции – 34 радость, а также варианты восторг, счастье, удовлетворение, ликование, восторженность и т.д. Из гласных преобладают [а] и [и], из согласных – [р] и [м].

Ролик 3. Изначально предполагалось, что мужчина в ролике испытывает эмоцию «отвращение», однако мнения информантов разошлись, все они находятся в негативной плоскости, однако как отвращение (презрение, неприязнь) эту эмоцию определили 14 человек, далее злость (гнев, негодование) – 14, остальные ответы распределились в зонах сожаления (3), возмущения (4), обиды (3), отчаяния (3), горя (2), переживания, огорчения (3) и т.д. Что касается использования звуков, то из гласных это [а], затем [и] и [о], [у]. Чаше чем в других случаях, используется гласный [ы]. Из согласных – [к] и [н], несколько реже – [т] и [р].

Ролик 4. Изображена эмоция удивление. Респонденты также определили эмоцию как удивление (изумление, недоумение, неожиданность) – 33 случая, непонимание – 8, недоверие – 2, внимательность – 2, остальные случаи единичны. Что касается использованных звуков, тоиз гласных доминируют [а], [и], [о], [у]. Из согласных превалирует [м], менее частотны [н], [т], [к].

Ролик 5. Предполагаемая эмоция – «печаль». Ответы информантов распределились: – «горе» – 10, «отчаяние» – 7, «расстройство» – 7, «печаль» – 5, «обида» – 5, «разочарование» – 4, «страдание» – 3, «огорчение» – 4 и тд. Исходя из градации эмоции «печаль», в эту группу вошли следующие варианты – неудовольствие, досада, отчаяние, огорчение, грусть, печаль, тоска, горе, скорбь, итого 25 вариантов. Из гласных в абсолютном большинстве гласный [а], затем по уменьшению частотности – [и], [о], [у]. Из согласных – [т], [н], далее примерно в равном количестве [к], [п], [м], [р]. Примечательно использование мягких [л^ʹ], [м^ʹ].

Ролик 6. Эмоция «гнев – возмущение». Респонденты определили эту эмоцию как «гнев» – 16, «злость» – 15, «раздражение» – 5, «возмущение» – 3, «ненависть» – 5, «ярость» – 3, «негодование» – 2, «оскорбление» – 1. По шкале интенсивности эмоций (возмущение, негодование, злость, гнев, ярость). Подавляющее большинство эмоций, составляющих поле «гнева» – в ослабленном значении. Для вербализации данной эмоции респонденты использовали гласные [а] – в подавляющем большинстве, затем идут гласные [и], [о], [у]. Из согласных превалируют [р], [т], менее частотны [м], [к].

Ролик 7. Эмоция «удивление» с отрицательным значением. С «удивлением» эмоцию связали лишь 3 раза, остальные ответы варьировались от «возмущения» – 13, «убеждения» – 5, «недовольства» – 3, «непонимания» – 3, «злости» – 3, до «возбуждения» – 2, «несогласия» – 2, «заинтересованности, оправдания, решительности, упрека, и т.д. Выявлен большой разброс использованных звуков – гласные [а], [о], [у], [и], [е]. Из согласных – [н], [т], менее частотны [к], [р], [м], [п].

Ролик 8. В нем представлена эмоция «гнев – ярость», то есть эмоция в своей наивысшей степени. Ответы распределились следующим образом: «гнев» – 14, «ярость» – 13, «злость» – 6, «возмущение» – 5, «бешенство» – 3, «негодование» – 3, «агрессия» – 3, «раздражительность» – 3. При выборе звукобукв для вербализации данной эмоции информанты были единодушны, как ни в каком другом случае, – гласный [а], согласный [р].

Таким образом, наибольшее расхождение в опознании эмоций вызвали эмоции «гнев» в различной степени проявления, «страх» и «отвращение» в видеороликах. Возможно, это связано с некорректностью стимула, а возможно, с более сложным характером самой эмоции: даже в графическом изображении те же радость, печаль, удивление гораздо проще изобразить, чем отвращение, гнев или страх.

Сопоставляя результаты экспериментов на вербализацию эмоций носителями русского и монгольского языков, можно сделать ряд выводов.

1. Опознание эмоций – задача достаточно несложная для носителей языка, однако процент опознания эмоций «радость», «печаль» и «удивление» в положительном значении гораздо более высок, чем с эмоциями «гнев», «отвращение», «страх». Вероятно, более сложная мимическая картинка затрудняет однозначное восприятие этих эмоций.

2. Инвентарь фонем, используемый для вербализации эмоций, довольно ограничен: гласные [a], [o], [y], [и], для монгольского языка [э], согласные сонорные твердые, некоторые взрывные и шелевые, для монгольского более характерно использование заднеязычного [x]. Данную специфику мы склонны связывать с более высокой частотностью вышеуказанных звукобукв в монгольском языке.

3. Анализ звукобукв, использованных при вербализации эмоций, не позволил сделать определенные выводы о ярко выраженном соответствии между использованными звукобуквами и их фоносемантическом значении и теми эмоциями, которые они обозначали. Данный результат можно объяснить спецификой динамического стимула, о котором говорилось выше, а именно комплексом мимики, жестов и движений, который не может быть зафиксирован глазом одним мгновением, как это происходит со статическими стимулами.

4. Что касается наиболее часто используемых звукобукв при вербализации эмоций, можно предположить, что они идентичны тем, которые появились в языке первыми. Предполагается, что возможности голосового аппарата человека были первоначально весьма ограниченны, и он не мог произносить звуки, требующие длительную тренировку голосового аппарата. Как показывают данные физиологии речи, наиболее просты в произношении взрывные согласные *n, б, т, д, к и г* носовой *н*, и гласная *а*. С другой стороны, лингвисты, которые пытались восстановить этапы развития человеческого языка, пришли к выводу, что первые слова человека состояли из согласной, с которой они начинались, и гласной *а*. Из этого следует, что первыми членораздель-

ными звуками, произнесенными первобытным человеком, были *ма, на, па, ба, та, да* и тому подобные.

Так и в псевдословах, полученных от монгольских и русских ин-формантов, можно наблюдать значительное количество гласного *а*, а также *носовых и взрывных согласных*. С другой стороны, наличие именно этих звукобукв связано с их частотностью в языке: в принципе, в большинстве своем фонетический инвентарь монгольских и русских псевдослов совпадает, за исключением гласного [э] и согласного [х] в монгольском языке, которые более частотны по сравнению с русским.

Литература

- Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л., 1974.
Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 2005.
Одончимэг Т. К проблеме экспериментального исследования фонетической значимости звукобукв монгольского и русского языков // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания. Бийск, 2010.
Одончимэг Т. Экспериментальное исследование окказиональной вербализации носителями монгольского языка. Горно-Алтайск. 2009. № 17 (2).
Романов Д.А. Языковая репрезентация эмоций : уровни, функционирование и системы исследований на материале русского языка : дис. ... д-ра филол. наук. Тула, 2004.
Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2009.
Трофимова Е.Б., Трофимова У.М. Общее в частном : фонетические и лексические единицы в пространстве языка. Бийск, 2003.
Филиппова Е.Ю. Окказиональная вербализация зрительных сигналов носителями русского языка : дис. ... канд. филол. наук. Бийск, 2008.
Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008.
Экман П. Психология. М., СПб., 2010.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯЦИИ В ЭКСПЛИКАЦИИ ТЕМПОРАЛЬНЫХ И МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

С.С. Яшкин

Ключевые слова: время, модальность, семантический синкретизм, функциональная амбивалентность.

Keywords: tense, modality, semantic syncretism, functional ambivalence.

Известные критерии классификации языковых категорий [Бондарко, 1976; Трунова, 1995; Verezin, 1969] позволяют квалифицировать темпоральность и модальность как семантические категории, каждая из которых имеет свое определенное основание и отличную от другой систему языковых экспликативных средств. Для категории темпоральности английского языка диапазон значений включает собственно время (настоящее / прошедшее / будущее в прошедшем), характер его фиксированности, или аспект (общий / длительный) и временную соотношенность (перфект / не-перфект) [Смирницкий, 1959; Камп, URL], передающие онтологию динамики событий и явлений физического мира и ментальных операций. То есть по своей природе темпоральность является онтологической категорией. В этом плане модальность определяется как категория, имеющая два основания: онтологическое и гносеологическое, которые составляют базовый признак разграничения внутри категории двух сегментов: объективного и субъективного [Ивин, URL]. Их объединению в единую категорию служит единство семантических констант, выражаемых в терминах модальных предикатов «необходимо», «возможно», «случайно», «невозможно» [Ивин, URL; Трунова, 2003].

Различаясь по содержательному наполнению, рассматриваемые категории имеют – как очевидный факт – разные языковые подсистемы его репрезентации. Обе категории, представляя сущностные характеристики событийности, являются облигаторными в языковой экспликации. Облигаторность закрепляется в формализации языкового экспонента, каковыми являются для темпоральности, в первую очередь, морфологическая категория времени, а для объективной модальности – морфологическая категория наклонения. Если время грамматическое (tense) моделируется однонаправленным вектором от «было» через «есть» к «будет», то грамматическая модальность (mood) представляет

собой структуру сложных причинно-следственных и условных связей, неидентичных для прямых и косвенных наклонений. Нейтральный (безусловный) контекст индикатива передает значение действительности (модальный оператор «необходимо»). В императиве актуализируется значение долженствования с тем же модальным оператором необходимости, что и в индикативе. Разница заключается в наличии в императивном контексте импликации «возможного», что составляет достаточную платформу для реализации «необходимого». В кондиционале «возможность» эксплицируется формой придаточного условного. В контексте суппозитива придаточное условное передает значение «случайного».

Следует отметить, что индикатив как модально слабо маркированный компонент парадигмы наклонений способен передавать более широкий спектр модальных значений, чем любое из косвенных наклонений за счет детерминирующего контекста, включающего придаточное условное. По-видимому, «*if (by any chance) you see him tomorrow*» достаточно близко по смыслу к «*should you see him tomorrow*», и, следовательно, в оппозиции «индикатив / суппозитив» прослеживается тенденция к нейтрализации. Равным образом в определенных контекстах с незначительными смысловыми флуктуациями коррелятивны «*if the flight were delayed <what would your plan incur?>*» и «*if the flight is delayed <what would your plan incur?>*». При совмещении модального и временного планов оказывается, что для модальных экспликаций время иррелевантно. Иррелевантность фактора времени объясняется тем, что все модальные операторы, или модусы, сохраняют свое значение в любом временном ракурсе. Необходимость остается таковой в настоящем, прошедшем и будущем так же, как невозможность, случайность и возможность. Таким образом, точкой пересечения темпоральных и модальных смыслов могут быть только контексты с условным и причинно-следственным содержанием, поскольку условные и причинно-следственные связи соотносимы во времени: причина всегда предшествует следствию, а условия определяют актуализации того и другого, сопутствуя разворачиванию событийной цепи.

Коль скоро это так, возникает вопрос о сущности так называемых «временных модальностей». Проблема заключается в том, что понятие модальности в общенаучном плане достаточно широко, поскольку изначально восходит к латинскому корню со значением «способ», «образ», «размер». В переводе на терминологию лингвистического анализа это означает характеристику объектных признаков через конкретизацию «как» в «как много» (например, «*several years*», «*an hour and a*

half»), «как близко» (например, «soon», «close»), «как долго» (например, «for hours», «quickly»), «как часто» (например, «seldom», «from time to time»). Все это лексические актуализаторы трех основных «модусов» временного плана: «прошедшее – настоящее – будущее» в преломлении к двум другим темпоральным морфологическим категориям английского языка – аспекта (*now, presently, from ... to*) и временной соотнесенности (*since, for, ever, just, yet*). Нетрудно заметить, что большинство из них могут употребляться в контекстах разной временной ориентации: *he phoned me often / phones me / will phone me; then you played your game / you play your game / will play your game; I caught them unawares once / catch them unawares / will catch them unawares* [Nordlinger, URL]. В классификационном плане их можно организовать в некоторые кластеры однопорядковых единиц синкретической семантики, передавая одновременно временное значение и некоторые сопутствующие значения, например, частотности («often – seldom»), регулярности («constantly – regularly – occasionally»), постоянства («generally – usually – ever») пунктуальности («just – yet – already») и т.д.

Особый кластер составляют наречия «always – sometimes – never». В семантической структуре каждого из них присутствует временная сема:

- always – at all times;
- sometimes – at some times but not all the time;
- never – at no time [OALD, 1995].

Однако в зависимости от контекста они могут приобретать разные смыслы, которые восстанавливаются и подтверждаются адекватным перифразом:

(1) *Sara made countless attempts to fix a time with them. But they always seemed to have some previous engagements* (E. Segal).

Наречие *always* в этом примере передает значение повторяемости и постоянства. Определенные контекстуальные показатели (*countless attempts, previous engagement*) свидетельствуют о длительном периоде развертывания ситуации во времени. Использование приема подстановки дает возможность выявить адекватные субституты – *constantly* или *again and again*. Несколько иное приращение смысла наблюдается в следующем предложении:

(2) *The old grads don't just come up for the football games – they are always making “sentimental journeys”* (E. Segal).

В данном случае наречие *always* контекстуально эквивалентно *usually*, производному от *usual*, интерпретируемому как *happening in many or most instances* [OALD, 1995]. В свою очередь содержание *in-*

stance раскрывается через *particular occurrence*. Последнее имплицитно указывает на обязательность наличия некоторых условий для реализации действия, обозначенного в анализируемом примере. Форма изъявительного наклонения глагола-сказуемого позволяет заключить, что ситуация представлена как действительная, то есть в терминах модальных констант, как необходимая. Причинные связи необходимых (в смысле передачи модальных значений) действий и событий демонстрирует следующий пример:

(3) *Whenever a producer wants to open a show in New York, he always tries it out first in a small place like New Haven* (E. Segal).

Несмотря на тот факт, что все наречия, традиционно относимые к подклассу темпоральных, с точки зрения их знаковой сущности являются индексальными, или указательными, характер указательности у них неоднозначный. Так, наречие «*now*» имеет точную точку локализации на временной оси: это реальный момент актуальной речи или виртуальная точка отсчета времени вообще. Хорошо известно, что наречия «*just*», «*yet*», «*already*», «*lately*», «*since*» и некоторые другие определяют действие как непосредственно предшествующее моменту речи. Наречия «*before*», «*after*» фиксируют одно действие или событие относительно другого в определенных временных границах и поэтому также могут быть локализованы в некоторых контекстуально заданных временных границах прошедшего или будущего. Темпоральное содержание наречий семантического кластера «*always – sometimes – never*» является «размытым». Другими словами, в отличие от описанных выше, они не имеют фиксированной локализации на временной оси. Это значит, что временная сема в структуре их значения не может быть интенциональной. Дефиниционный анализ этих лексических единиц показывает наличие в их семантической структуре таких составляющих, как «*on all occasions*» для «*always*», «*on no occasion*» для «*never*», «*occasionally*» для «*sometimes*». Дальнейшее семантическое расширение дает интерпретацию происходящего события, определяемого этими наречиями, как возможного, случайного, необходимого или невозможного в силу обстоятельств, обусловленного другими событиями («*possible or chance happening determined by lucky or unlucky circumstances / conditions*») или вызванного некоторой причиной («*caused by*»). Вместе с тем, как было показано выше, то, что происходит при наличии определенных условий, является возможным, то, что реализуется в силу стечения обстоятельств, – случайным, в то время как необходимое и невозможное независимы от каких-либо условий, но объяснимы с точки зрения причинно-следственных отношений. Таким образом,

становится очевидным, что системная семантика наречий указанного кластера, в отличие от всех других выделяемых кластеров, относящихся к временным, содержит единицы модального характера. Преференциальная актуализация модальной семантики определяет способность наречий «*always*», «*sometimes*», «*never*» встраиваться в любые контексты, независимо от их временного плана:

(4) ... *she had always dreamed of marrying her only daughter in Crist Church, Greenwich ...* (E. Segal).

(5) *I am always on the giving end with Lambros* (E. Segal).

(6) *I will always appreciate everything you gave me while I was growing up* (E. Segal).

Модальная семантика наречий «*always*», «*sometimes*», «*never*» эксплицируется в детерминирующих контекстах, описательно (пример 7) передающих обусловленность происходящего события, а также в нейтральных контекстах, оставляющих условные и причинные составляющие в пресуппозиции (пример 8) или импликации (пример 9):

(7) *The officer nodded, shook his head, and answered Jason softly, «Listen, saba, war isn't like a football match. You can never win by a shutout»* (E. Segal).

(8) *I mean, he smiles a lot when we talk about the escapades of the past. But he never laughs. Nothing seems to amuse him now* (E. Segal).

(9) *My children may grow up in danger, but they will never grow up in shame* (E. Segal).

Вместе с тем, во всех приведенных случаях передача значения невозможности определенного события (независимо от его временной рамки) основывается на наличии как у продуцента, так и у реципиента текста знаний текущей ситуации, а также типичных ситуаций такого рода.

Рассмотрение вопроса о семантике лексического кластера «*always – never – sometimes*» было вызвано необходимостью выявления факторов, воздействующих на их актуализационную способность встраиваться в любой временной контекст. Проведенный анализ позволил установить, что такое синтаксическое поведение данных наречий обусловлено следующими особенностями:

- индексальным характером, предполагающим широкую актуализационную амбивалентность;
- системным семантическим синкретизмом, заключающимся в соположенности в их семантической структуре сем временного и модального характера;

- невозможностью их определенной локализации на временной оси;
- преференциальной контекстуально зависимой актуализацией модальной семы.

Литература

- Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Ивин А.А. Модальная логика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vuzlib.net/beta3/html/1/21277/21292/>
- Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959.
- Трунова О.В. Семантические константы и дискурсная дивергентность форм категории модальности в английском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1995.
- Трунова О.В. Человек познающий и полагающий // Антропологическая лингвистика. Концепты и категории. М.; Иркутск, 2003.
- Berezin F.M. Lectures on Linguistics. Moscow, 1969.
- Kamp H. Tense and Aspect in English [Электронный ресурс]. URL: http://faculty.washington.edu/ogihara/papers/Ogihara_deliv90.pdf
- OALD – Oxford Advanced Learner’s Dictionary : Fifth Edition. Oxford, 1995.
- Nordlinger R., Sadler L. Tense beyond the Verb [Электронный ресурс] URL: <http://privatewww.essex.ac.uk/~louisia/newpapers/c044ns.pdf>

Источник иллюстративного материала

Segal E. The Class. NY, 1995

БЫТИЙНЫЕ ГЛАГОЛЫ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

О.А. Тинникова

Ключевые слова: бытийные глаголы, семантика, хакасский язык.

Keywords: existence verbs, semantic, Chakas language.

Категория бытийности является одной из универсальных, важность данной мыслительной категории объясняется тем фактом, что лексические единицы, выражающие данное понятие, «являются одними из многозначных и многофункциональных» [Кузнецов, 1977].

Семантическое поле «бытийности» объединяет многочисленные группы слов, характеризующих явления как живой, так и не живой

природы, а с другой – как часть группы глаголов психофизического состояния живого существа [Балашова, 1989, с. 3]. Глаголы бытия, связанные с важнейшими философскими понятиями «жизни» и «смерти», всегда привлекала внимание лингвистов, логиков, философов.

«Жизнь» является одним из ключевых в языковой картине мира любого языка в силу того, что человек, ориентируясь во внешнем мире, исходит из простой и ясной предпосылки о факте своего существования («я есть»), а быть для человека – это прежде всего быть живым.

Процесс человеческой жизни состоит из нескольких сюжетных линий, которые связаны с отношениями человека к другим людям, образом его жизни, способом существования, местом его проживания.

В данной статье мы рассматриваем глаголы и фразеологические сочетания со значением «жить» в хакасском языке. Глаголы со значением «жить» передают различные аспекты существования человека, например, жить где-либо, жить с кем-либо, жить каким-либо образом и др. Здесь мы анализируем глаголы и фразеологические сочетания, в значение которых входят такие семы, как «жить, существовать», «жить каким-либо образом», «жить, сожительствовать, жениться». Анализ подгруппы глаголов проводится с точки зрения их семантики, определяющей эмоциональное и физическое состояние человека, его поведение и социальное положение.

Микрогруппа «жить, существовать»

Эту микрогруппу группу составляют глаголы и устойчивые сочетания, характеризующие биологическое существование человека, противопоставленное смерти. Сюда входят *чурта* = «жить, проживать, обитать», *хон* = «жить (существовать)», *изен-хазых чөр* = «жить-поживать, пребывать в добром здравии» (буквально, живым ходить), *час ал* = «долго жить (буквально, брать года)», *час чаза* = «жить долго (буквально, украшать года)».

Базовым глаголом этой микрогруппы является глагол *чурта* = «жить, проживать, обитать», который в ХРС¹ имеет такие значения: 1) жить, проживать, обитать; а) жить в бедности / богато; б) перен. владеть жалкое существование; 2) жить, сожительствовать; (жениться). *Иргі тустарда пістің чирде хыргыз чоны чуртаан* (ЧТ, 8) – В древние времена на нашей земле жили киргизы. *Олар пос чуртазынаң чуртапча* (ГК, Т, 44) – Они живут своей жизнью. *Олар постары даа чуртап*

¹ Хакасско-русский словарь. Новосибирск, 2006

пiлбееннер, пасказына даа чуртирга тирбецеңнер (НТ, ТКО, 33) – Они сами не умели жить, еще и другим жить не давали.

Глагол *хон* = ‘жить (существовать)’ в ХРС имеет 3 значения: 1) ночевать где-либо, останавливаться на ночлег у кого-либо; 2) жить, существовать; 3) быть в супружестве, вступать в супружество; пожениться. *Чахсы хоньп одырчазар ба?* – Благополучно ли живете? *Пала өскіріп, чахсы хон чадыңар* – Растя детей, живите благополучно.

Глагол *ирге* = ‘фольк. жить, быть, существовать’ встречается только в фольклорных текстах. В настоящее время не употребляется. *Хадарган малнын ээзі, хоорай чахсы чоннын пазы артых күстіг, погда төреен Көчен хан иргептір* (ЧТ, 24) – Хозяином пасушегося скота, вождем народа хоорай. *Аның ічезі Модардаң килген кізі иргептір* (ЧТ, 24) – Его мать жила с человеком, который был родом из модар.

Биологическое существование человека в хакасском языке может выражаться устойчивыми сочетаниями *изен – хазых чөр* = ‘жить-поживать, пребывать в добром здравии’, *час ал* = ‘долго жить (буквально, брать года)’, *час чаза* = ‘жить долго (буквально, украшать года)’. *Изен-хазых чөр, харындас, пісті хақан даа сагын чөр* – Живи в добром здравии, брат, нас не забывай. *Мының алнында чон час чазақаң* – Раньше люди жили долго. *Опрасин иней час чазаан кізі полган* – Бабушка Ефросинья была человеком, которая жила долго. *Чанков ирепчі час алган кізілер* – Супруги Чанковы люди, которые жили долго.

Микрогруппа «жить каким-либо образом»

В хакасском языке широко представлена группа глаголов, характеризующих образ жизни или способ существования человека. В эту микрогруппу мы включили следующие глаголы и фразеологические сочетания: 1) *мөте* = ‘фольк. жить в достатке’; 2) *чырга* = ‘жить в достатке’; 3) *хызык* = ‘нуждаться, нищенствовать, бедствовать’; 4) *чудан* = ‘бедствовать, испытывать нужду’; 5) *ырга* = ‘жить своим трудом’; 6) *чобал* = ‘жить в страданиях, мучениях’; 7) *иле* = ‘жить, испытывая физические и нравственные страдания’; 8) *порастан* = ‘жить, перебиваться’; 9) *азахтаң түс* = ‘разориться, обнищать (буквально, падать с ног)’; 10) *мойнында одыр* = ‘жить на иждивении кого-либо (буквально, сидеть на шее)’; 11) *хан іс* = ‘жить за чужой счет (буквально, пить чью-либо кровь)’; 12) *хол хыхса чурта* = ‘жить в нужде, бедности (буквально, жить в короткую руку)’; 13) *кізіде чөр* = ‘служить, работать, батрачить (буквально, ходить у человека)’; 14) *азахха пик тур* = ‘жить зажиточно (буквально, крепко стоять на ногах)’; 15) *инег-чобаг көр* = ‘жить,

страдать (буквально, горе мыкать); 16) *итки-сасхыда чөр* = ‘жить, испытывая унижение’; 17) *кизи холы көр* = ‘жить на чьем-либо иждивении (буквально, смотреть на чью-либо руку)’; 18) *күн көрбе* = ‘жить, не видя хорошей жизни (буквально, не видеть солнца)’; 19) *пиленге одыр* = ‘жить на готовом, быть нахлебником; иждивенцем’.

Эти глаголы мы подразделяем по типу дифференциальных сем (далее ДС) на такие группы как:

1. ДС ‘жить в достатке, богато’, которая выражается такими глаголами как *мөте* = ‘фольк. жить в достатке’, *чырга* = ‘жить в достатке’, *азахха пик тур* = ‘жить зажиточно (буквально, крепко стоять на ногах)’.

Глагол *мөте* = ‘фольк. жить в достатке’ встречается только в фольклорных текстах. В настоящее время не употребляется.

<i>Изебі чох ікі харындас,</i>	Хозяевами пасущегося скота
<i>Халых чонның ханы-пигі полып,</i>	Стали оба могучих брата.
<i>Арыз-сіліг ікі харындас</i>	Став ханами народа,
<i>Анда чырган, мөтеп халганнар.</i>	Два прекрасных брата Жили там, наслаждались.

Глагол *чырга* = ‘жить в достатке’ в ХРС имеет следующие значения: 1) получать удовольствие, наслаждаться довольством, достатком; а) жить, имея все в достатке; б) жить припеваючи; 2) угощаться, кормиться.

Көчен хан тузында хоорай чоны пір дее Ханга албан-чага төлебечен, пос алынча чырган чуртапчатчан (ЧТ, 24) – Во времена хана Кочена народ хоорай ни одному хану дань не платили, самостоятельно жили в достатке. *Агаа ниме, пиленде чырганча, иртөк чадыбысча, майыхпинча, чада чінче* (ГК, Т, 22) – А ему хоть бы что, живет в достатке, на готовом, рано ложится, не устает, ест лежа.

Сочетание *азахха пик тур* = ‘жить зажиточно (буквально, крепко стоять на ногах)’. *Ол чылларда Онтуп осхас азахха пик турчатхан кизи көп полган* – В те годы как Антип было много людей, которые жили зажиточно.

2. ДС ‘жить плохо’ в хакасском языке выражено глаголами *хызых* = ‘нуждаться, нищенствовать, бедствовать’, *чудан* = ‘бедствовать, испытывать нужду’, *азахтаң түс* = ‘разориться, обнищать’, *хол хысха чурта* = ‘жить в нужде, бедности’. *Хызыххан кизіні хыйыхтаба* – Не обижай живущего в нужде. *Хызыхханда, хыгыр турбын, тарыхханда, тарых турбын* (фольк.) – Когда бедствую, то зову, когда сержусь, то сержусь. *Пайларга пирбесчкпін, піди чуданмаан ползабыс* (ГК, Т, 23) – Не отдавала бы богачам, если так не испытывали нужду.

3. ДС 'жить своим трудом' в хакасском языке передается глаголом *ырга* = 'жить своим трудом'. *Чуртас тооза ыргап, пайып таа полбаан* (Инф) – всю свою жизнь живя своим трудом, даже не разбогател.

4. ДС 'жить за чужой труд, за чужой счет' передается сочетанием *мойнында одыр* = 'жить на иждивении кого-либо (буквально, сидеть на шее)', *кізі холы көр* = 'жить на чьем-либо иждивении (буквально, смотреть на чью-либо руку)', *пиленге одыр* = 'жить на готовом, быть на хлебником; иждивенцем'. Хак. *Кічиг ооллары пабазының мойнында одырчадыр* (ХЧ) – Их младший сын живет у отца на иждивении. *Кинек пол парып, киреенче кізі холы көрген* (Инф) – Став инвалидом, до старости лет жил на иждивении. *Чиит ооллар тогынмин, пиленге одырчалар* (Инф) – Молодые парни не работая, живут на готовом.

5. ДС 'жить за чужой счет, жестоко его (их) эксплуатируя' в хакасском языке выражается глаголом *пазын* = 'жить за чужой труд, эксплуатировать' и фразеологическим сочетанием *хан ис* = 'жить за чужой счет (буквально, пить чью-либо кровь)'. *Ишь, чобагдагы чабыс-өкістерні пазынарга* (ГК, Т, 30) – Ишь, эксплуатировать сирот, живущих в страдании. *Піс, пайлар пол парып, пайирга маңнанмаан чох-чоостарны пазын сыгарчыхпыс* (НТ, ТКО, 23) – Став богачами, мы эксплуатировали бы бедняков, которые не успели разбогатеть.

6. ДС 'жить очень тяжело, мучаясь, мучениях' передается глаголами *иле* = 'жить, испытывая физические и нравственные страдания', *хыйалан* = 'жить в мучениях, страданиях', *чобал* = 'жить в страданиях, мучениях', *порастан* = 'жить, перебиваться', *күн көрбе* = 'жить, не видя хорошей жизни (буквально, не видеть солнца)', *инег-чобаг көр* = 'жить, страдать (буквально, горе мыкать)', *иткі-сасхыда чөр* = 'жить, испытывая унижение'. *Нога иди миниң чоным илеп турзың?* – Почему живешь в страданиях мой народ? *Ол апсагынаң угаа чобалып чуртапча* – Она со своим мужем живет в мучениях. *Антиптиң палалары хыйаланып чуртапчалар* – Дети Антипа живут в страданиях.

7. ДС 'жить в унижении'. В хакасском языке имеются такие фразеологические сочетания как *кізі хыйыгы пол* = 'жить в унижении (буквально, быть унижением человека)', *чабал иттир* = 'жить в унижении (буквально, быть униженным)'. *Хайдаг даа сидік полза, кізі хыйыгы полба* – Как бы не было тяжело, но не живи в унижении. *Мының алнында чох-чоостар пайларга чабал иттиргеннер* – Раньше бедняки жили в унижении у баев.

Микрогруппа «жить, сожительствовать, жениться»

Жизнь человека связана отношениями с другими людьми. Эти отношения могут быть разного рода: сосуществование, проживание с кем-либо, вступление в брак (создание семьи) и т.д. В этой микрогруппе мы рассматриваем глаголы и фразеологические сочетания, в значении которых сема «жить, сожительствовать, жениться» является основной. Таковыми являются *хоных хон* = ‘жить, пожениться’, *чуртап сал* = ‘жить, пожениться’, *ирге пар* = ‘жить, выходить замуж’, *ипчі ал* = ‘жить, жениться’, *ир идін* = ‘жить, сожительствовать с кем-либо’, *сөске кір* = ‘согласиться выйти замуж’, *хыс тарт пирерге* = ‘сосватать девушку’.

Сочетание *хоных хон* = ‘жить, пожениться’. *Тус читсе, көңніңе кірген хыснаң чоохтазып, киліссе, хоных хон таа саларга аябасчыг* (ВТ, ИТ, 156) – Когда придет время, пообщавшись с девушкой, которая тебе понравится, если получится, то можно было бы и пожениться. *Кукайнаң Күдүр туюххан хоных хон салганнар* (ВТ, ИТ, 136) – Кукай с Кудуром скрытно поженились. *Ирің хайди ле синнең хоных хонды ни* (ГК, Т, 43) – Как на тебе женился только твой муж?

Глагол *чуртап сал* = ‘жить, пожениться’. *Чаа полбаан полза, олар чуртап саларчыктар* – Если бы не война они бы поженились.

Глагол *ирге пар* = ‘жить, выходить замуж’. *Пастап чоохтасхан хызы, аннаң ұр дее чөрбин, ирге парыбысхан* (ВТ, ИТ, 156) – Первая девушка, с которой он дружил, с ним не долго повстречавшись, вышла замуж.

Сочетание *ипчі ал* = ‘жить, жениться’. *Ипчі ам даа ал полбинчазың ма?* (ВТ, ИТ, 108) – *Пөріс хан Ояны ипчее алча* (ГК, Т, 111) – Хан Порис женится на Ое.

Глагол *ир идін* = ‘жить, сожительствовать с кем-либо’. *Ол чиит оолахты ол ипчі ир идінче* – Эта женщина сожительствует с молодым парнем.

Устойчивое сочетание *сөске кір* = ‘согласиться выйти замуж’. *Чүреене чатпаза даа, сөске кірерге киліскен хысха* – Хотя и не по душе был, но пришлось согласиться выйти замуж.

Устойчивое сочетание *хыс тарт пирерге* = ‘сосватать девушку’. *Отыс часха чит парган оолгына ічезі хыс тарт пирген* – Мать сосватала девушку за своего тридцатилетнего сына.

Таким образом, в хакасском языке существует целый ряд глаголов и фразеологических сочетаний, характеризующих жизнь человека.

Литература

- Алпарова Д.Р. Объектный аспект концепта «жить» в русском и немецком языке // Коммуникативно-функциональное описание языка. Уфа, 2001.
- Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.
- Балашова Л.В. Структура семантического поля жизни/смерти в современном русском языке // Вопросы исторической семантики русского языка. Калининград, 1989.
- Валиахметова Э.К. Сопоставительный анализ ядерных компонентов функционально-семантической сферы «жить» в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1999.
- Васильев Л.М. Системный семантический словарь русского языка. М., 2000
- Гафарова Г.В., Кильдибекова Т.А. Когнитивные аспекты лексической системы языка (на материале функционально-семантической сферы «жить»). Уфа, 1998.
- Заметалина М.Н. Устойчивые сочетания и фразеологические единицы ФСП бытийности // Филологический поиск. Волгоград, 1993. Вып. 1.
- Хакасско-русский словарь. Новосибирск, 2006
- Чудинов А.П. Общая характеристика глаголов биологического существования в современном языке (парадигматика) // Исследования по семантике. Уфа, 1980.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОСВОЕНИИ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЕТЬМИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА (ПО ДАННЫМ СПОНТАННОЙ РЕЧИ)

А.А. Бондаренко

Ключевые слова: морфология, гендерные различия, онтолингвистика.

Keywords: morphology, gender differences, ontolinguistics.

В данной статье представлено исследование, направленное на выявление гендерных особенностей детей дошкольного возраста в освоении грамматики родного языка.

Область лингвистики, изучающая речь детей и получившая название «онтолингвистика», активно развивается в последние десятилетия.

Одними из наиболее авторитетных отечественных лингвистов, активно работавших и работающих над процессом постижения русскоязычными детьми грамматики родного языка, являются А.Н. Гвоздев, С.Н. Цейтлин [Цейтлин, 2000] и А.М. Шахнарович [Шахнарович, 1991]. Над более детальными, частными вопросами ус-

воения морфологии работают такие ученые, как Я.Э. Ахапкина, М.Д. Воейкова, Н.В. Гагарина, Г.Р. Доброва, Т.И. Зубкова, Ю.П. Князев, Н.И. Лепская, М.Ю. Протасова и др. Среди западных онтолингвистов, исследовавших грамматику детской речи, нельзя не назвать Л. Блум, Э. Бейтс, Д. Слобина, М. Томазелло.

Отечественная онтолингвистика развивается в русле когнитивного подхода, при котором центральной является идея конструктивизма. Согласно данной идее каждый ребенок самостоятельно конструирует систему родного языка (Д. Слобин), в том числе – и грамматику родного языка.

Анализ речевой продукции ребенка является основным методом изучения детской речи [Цейтлин, 2000].

Остановимся подробнее на трактовке нами термина «гендерные речевые различия». На сегодняшний день работы, посвященные гендерным исследованиям детской речи в России, немногочисленны. Существует ряд статей онтолингвистической направленности, в которых освещаются частные аспекты гендерных различий речи детей. В них представлен анализ экспериментов, результаты наблюдений за речью мальчиков и девочек старшего дошкольного и школьного возраста [Салихова, 1996], [Петрова, 2001], [Протасова, 1999], [Овчинникова, 2003], [Доценко, 1998], [Бакушева, 1995], [Чернов, 2003]: речь же детей младшего дошкольного возраста в данном аспекте до сих пор практически не исследовалась.

А.В. Кирилина предлагает следующее определение термина «гендерные речевые различия»: «различия, проявляющиеся в речи носителей языка, в зависимости от их биологического пола и социальной роли, выполняемой в обществе» [Кирилина, 1999, с. 18]. Мы осознаем, что использование данного термина в точной интерпретации применительно к детской речи не вполне правомерно (затруднительно говорить о социальной роли, выполняемой в обществе детьми 3–5 лет), однако нам важна сама мысль о том, что гендерные различия в речи есть результат не только биологического фактора (пол), но и социального (влияние социальной среды, прежде всего речевой – инпута).

Материалом исследования послужили родительские дневники из Фонда данных кафедры детской речи РГПУ им. А.И. Герцена г. Санкт-Петербурга. Всего было проанализировано 19 источников (дневники и расшифровка видеозаписей) различной степени подробности: 11 мальчиков (Ваня Я., Виталий С., Сережа В., Саша А., Саша М., Женя Г., Саша П., Миша М., Боря М., Арсений Ч., Саша С.) и 8 девочек (Варя П., Лиза Е., Алина Б., Катя Б., Аня С., Оля М., Соня С., Надя М.) Из-

за различной степени подробности источников (например, из-за перебива в лонгитюдных записях речи отдельных детей в период возникновения в речи ребенка тех или иных языковых единиц) мы в каждом конкретном случае не имели возможности сопоставлять речевую продукцию всех детей из числа перечисленных и потому были вынуждены ограничиваться материалом речи лишь тех детей, чья речь в указанный период фиксировалась достаточно подробно и полно. Анализ данных спонтанной речи свидетельствует о том, что гендерные различия проявляются в речи детей младшего дошкольного возраста на лексическом и грамматическом уровне языка (фонетический уровень не исследовался нами в рамках данной работы). В данной статье для анализа были избраны те параметры, по которым, согласно полученным нами данным, наиболее существенно различается онтогенез грамматики у мальчиков и девочек. В области морфологии это – появление глагольного императива и словообразовательных инноваций (прямое свидетельство самостоятельного конструирования ребенком слов и их форм); в области синтаксиса – время появления неоднословных предложений, а также высказываний, выражающих просьбу в виде вопроса, и некоторые другие параметры.

Данная статья представляет собой часть исследования, в котором гендерные особенности в освоении грамматики детьми анализируются на различном материале – как на материале лонгитюдных записей спонтанной (то есть специально не организованной) речи детей, так и на материале эксперимента. В данном случае представлен анализ спонтанной речи детей.

А) Описание результатов наблюдений за гендерными различиями в области морфологии и словообразования.

В ходе проведенного нами анализа дневниковых записей было выявлено, что девочки в большинстве случаев раньше, чем мальчики, осваивают морфологию родного языка. Представляется, что проверить данное утверждение, опираясь лишь на анализ записей спонтанной речи, крайне сложно, так как непонятно, когда дети самостоятельно конструируют языковую единицу, а когда – берут из инпута готовые формы (для проверки этого нами был проведен эксперимент, подтвердивший, что девочки в большинстве случаев раньше, чем мальчики, осваивают морфологию; результаты этого эксперимента в данной статье не рассматриваются). Однако даже на примере появления в речи мальчиков и девочек нескольких языковых фактов, например, появления повелительного наклонения глагола или появления словообразовательных инноваций, можно наблюдать достаточно наглядную картину.

По данным, представленным в Таблице 1, очевидно, что девочки (в большинстве случаев) раньше мальчиков осваивают повелительное наклонение глагола – в среднем на 3 месяца (см. строку – «Время (в среднем) появления императива...» в указанной таблице).

Таблица 1. Появление в речи императива¹

Имя	Девочки: возраст в месяцах	Имя	Мальчики: возраст в месяцах
Лиза Е.	22 ²	Ваня Я.	26
Варя П.	15	Арсений Ч.	17
Оля М.	17	Женя Г.	20
Время (в среднем) появления императива в речи девочек	18	Время (в среднем) появления императива в речи мальчиков	21

Данные, отраженные в Таблице 2, свидетельствуют о том, что в речи девочек словообразовательные инновации также появляются раньше, чем в речи мальчиков, – в среднем на 5 месяцев.

Таблица 2. Появление в речи словообразовательных инноваций

Имя	Девочки: возраст в месяцах	Имя	Мальчи- ки: возраст в месяцах
Лиза Е.	21	Женя Г.	23
Варя П.	15	Ваня Я.	27
Аня С.	25	Арсений Ч.	27
Время (в среднем) появления словообразовательных инноваций в речи девочек	20	Время (в среднем) появления словообразовательных инноваций в речи мальчиков	25

¹ Временем освоения императива в детской речи мы считаем не появление первых «застывших» форм типа «дай», а момент, когда форма императива появляется наряду с другими формами этого же глагола, то есть становится частью глагольной парадигмы.

² Данные речи Лизы Е. были подсчитаны ее матерью – М.Б. Елисейевой.

Б) Анализ результатов наблюдений за гендерными различиями в области синтаксиса (на материале спонтанной речи).

Различия в области синтаксиса, по полученным нами данным, проявились главным образом во времени появления в речи детей разных полов контактоустанавливающих вопросов (в речи девочек они появляются раньше, чем в речи мальчиков) и специфике употребления данных вопросов, во времени появления однословных высказываний.

К двухлетнему возрасту, начиная с 1,7¹ у мальчиков и 1,5 у девочек, в речи детей наиболее частотными становятся следующие формы выражения просьбы, обращенной к взрослому: неопределенная форма глагола (*акить* (открыть), *дать* (надуть), *тать* (летать; читать) – Лиза Е. 1,10; *читать* – Арсений Ч. 1,4); повелительное наклонение глагола (*не пей* (просьба не пить) – Саша П. 3 года; *зяни* (звони) *бабе Оле!* – Алина Б. 2,3); средств выражения модальности (типа хочу, надо, давай и тому подобное), в том числе с существительными (*Сяю качу!* – Алина Б. 2,3) и неопределенной формой глагола *...хотю лисять!* – (высказывания в ситуации рисования) Аня С. 2,1; *Надо надуть* – (Дали ей горячий суп) Аня С. 2 года). Характерной чертой речи девочек с 2 лет является употребление повелительного наклонения в обращении к кукле в ситуации игры (*Лежи, лялька. Кушай, ляля* – Оля М. 1,9; *Кукла, одень меня. В этой комнате пойдём?* – при этом одевается сама – Катя Б. 3 года). Для Оли М. к 2,4 года свойственно употребление повелительного наклонения в функции просьбы даже при обращении к солнцу и дождю (*Не надо дуть на меня* – обращается к ветру). Следующим различием в функциональной наполненности употребления неопределенной формы глагола и повелительного наклонения для выражения просьбы является применение данных языковых средств по отношению к себе, отмечаемое существенно чаще в речи девочек, чем в речи мальчиков. Это свойственно Лизе Е. с 1,11 (*закрыть* (дверцу шкафа), *ляг и читай, вылезай скорее, принесем маме, сиди на диване, сиди, Лизочка*), Варе П. с 1,7 (*подними сейчас же*), Оле М. с 1,7 (*поднять*).

У девочек чаще, чем у мальчиков, при выражении просьбы встречается пропуск глагола, иногда с указанием на дополнение или сказуемое (*и мне огурчик* – Катя Б. 2,4; *мама, щетку* – Катя Б. 1,5; *еще* (пить, спать и т.д.), *я* (буду) – Оля М. 1,9). Подобное явление свойственно и речи мальчиков: А.Н. Гвоздев, анализируя дневник речи сына, упоми-

¹ Здесь и далее обозначается возраст ребенка: цифра перед запятой – количество полных лет, цифра после запятой – месяцев.

нает о подобной отличительной черте, свойственной сыну к 1,9 (*еще молока*), но, вероятно, подобное явление более свойственно речи девочек.

В речи девочек раньше, по сравнению с речью мальчиков, появляются этикетные формулы при выражении просьбы, и они чаще встречаются и в общении с «чужими» взрослыми (не членами семьи), и в общении со взрослыми членами семьи: *чашку, пожалуйста, вот эту, пожалуйста*, – Варя П. 1,8 года, просит подать ей не ту чашку, которую ей дали сначала; *Дайте хлеба с маслом, пожалуйста, очень прошу вас* – Катя Б. 2,9 (обращается к родителям во время обеда).

В речи девочек раньше, по сравнению с речью мальчиков, появляется форма выражения просьбы в виде вопроса; *Мама, пойдём гулять, пойдём?* – Катя Б. 1,8. По нашим наблюдениям, у девочек вопрос в данной функции появляется в спонтанной речи к 1,6–1,7, у мальчиков – к 1,9–2 годам. Безличные конструкции (*чай надо купить*) появляются в речи детей обоих полов, по нашим данным, практически одновременно – к 2,4 годам.

Таким образом, отмеченные особенности речи мальчиков и девочек при выражении просьбы представляют отчетливую картину опережения речевого развития девочек, по сравнению с речевым развитием мальчиков, – в среднем на 2–3 месяца.

Особенности речи мальчиков и девочек, отмеченные в период появления однословных высказываний:

Вслед за так называемыми голофразами (однословными высказываниями) в речи детей появляются двух-, а затем и многословные высказывания (см. [Цейтлин, 2000]).

По нашим наблюдениям, у девочек они появляются в среднем в 17 месяцев (Лиза Е. – 19; Алина Б. – 21; Катя Б. – 16; Оля М. – 18; Соля С. – 15; Варя П. – 14; Надя М. – 17). У мальчиков однословные высказывания появляются в среднем в 21 месяц (Миша М. – 22; Саша А – 19; Сережа В – 22; Виталик С. – 22; Ваня Я. – 25; Саша А. – 17; Боря М. – 21). Таким образом, можно видеть, что у мальчиков однословные высказывания появляются в среднем заметно позже (на 4 месяца), чем у девочек.

К гендерным различиям на уровне синтаксиса, отмеченным в ходе анализа спонтанной речи, следует отнести и специфику употребления мальчиками и девочками так называемых «ложных» вопросительных предложений (то есть вопросов, задаваемых не для получения информации). Подобные вопросы в речи детей были условно подразделены нами на 2 группы в зависимости от их функции: контактоустанов-

ливающие и вопросы, задаваемые в ситуации игры, являющиеся частью эгоцентрической речи. Контактустанавливающие вопросы (*Мама, дерево? Трава?* – говорит Алина Б. по дороге домой из детского сада и указывает на них – 2,3; *Это что?* – Ваня Я. показывает бабушке кулак – 2,8 года) свойственны и мальчикам, и девочкам. Однако время их появления, по полученным нами данным, в речи детей разных полов различно. У девочек они возникают обычно к 2 годам, у мальчиков – к 2,3. Вопросы, задаваемые ребенком к игрушкам (в ходе игры), обнаружены нами только у девочек: *Кукла, ты будешь спать? А?* – Катя Б. 2,4. С нашей точки зрения, в подобных ролевых играх девочки подсознательно копируют речь матери. Мальчики реже играют с куклами, выступая в роли «родителей»; возможно, это объясняет то, что в их речи нами не было отмечено подобных «копирований» речи взрослых.

Подведем итоги наблюдений над гендерными особенностями освоения грамматики детьми дошкольного возраста.

1. В речи девочек раньше появляется «активная» морфология – самостоятельное конструирование императива, словообразовательных инноваций.

2. Различия на уровне синтаксиса в речи мальчиков и девочек проявились во времени появления неоднословных предложений, а также высказываний, выражающих просьбу в виде вопроса, и других (у мальчиков соответствующие конструкции появляются позже, чем у девочек).

3. Выявляются различия в особенностях использования девочками и мальчиками различных синтаксических конструкций: девочки применяют их более «творчески» (например, адресуя себе или игрушкам); мальчики же используют синтаксические конструкции более «строго».

Литература

Бакушева Е.М. Социолингвистический анализ речевого поведения мужчин и женщин : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.

Дневники из Фонда данных кафедры детской речи. Институт детства РГПУ им. А.И. Герцена. На правах рукописи. СПб.

Доценко Т.И. Влияние фактора «пол» на внутренний лексикон подростка // Русский язык в его функционировании. М., 1998.

Кирилина А.В. Гендер : лингвистические аспекты. М., 1999.

Овчинникова И.Г. Языковое сознание русского ребенка : гендерный и когнитивный параметры // Возрастное коммуникативное поведение. Воронеж, 2003. Вып. 1.

Петрова Т.И. Отражение особенностей мужской и женской речи в инсценированном квазидialoge // Ребенок как партнер в диалоге. СПб., 2001. Вып. 2.

Протасова Е.Ю. Роль диминутивов в детском дискурсе // Проблемы детской речи. СПб., 1999.

Салихова Э.А. Проблема «пол и язык» (на анализе детской речи) // Язык, система, личность. Екатеринбург, 1996.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок : Лингвистика детской речи. М., 2000.

Чернов Д.Н. Психогенетическое исследование индивидуальных особенностей речи в младшем школьном возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.

Шахнарович А.М. Проблемы формирования языковой способности // Человеческий фактор в языке : Язык и порождение речи. М., 1991.

ФИЛОЛОГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ

От редакции. В ближайших номерах журнала редакция предполагает опубликовать примерные программы ряда учебных дисциплин, вводимых в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению подготовки 032700 – Филология (бакалавриат), и одобренных Советом по филологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию. Программы составлены в соответствии с требованиями ФГОС ВПО с учетом рекомендаций и примерной основной образовательной программы (ПОПП) ВПО по направлению подготовки 032700 – Филология, размещены на сайте Совета по филологии (URL: <http://www.philol.msu.ru/~umo/>). В журнальном варианте программы даются в сокращенном виде и с некоторыми уточнениями.

В настоящем номере публикуется программа дисциплины «Введение в спецфилологию: введение в прикладную филологию», профиль «Прикладная филология». Разработчик: А.А. Чувакин, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и речевой коммуникации Алтайского государственного университета.

ВВЕДЕНИЕ В СПЕЦФИЛОЛОГИЮ: ВВЕДЕНИЕ В ПРИКЛАДНУЮ ФИЛОЛОГИЮ для профиля «Прикладная филология» (с указанием основного языка / языков)

- **Цели освоения дисциплины**

Целью освоения дисциплины «Введение в спецфилологию: введение в прикладную филологию» является получение первоначального представления о прикладной филологии как направлении в филологии, которое занимается решением практических задач, связанных с использованием человеком естественного языка и текстов в различных

сферах коммуникации, и обеспечивает разработку принципов, методов, технологий решения практических задач в различных сферах языковой, литературной, информационно-коммуникационной жизни человека и общества.

2. Место дисциплины в структуре примерной основной образовательной программы

Данная учебная дисциплина входит в раздел «Б.3. Профессиональный цикл. Базовая часть».

Дисциплина представляет собой вариант учебной дисциплины «Введение в спецфилологию», входящий в профиль «Прикладная филология» и открывающий подготовку по названному профилю.

Для изучения дисциплины необходимы компетенции, сформированные у студентов в результате обучения в средней общеобразовательной школе, в процессе освоения дисциплин цикла Б.2 (основы филологии, введение в теорию коммуникации).

Данная учебная дисциплина предваряет систему теоретических и практических дисциплин по профилю, учебную практику и производственную практику по профилю, ориентирует студентов на написание курсовых работ, связанных с исследованием коммуникации и текста как объектов профессиональной деятельности филолога.

Данная дисциплина связана с дисциплинами гуманитарного цикла, изучающими человека в разных аспектах.

3. Требования к результатам освоения дисциплины

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование следующих профессиональных компетенций (далее: ПК):

– способность демонстрировать знание основных положений и концепций в области теории и истории основного изучаемого языка (языков) и литературы (литератур), теории коммуникации, филологического анализа и интерпретации текста, представление об истории, современном состоянии и перспективах развития филологии (ПК-1);

– владение базовыми навыками сбора и анализа языковых и литературных фактов с использованием традиционных методов и современных информационных технологий (ПК-2);

– способность применять полученные знания в области теории и истории основного изучаемого языка (языков) и литературы (литератур), теории коммуникации, филологического анализа и интерпретации текста в собственной научно-исследовательской деятельности (ПК-5).

В результате освоения дисциплины обучающийся должен:

Знать: основные понятия прикладной филологии и ее термины;

Уметь: применять полученные знания в научно-исследовательской и других видах деятельности для решения практических задач в области филологии;

Владеть: первоначальными навыками решения практических задач в области прикладной филологии.

4. Структура и содержание дисциплины

Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетные единицы (72 часа), в том числе 36 аудиторных часов. Ее изучение завершается зачетом.

Введение (лекции – 2 часа; практические занятия – 2 часа; самостоятельная работа – 4 часа).

Внимание современной филологии к тексту и коммуникации, включая Интернет-коммуникацию и виртуальные тексты. Филология теоретическая и прикладная. Прикладная филология как направление в современной филологии и профиль подготовки бакалавра филологии. Курс «Введение в прикладную филологию»: предмет и задачи.

Основания прикладной филологии (лекции – 4 часа; практические и лабораторные занятия – 8 часов; самостоятельная работа – 12 часов).

Прикладная филология как деятельность. Прикладное филологическое знание, его природа.

Прикладной аспект действованиа с объектами филологии – языком, текстом, homo loquens. Исследовательское начало в прикладной деятельности филолога. Коммуникация и текст с точки зрения прикладной филологии. Базовые методы сбора и обработки материала и решения прикладных филологических задач.

Профессиональная деятельность в области прикладной филологии (лекции – 8 часов; практические и лабораторные занятия – 12 часов; самостоятельная работа – 20 часов).

Основные сферы профессиональной деятельности в области прикладной филологии. Сбор и обработка языковых и литературных фактов; создание, доработка и обработка текстов; подготовка обзоров; участие в составлении словарей, выпуске периодических изданий; работа с архивными документами; аннотирование и реферирование; устная и письменная коммуникация (включая Интернет-коммуникацию) как важнейшие задачи филолога-прикладника.

Переводческая, проектная, организационно-управленческая деятельность, преподавание филологических дисциплин и их место в при-

кладной филологии. Риторическая коммуникация, ее значимость в прикладной филологии.

Особенности устной и письменной коммуникации (включая Интернет-коммуникацию) и работы с текстом при осуществлении разных видов профессионально-прикладной деятельности в филологии.

5. Рекомендуемые образовательные технологии

Лекции, практические и лабораторные занятия, самостоятельная работа студентов.

При проведении занятий рекомендуется использование активных и интерактивных форм занятий (компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, проектных методик, мозгового штурма, разбора конкретных ситуаций, коммуникативного эксперимента, коммуникативного тренинга, иных форм) в сочетании с внеаудиторной работой. Удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах, должен составлять не менее 20% аудиторных занятий.

В рамках учебного курса предусматриваются встречи с представителями российских и / или зарубежных компаний, государственных и общественных организаций, мастер-классы экспертов и специалистов в области коммуникативистики (одна – две встречи).

6. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов. Оценочные средства для текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации по итогам освоения дисциплины

При изучении учебной дисциплины рекомендуются следующие виды самостоятельной работы студентов: подготовка к аудиторным занятиям (в соответствии с планами занятий); выполнение отдельных видов самостоятельной работы, предусмотренных рабочей программой учебной дисциплины, в том числе: написание эссе и иных письменных работ, выполнение практических заданий, связанных со сбором и анализом фактического и теоретического материала, поиском материалов в Сети, решение задач, разбор конкретных ситуаций (метод кейса), подготовка к выполнению тестовых и творческих заданий и др.

Выполнение самостоятельной работы студентами контролируется в ходе практических и семинарских занятий, на консультациях, при проверке выполненных заданий, в процессе самоконтроля.

7. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины (модуля):

а) основная литература:

- Алексеева И.С. Введение в переводоведение. М., 2010.
Аннушкин В.И. Риторика: Вводный курс. М., 2006.
Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2007.
Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. М., 2009.
Фоменко И.В. Практическая поэтика. М., 2006;

б) дополнительная литература:

Егорова Л.П. Фундаментальное и прикладное литературоведение. Варианты взаимодействия. ([Электронный ресурс]. URL: http://babuka.ru/referat/philosophy/33_object10116.html)

Кривоносов А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. СПб., 2002.

Кушнерук С.П. Документная лингвистика. М., 2008.

Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. М., 2004.

Речевая коммуникация в современном обществе. М., 2002.

Рождественский Ю.В., Волков А.А., Марчук Ю.Н. Введение в прикладную филологию. Языковая семиотика. М., 1987.

Рязанцева Т.И. Гипертекст и электронная коммуникация. М., 2010.

Чувакин А.А., Кошей Л.А., Морозов В.Д. Основы научного исследования по филологии. Барнаул, 1990.

Шубин Э.П. Языковая коммуникация и обучение иностранным языкам. М., 2002.

Эффективная коммуникация: история, теория, практика : Словарь-справочник. М., 2005;

в) программное обеспечение и Интернет-ресурсы:

Учебная дисциплина должна быть обеспечена учебно-методической документацией и материалами. Ее содержание должно быть представлено в сети Интернет или локальной сети вуза (факультета). Для обучающихся должна быть обеспечена возможность оперативного обмена информацией с отечественными и зарубежными вузами, предприятиями и организациями, обеспечен доступ к современным профессиональным базам данных, информационным справочным и поисковым системам.

8. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Компьютерный класс, оргтехника, теле- и аудиоаппаратура (всё – в стандартной комплектации для лекций, практических, лабораторных занятий и самостоятельной работы); доступ к сети Интернет (во время самостоятельной подготовки и на лабораторных занятиях).

А.А. Чувакин

ФИЛОЛОГИЯ : ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

«Диалог культур: поэтика локального текста» : II Международная научная конференция (Горно-Алтайск, 8–13 июля 2010 года)

II Международная научная конференция «Диалог культур: поэтика локального текста», организованная филологическим факультетом Горно-Алтайского государственного университета, состоялась при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 10-04-61480 г/Т), Министерства науки, образования и молодежной политики Республики Алтай.

В конференции приняли участие литературоведы, лингвисты и культурологи из университетов России (Екатеринбург, Тюмень, Новосибирск, Томск, Барнаул) и Польши.

В ходе конференции были обсуждены проблемы методологии исследования локального текста и способы его репрезентации в словесности; феномен «алтайского» текста русской культуры; семиотические модификации локального текста, а также особенности экспликации локального текста в коммуникативном пространстве.

В ходе конференции прошли два пленарных и три секционных заседания. Пленарное заседание открыла директор Института алтаистики им. С.С. Суразакова кандидат исторических наук Н.М. Екеева (Горно-Алтайск) докладом «Алтай сакральный». Она охарактеризовала Горный Алтай как феномен культуры в его непреходящих исторических, материально-духовных ценностях, подчеркнув необходимость сохранения Алтая как сакральной территории.

Актуальным в рамках проблем конференции стал доклад доктора филологических наук, профессора В.Г. Щукина (Краков, Ягеллонский университет) «Как и при каких обстоятельствах рождается локальный текст?». Доклад доктора филологических наук О.Б. Лебедевой и доктора филологических наук А.С. Янушкевича (Томск, Томский государственный университет) «“Он из Германии туманной...”»: В.А. Жуковский и А.С. Пушкин у истоков русского образа Германии» был посвящен устойчивой реалии русской традиции имагологического описания Германии. В докладе доктора философских наук М.Ю. Тимофеева (Иваново, Ивановский государственный университет) «Конструирование бренда региона: семиотический аспект» рассматривались семио-

тические практики по брендингованию городов и территорий Российской Федерации.

Далее работа конференции проходила в трех секциях: «Алтай как текст культуры», «Мифопоэтика локального конструкта», «Локальный текст в коммуникативном пространстве».

Объектом исследования участников секции «Алтай как текст культуры» стал алтайский текст, который, как и любой другой локальный текст, выступает не просто как некое физическое или историко-культурное пространство, а как интегративный конструкт, обладающий определенным набором семантических констант. Алтай как сакральное пространство представлен в докладе кандидата филологических наук Н.С. Гребенниковой (Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет). Наиболее значимые элементы алтайского текста и доминирующие категории описания топоса были выделены в докладе кандидата филологических наук Э.П. Чининой (Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет). Региональные и общенациональные традиции семейно-бытового романа рассмотрены на примере романа «Любавины» В.М. Шукшина и «Чураевы» Г.Д. Гребенщикова в докладе доктора филологических наук, профессора О.Г. Левашовой (Барнаул, Алтайский государственный университет). Исследованию локуса Каракорума в современной русской литературе был посвящен доклад доктора филологических наук В.В. Мароши (Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет).

Работу секции «Мифопоэтика локального конструкта» открыл доклад доктора филологических наук М.А. Литовской (Екатеринбург, Уральский государственный университет), в котором был представлен развернутый биографический, страноведческий и сюжетно-мотивный комментарий финальной сцены сказа П.П. Бажова «Горный мастер». Пространственные модификации в пьесе современного драматурга Елены Греминой «Сахалинская жена» рассмотрены в докладе кандидата филологических наук Н.А. Муратовой (Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет). Особый интерес в рамках работы секции вызвал доклад кандидата филологических наук С.Ю. Корниенко (Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет), посвященный Неаполю как культурно-эстетическому универсуму и его влиянию на становление и самоопределение молодого М. Волошина.

Доклад кандидата филологических наук Н.О. Ласкиной (Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет) был посвящен эстетическому переосмыслению версальского локального текста в диалоге французской и русской культур. В докладе доктора филологических наук В.В. Десятова (Барнаул, Алтайский государственный университет) рассмотрен фрагмент диалога Гумилева и Мандельштама, в частности, одна из магистральных тем в диалоге двух акмеистов – создание собора святой Софии. Провинциальное пространство в драматургии уральской и тольяттинской школ

исследовано в докладе кандидата филологических наук Л.С. Кисловой (Тюмень, Тюменский государственный университет).

Работа третьей секции была посвящена проблемам локального текста в коммуникативном пространстве. Работу секции открыл доклад доктора филологических наук, профессора А.А. Чувакина (Барнаул, Алтайский государственный университет), в котором докладчик обосновал проект синтаксического словаря по произведениям В.М. Шукшина. Способы организации композиционного пространства текста (на материале рассказов В.М. Шукшина) были рассмотрены в докладе кандидата филологических наук Н.В. Панченко (Барнаул, Алтайский государственный университет). Доклад кандидата филологических наук Л.И. Толстых и кандидата филологических наук Т.Н. Никоновой (Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет) был посвящен исследованию коммуникативно-речевой культуры старообрядцев Горного Алтая.

На закрытии конференции были подведены научные результаты и принято решение об издании сборника материалов. Подводя итог, участники конференции еще раз актуализировали проблему понятийной определенности категории «локальный текст», необходимости выявления типологических черт и параметров локального текста. Особой теоретической рефлексии требуют, по мнению участников конференции, и типы авторства, и уровни описания и интерпретации локального текста.

Конференция высказала благодарность ее организаторам за проделанную работу.

Н.С. Гребенникова

**Международная междисциплинарная
научно-практическая конференция
«Понимание в коммуникации-5»
(Москва, 15–17 февраля 2011)**

15–17 февраля 2011 года в МГПУ (Москва) при участии Института языкознания РАН прошла международная междисциплинарная научно-практическая конференция «Понимание в коммуникации-5». В работе конференции принимали участие более 250 ученых (лингвисты, литературоведы, журналисты, психологи и социологи) из ведущих вузов России, Болгарии, Финляндии, США, Германии, Ирана, Малайзии, Украины, Литвы, Польши, Македонии, Китая, Тайваня. Было заслушано 140 докладов, кроме того, в стендовой сессии было представлено 11 докладов.

На пяти пленарных заседаниях были прочитаны доклады ведущих российских и зарубежных ученых, касающиеся вопросов мониторинга реакций реципиента в различных жанрах речи (профессор Арто Мустайоки, Финлян-

дия), профессионализма в коммуникации (профессор Николс Филипп Мартин, США), нормативных аспектов понимания (кандидат филологических наук, доцент Е.С. Кара-Мурза, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия), международных тестов по языку фарси (профессор Л. Эстаханати, Иран), конструирования стратегий вежливости в студенческих извинениях (профессор Т. Шанмуганатан, Малайзия), понимания синтаксических конструкций в свете функциональной грамматики (доктор филологических наук, профессор Н.К. Онипенко, МГУ им. М.В. Ломоносова – МГПУ, Россия), понимания как стратегии коммуникации (доктор филологических наук, профессор И.Т. Вепрева, УрГУ, Россия), коммуникации в среде автоматического понимания текста (доктор технических наук, кандидат филологических наук, профессор Н.Н. Леонтьева, НИВЦ МГУ, Россия), понимания фразеологизмов (доктор филологических наук, профессор Д.О. Добровольский, ИРЯ РАН, Россия), представления образа человеческого тела в русском языке и русской культуре (доктор филологических наук, профессор Г.Е. Крейдлин, РГГУ, Россия) и др. Самый первый доклад конференции, сделанный профессором Арто Мустайоки, был проведен в форме телемоста с Финляндией.

Во время конференции состоялись пять круглых столов, посвященных проблемам исследования интертекста, вопросам понимания в политических коммуникациях, перехода на двухуровневое образование, исторического понимания в социокультурных коммуникациях и толерантности в современном обществе. На заседании круглого стола «Интертекст» (ведущие – доктор филологических наук, профессор Н.А. Фатеева и доктор филологических наук, профессор Е.Ф. Киров) были прочитаны доклады доктора филологических наук, профессора Е.Ф. Кирова (МГПУ) «Интертекст и гипертекст: общее и различное» и кандидата филологических наук, доцента В.Н. Карпухиной (АлтГУ) «Аксиологические стратегии переводчиков при передаче интертекстуальных элементов художественного текста». Обсуждение проблем интертекста и гипертекста как новой филологической реальности проходило очень оживленно и заинтересованно, участники круглого стола активно продолжили общение и в следующие дни работы конференции. Секция «Лингвистические основы понимания» (модераторы – доктор филологических наук, профессор Н.К. Онипенко (МГУ – МГПУ) и кандидат филологических наук, доцент С.А. Осокина (АлтГУ)), вызвала интерес и у выступающих, и у слушателей. Были прочитаны доклады о возможной функциональной типологии лингвистов (кандидат филологических наук, профессор П.Б. Паршин, МГИМО(У)), о категориальной семантике имени (кандидат филологических наук Е.Н. Никитина, ИРЯ РАН), о непонимании в словаре (кандидат филологических наук, доцент В.В. Шаповал, МГПУ), о возможности понимания в коммуникации (кандидат филологических наук, доцент К.С. Карданова, МГПУ), о фразеологии спортивных газет 1960-х и 2000-х годов (О.А. Казеннова, ИРЯ РАН), об оптимизирующих и девиантных факторах в процессе восприятия и понимания звучащего многостороннего дискурса (доктор филологических наук, профессор Э.Б. Яковлева, Самарский госуниверситет), о нулевой единице как компоненте

структуры устного высказывания (кандидат филологических наук, доцент М.В. Беляева, МГПУ), о функциональных эквивалентах понятий (доктор филологических наук, профессор И.В. Труфанова, МГПУ), об основных проблемах понимания библейских фразеологизмов (кандидат филологических наук, профессор К.Н. Дубровина, РУДН), о тезаурусном подходе к изучению понимания (кандидат филологических наук, доцент С.А. Осокина, АлтГУ), о способах лингвистического исследования прагмонимов (кандидат филологических наук А.А. Исакова, ТНГУ), о функциональной базе синтаксического строя языка (кандидат филологических наук, доцент Е.А. Ванчикова, НГЛУ), о фразеологизмах в фарси и русском в сравнительно-сопоставительном аспекте (Мехди Насери, Иран), о дискурсивных словах как материале языкового понимания в системе языка (доктор филологических наук, профессор В.Н. Шапошников, МГПУ).

В числе других конференционных секций были «Понимание художественного произведения», «Обучение пониманию», «Понимание в массовых коммуникациях», «Понимание в межкультурной коммуникации», «Общение в системе Человек – компьютер», секции, посвященные психологии и прагматике понимания. Тезисы докладов опубликованы на сайте организаторами конференции, активнейшим из которых на протяжении многих лет является доктор филологических наук, профессор Е.Г. Борисова.

Решение участников международной междисциплинарной научно-практической конференции «Понимание в коммуникации-5» (Москва, МГПУ, 15–17 февраля 2011 года). «Участники отмечают, что в целом конференция прошла успешно. Существенным достижением следует считать возросшее внимание к политическим коммуникациям, к проблеме понимания художественных произведений, к проблемам образования. Однако недостаточным был интерес к психологическим процессам, лежащим в основе понимания. Участники считают целесообразным: опубликовать материалы конференции, провести следующую конференцию через год, в 2012 – 2013 учебном году, использовать для контактов сайт <http://efcomconf10.ucoz.ru>. Участники благодарят организаторов конференции: руководство МГПУ, ректора В.В. Рябова, Институт гуманитарных наук (директор В.В. Кириллов, зам. директора по науке А.В. Громова), Институт иностранных языков (директор проректор МГПУ О.А. Радченко, зам. директора по науке Л.Г. Викулова), а также кафедру массовых коммуникаций (заведующий Ю.В. Ярмак), секретаря Оргкомитета Е.Г. Борисову и зам. директора Института языкознания РАН В.З. Демьянкова».

Все выступавшие на конференции получили сертификаты участников. Для гостей была организована экскурсия по памятным местам детства А.С. Пушкина.

В.Н. Карпухина

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

О.А. Ковалев. Стратегия неопределенности в творчестве Ф.М. Достоевского. Разные типы смысловой неопределенности в произведениях Достоевского рассматриваются как проявление его авторских стратегий, в конечном счете – как выражение глубинного противоречия между тягой к однозначности на уровне художественной коммуникации и установкой на постижение сложности и многообразия мира и человека.

O.A. Kovalev. The Strategy of Ambiguity in the Works by F.M Dostoevsky. Various types of semantic ambiguity in Dostoevsky's works are regarded as a manifestation of the author strategies, and, eventually, as an expression of deep contradictions between the disposition for unambiguity at the level of artistic communication, and orientation to comprehend the complexity and diversity of the world and man.

П.С. Глушаков. К вопросу о «поэтике слова» в русской литературе второй половины XX века («традиционная школа»). В статье исследуется русская традиционная (традиционистская) литература, которая представляет собой своеобразное явление, во многом определившее пути развития литературы второй половины XX века. Между тем, данный феномен, по преимуществу, рассматривалось с идейно-нравственной точки зрения, в синхронных литературных, социологических и публицистических дискуссиях. Вопросы поэтики отходили на второй план. Это определяет актуальность постановки проблем исследования поэтики писателей традиционной школы.

P. Glushakov. On «Word Poetics» in the Russian Literature of Second Half of XX-th Century («Traditional School»). In the article the Russian traditional literature which represents the original phenomenon is investigated, it has defined ways of development of the literature of the second half of XX-th century. However the given phenomenon, mainly, was considered from the ideologically-moral point of view. Questions of poetics faded into the background.

Т.Л. Кузнецова. Коми рассказ рубежа XX–XXI веков : особенности художественного развития. Рассматривая особенности художественного развития коми рассказа, автор приходит к выводу, что рассказ обнаруживает неготовность к выработке концептуального взгляда, переживая состояние поисков. В пафосе отрицания рассказ чаще воссоздает весьма субъективное восприятие мира. Он утверждается в дегероизации, концентрируя внимание на обычном, повседневном течении жизни, ее второстепенных моментах и реалиях.

T.L. Kuznetsova. The Komi Story on the Boundary of XX–XXI Centuries : Peculiarities of Art Development. Considering the peculiarities of art development of Komi story, the author comes to the conclusion that the story has unavai-

lability to the development of a conceptual view, going through condition of searches. In pathos of negation the story more often recreates rather subjective perception of the world. It is asserted in de-heroization, concentrating attention on a usual, daily tide of life, its minor moments and realities.

А.С. Гавенко. Метаинтертекстуальность в художественном тексте (на материале русских рассказов 80-х годов XX–XXI веков). В статье рассматривается специфика метатекстовой организации текста современного русского рассказа, исследование которой позволяет выявить новые тенденции в художественном дискурсе. Особое внимание уделяется метаинтертекстуальности как одному из видов метатекстуальных взаимодействий.

A.S. Gavenko. Metaintertextuality in Literary Text (on the Material of Russian Short Stories of the 80-s of the 20th Century–21st Century). The article deals with the specifics of the metatext of modern Russian short story, a study which reveals new trends in literary discourse. Special consideration is given to the metaintertextuality as one of the types of metatext interactions.

О.Н. Копытов. Авторское начало текста и типизированность коммуникации. В статье описываются, с одной стороны, детерминированность и ограниченность авторских интенций жанром, с другой стороны, – объективные возможности автора прорваться через эту ограниченность. Рассматривается понятие «авторское начало текста» применительно к жанрам массовой коммуникации – новости, публицистическому очерку, намечается путь применения этого понятия к исследованию романа. Демонстрируется языковая техника выражения авторского начала и специфика его проявления в каждом из этих жанров.

O.N. Kopytov. Creative Potentialities of the Author Text and the Typification of Communication. The article describes determinacy and limitation by genre of the author's ideas on the one hand, and the author's objective potentials to move beyond that limitation, on the other hand. The concept of "creative potentialities of the author in the text" is considered as applied to mass communication genres such as news, sketch, and, partially, novel. The article demonstrates also the linguistic tools of creative potentialities of the author as well as their specificity in each genre.

И.Е. Ким. Следствие, цель и коммуникативное намерение в семантике социального действия : фрагмент языковой картины мира. Статья посвящена трем аспектам социального действия: физическому, акционально-предметному и коммуникативному, которые представлены тремя моделями действия. Ведущим в семантике социального действия является коммуникативный аспект.

I.E. Kim. Consequence, Goal and Communicative Intention in the Semantics of Social Action : Fragment of Language Picture of the World. The paper discusses three aspects of social action: physical, actional and communicative, those are presented by three models of action. The communicative aspect is the main aspect of the social action.

С.А. Осокина. Тезаурусные связи слова *любовь* в словаре и тексте.

Статья поднимает вопрос о сущности тезаурусных связей слова и специфике их отражения в словарях и текстах. Выделяются основания изучения тезаурусной связи слов как самостоятельной лингвистической категории. Место и назначение тезаурусных связей в палитре языковых отношений исследуется, во-первых, путем анализа тезаурусных словарей, словарей синонимов, антонимов, сочетаемости и русского ассоциативного словаря, во-вторых, путем анализа научных работ, затрагивающих проблемы изучения тезауруса, и, в-третьих, путем анализа фактов языка, отобранных из известных художественных текстов. Непосредственным объектом изучения выступают тезаурусные связи слова *любовь*, их описание в соответствующих словарях и проявление в художественных текстах. На основе сопоставительного анализа тезаурусных связей слова *любовь* в русском ассоциативном словаре и тезаурусных конструкций с данным словом, выявленных из стихотворных произведений А. С. Пушкина, делается вывод о предсказуемости большинства ассоциативных вербальных реакций носителей русского языка, их заложенности в известных текстах художественной литературы. В конце статьи раскрываются направления и научный потенциал дальнейших исследований тезаурусных связей.

S.A. Osokina. Thesaurus Links of the Word *Love* in Dictionaries and Texts. The article researches the problem of thesaurus links and the specific character of their presentation in dictionaries and texts. It also gives the foundations for studying the thesaurus links as a linguistic category which has its own significance. The place and the role of the thesaurus links among the other language relations is studied, first of all, with the help of analysis of thesaurus dictionaries as well as dictionaries of synonyms, antonyms, combinatory, and a dictionary of verbal associations; secondly, with the help of scientific studies which touch on the problems of the thesaurus links; thirdly, with the help of language facts found in famous texts. The main object under observation is the word *love* and its thesaurus links presented in dictionaries and texts. Having compared the results of the thesaurus links analysis of the word *love* presented in the associative dictionary and the thesaurus patterns with this word found in the texts by the famous Russian poet A. S. Pushkin, we came to a conclusion that most verbal associations are predictable because they are formed by the texts of literature. As a general result of the work, the article reveals the perspectives of further research of the thesaurus links.

Д.Ю. Ильин. Реализация национально-культурного компонента в региональном топонимиконе. В статье описываются этнолингвистические характеристики топонимов в языке региона на материале географических названий Волгоградской области. Национально-культурный компонент онимов раскрывается с учетом взаимосвязи интра- и экстралингвистических признаков.

D.Yu. Ilyin. Exteriorization of Ethno-Cultural Constituent in Regional Toponymicon. The article focuses on ethnolinguistic features of regional toponyms that resent geographical names of Volgograd region.

М.В. Влавацкая. Синтагматический аспект лексического значения слова : структура и содержание. В лексическом значении слова, наряду с денотативным и коннотативным аспектами, выделяется синтагматический аспект, функция которого обеспечивать сочетаемость слов в речи. Сложная структура данного компонента объясняется тем, что кроме предписывающих сочетаемость компонентов, он имеет и ограничительные составляющие как экстралингвистического, так и чисто языкового характера. В статье приводится подробное описание структуры и содержания синтагматического аспекта значения слова.

M.V. Vlavatskaya. The Syntagmatic Aspect of the Lexical Meaning of a Word : Structure and Content. The lexical meaning of a word besides denotative and connotative aspects has a syntagmatic aspect, the function of which is to provide collocability of words in speech. The complex structure of this aspect can be accounted for different nature of its components. Except for its prescribing components, it has restricting ones of both extralinguistic and purely linguistic character. The article gives a detailed description of the structure and content of the syntagmatic aspect, which is one of the most significant parts in the lexical meaning of the word.

Ю.А. Юнгеров. Мотив богоподмены в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». В достоевковедении достаточно подробно рассмотрены мотивы бунта и богоборчества. Однако в творчестве писателя эти мотивы трансформировались в мотив богоподмены. Герои Достоевского не просто отвергают Бог или Божьи установления, а подменяют их иными ценностями, близкими по форме к гуманизму и другим сущностям. В статье рассмотрен мотив богоподмены в начальной стадии его формирования.

Y.A. Yungеров. Theme of Replacement of God in the Novel by F.M. Dostoevsky «Crime and Punishment». In Dostoevsky studies, themes of rebellion and struggle with God are examined very thoroughly. In Dostoevsky's works, however, these themes further developed into a theme of replacement of God. In essence, this means that Dostoevsky heroes do not merely reject God or God's commandments, but replace them with other values, related to humanism or other concepts. This article explores the theme of replacement of God in its early stage.

О.В. Марьина. Абзацное членение текста как показатель его расчленения (на материале художественных текстов рубежа XX–XXI веков). В работе обращается внимание на то, как структура абзацев художественных текстов 1980-х–2000-х годов влияет на степень их расчленения; определяется, когда степень расчленения фрагмента текста увеличивается, а когда абзацное членение является показателем интеграции текста.

O.V. Maryina. Paragraph Division of Text as Indicator of its Separation (in Fiction of XX–XXI Centuries). The article finds out that paragraph structure of fiction texts of 1980s–2000s influences their separation. It is investigated when the degree of the text fragment separation increases. Paragraph division can also be an indicator of the text integration.

И.А. Бедарева. Полисемантические тенденции фольклорно-мифологической системы в прозе современной русскоязычной литературы Горного Алтая. Статья посвящена исследованию современной русскоязычной прозы в литературе Горного Алтая, для которой характерно стремление к использованию образов и символов мировой литературы, что особенно отчетливо прослеживается на уровне фольклорно-мифологической системы. Объектом исследования является творчество Кузмы Поклонова, Петра Муравьева, Сергея Адлыкова, Владимира Бахмутова. Во-первых, каждый из вышеуказанных писателей имеет несколько авторских сборников произведений, во-вторых, именно в их творчестве, на наш взгляд, воплотились основные тенденции в развитии фольклорно-мифологической системы в рассматриваемый период.

I.A. Bedareva. Polysemantic Tendencies of the Folklore and Mythological System in Prose of the Modern Russian Literature in Gorny Altai. The paper studies the modern Russian prose in the literature of Gorny Altai, which can be characterized by the tendency of use of images and symbols of the world literature. This is especially clearly seen on the level of the folklore and mythological system. The object of the research combines the creative work of Kuzma Poklonov, Pyotr Muravyov, Sergey Adlykov and Vladimir Bahmutov. Each of these writers is an author of a number of books. The author of this paper thinks that in their creative work the general tendencies in the development of the folklore and mythological system in the studied period can be traced.

Е.И. Клинок. Параметры организации PR-текста как основа его когнитивной модели. Текст рассматривается в аспектах порождения и понимания. Выделяются параметры когнитивной организации – прагматический, семантико-смысловой, интеракциональный. В рамках прагматического параметра анализируется коммуникативная цель текста. Под семантико-смысловым параметром понимается главная мысль, основная идея текста или его макроструктура. Интеракциональный параметр реализуется во взаимосвязи концептуальных систем автора и адресата. Параметры являются центральными элементами когнитивной модели текста. Приводятся принципы построения модели.

E.I. Klink. Organizing Parameters of PR-text as a Base of its Cognitive Model. The text is presented in the production and comprehension aspects. Parameters of cognitive structure (pragmatic, semantic, interactional) are assigned. In the pragmatic parameter communicative aim is analyzed. The semantic parameter corresponds to the main idea of the text or its macrostructure. Interactional parameter is implemented in the interconnection between an author and a recipient conceptual system. All parameters are central components of the text's cognitive model. Principles of model's creation are adduced.

О.Я. Палкевич. Парадокс как фрактал. Настоящая статья представляет собой попытку показать парадокс с точки зрения фрактальной геометрии. При этом выявляются некоторые моменты семантики и прагматики парадокса,

значимые при его употреблении индивидом и обществом, и снимаются отдельные противоречия в изучении данного феномена.

O.Ya. Palkevich. Paradox as Fractal. The following article deals with the paradox in a discrete fractal paradigm. It discusses some moments of semantics and pragmatics of paradox and tries to solve some real and obvious problems in its theoretical representation.

М.И. Кадеева. О национально-культурной специфике картины мира. В статье рассматривается менталитет казахов, основанный на традиционной идеологии и этническом сознании. В этнической картине мира находит отражение особая манера структурирования концепта об универсуме, традиционная для казахов.

M.I. Kadeeva. On National Cultural Specifics of World Concept. The article is focused on the Mentality of Kazakhs, based on traditional ideology and ethnical consciousness. In ethnical picture of the world finds reflection special manner of structured conception about the universe, which is peculiar to the Kazakh traditional culture.

Д.Р. Валеева. Ключевые понятия в области концептологии. Все современные гуманитарные исследования направлены на рассмотрение человека как центральной фигуры в коммуникативном процессе, поэтому они носят антропоцентрический характер. В данной статье автор анализирует определение базовых понятий в области концептологии, в том числе концептуализации, ментальности, концептосферы и концепта.

D.R. Valeeva. Key Concepts in the Field of Conceptology. All modern human studies are devoted to the individual as the central figure in the communicative process, so they are anthropocentric by nature. In the given article the author analyzes the descriptions of basic concepts of the modern conceptology including the conceptualization, mentality, conceptosphere and concept.

Т. Одончимэг. Оказиональная вербализация эмоций при восприятии видео-стимулов носителями разносистемных языков в условиях психолингвистического эксперимента. Данная работа посвящена исследованию особенностей восприятия и последующей окказиональной вербализации эмоциональной семантики визуальных сигналов носителями монгольского и русского языков в условиях психолингвистических экспериментов. Материалом для эксперимента послужили отрывки из российских художественных фильмов без звукового сопровождения (более подробное описание стимулов представлено ниже), в которых действующие лица испытывают те или иные эмоции. Целью экспериментов на материале фильмов, выражающих эмоциональное состояние человека, является выявление особенностей восприятия и вербализации динамических стимулов с попыткой установить возможную связь между звуками, используемыми в псевдословах и теми эмоциями, которые они обозначают.

T. Odonchimeg. Occasional Verbalization of Emotional Semantics of Non-verbal Signals by Mongolian and Russian-speaking Persons in Psycholinguistic Experiment. The article deals with the problem of occasional verbalization of emo-

tional semantics of nonverbal signals by Mongolian speaking persons in psycholinguistic experiment. The author of the article investigates the initial language nomination strategies of emotional constituents of nonverbal signals in psycholinguistic experiment. On this material it is made an attempt to reveal the emotional semantic of sound-letters in Mongol. It proves the necessity of other series of experiments with pseudowords to exclude the influence of semantical meaning on phonetical in the course of a psycholinguistic experiment.

С.С. Яшкин. Семантические корреляции в экспликации темпоральных и модальных значений в английском языке. В статье рассматриваются языковые факторы проявления функциональной неоднозначности единиц семантического кластера «всегда – иногда – никогда» и выявляются сегменты пересечения категориальных значений темпоральности и модальности. Раскрывается проблема «временных модальностей».

S.S. Yashkin. Semantic Correlations in the Expression of Temporal and Modal Meanings in English. The article focuses on language factors determining functional ambivalence of adverbs constituting the semantic cluster «always – sometimes – never». It exposes the interaction segments within the frameworks of the categories of modality and tense. The problem of «temporal modalities» is revealed.

О.А. Тинникова. Бытийные глаголы хакасского языка. Статья посвящена исследованию бытийных глаголов хакасского языка.

O.A. Tinnikova. Existence Verbs of Chakas Language. The article is about the research of ceasing existence verbs in the Chakas language.

А.А. Бондаренко. Гендерные различия в освоении грамматики русского языка детьми дошкольного возраста (по данным спонтанной речи). Цель данного исследования – выявление гендерных особенностей детей дошкольного возраста в освоении грамматики родного языка. Анализ данных спонтанной речи, представленный в статье, свидетельствует о том, что гендерные различия проявляются в речи детей младшего дошкольного возраста на грамматическом уровне языка. В речи девочек раньше появляется «активная» морфология – самостоятельное конструирование императива, словообразовательных инноваций. Различия на уровне синтаксиса проявились в речи мальчиков и девочек во времени появления некоторых синтаксических конструкций, а также специфике их использования.

A.A. Bondarenko. Gender Distinction in Mastering Russian Grammar by Children of Preschool Age (Based on Spontaneous Speech Records). The object of the research is the revelation of the children's gender speech peculiarities in the assimilation of the grammar of mother tongue. The analysis of the spontaneous speech represented in this article shows that the gender distinctions become apparent in the speech of children of the pre-school juniority on the grammatical level of the language, for example "active" morphology as an independent constructing of the imperative and the word-building innovations shows up earlier in the girls' speech. The distinctions, on the level of syntax are revealed in the boys' and girls' speech when using some syntactic constructions as well their specific character.

НАШИ АВТОРЫ

- БЕДАРЕВА,
Ирина
Александровна** – кандидат филологических наук, старший преподаватель Горно-Алтайского государственного университета.
E-mail: bediral@mail.ru
- БОНДАРЕНКО,
Алена Анатольевна** – аспирант Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.
E-mail: bondarenko_aa@mail.ru
- ВАЛЕЕВА,
Динара Рашидовна** – соискатель Казанского государственного университета.
E-mail: v_dinara@mail.ru
- ВЛАВАЦКАЯ,
Марина Витальевна** – кандидат филологических наук, доцент Новосибирского государственного технического университета.
E-mail: vlavatskaya@list.ru
- ГАВЕНКО,
Агнесса Станиславовна** – кандидат филологических наук, доцент Алтайской государственной академии культуры и искусств (Барнаул).
E-mail: shandina_as@mail.ru
- ГЛУШАКОВ,
Павел Сергеевич** – доктор филологических наук, доктор Латвийского университета (Рига, Латвия).
E-mail: glushakovp@mail.ru
- ГРЕБЕННИКОВА,
Наталья Степановна** – кандидат филологических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета.
E-mail: grebennikova_n@mail.ru
- ИЛЬИН,
Дмитрий Юрьевич** – кандидат филологических наук, доцент Волгоградского государственного университета.
E-mail: dilyin99@mail.ru

- КАДЕЕВА,
Майра Исаковна** – кандидат филологических наук, доцент Шымкентского института Международного казахско-турецкого университета им. А.Ясави (Шымкент, Казахстан).
E-mail: kadmi_ru@mail.ru
- КАРПУХИНА,
Виктория Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: vkarpuhina@yandex.ru
- КИМ,
Игорь Ефимович** – кандидат филологических наук, доцент Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск).
E-mail: kimkim271060@yahoo.com
- КЛИНК,
Евгения Игоревна** – магистрант Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: eklink@yandex.ru
- КОВАЛЕВ,
Олег Александрович** – кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: kovalev_oa@mail.ru
- КОПЫТОВ,
Олег Николаевич** – кандидат филологических наук, доцент Хабаровского государственного института искусств и культуры.
E-mail: oleg_kopytov@mail.ru
- КУЗНЕЦОВА,
Татьяна Леонидовна** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар).
E-mail: kuznetsovatl@mail.ru
- МАРЬИНА,
Ольга Викторовна** – кандидат филологических наук, докторант Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: maryina@uni-altai.ru

- ОДОНЧИМЭГ,**
Тумээ – аспирант Алтайской академии образования имени В.М.Шукшина (Бийск), преподаватель Ховдского государственного университета (Ховд, Монголия).
- ОСОКИНА,**
Светлана Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: forlang@filo.asu.ru
- ПАЛКЕВИЧ,**
Ольга Язеповна – кандидат филологических наук, доцент Иркутского государственного лингвистического университета.
E-mail: palkevich@yandex.ru
- ТИННИКОВА,**
Ольга Александровна – аспирант Новосибирского государственного университета
E-mail: sayin@gorodok.net
- ЧУВАКИН,**
Алексей Андреевич – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: chuvakin@inbox.ru
- ЮНГЕРОВ,**
Юрий Александрович – аспирант Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул).
E-mail: yungerov@bk.ru
- ЯШКИН,**
Степан Сергеевич – аспирант Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул).
E-mail: lachesis47@mail.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 18.05.2011. Подписано в печать 30.05.2011. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № .

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета:
г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

© Издательство Алтайского государственного университета.
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66.

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 0,75 авторского листа (30 тыс. знаков с пробелами), научные сообщения – до 0,4 авторского листа (16 тыс. знаков с пробелами), другие материалы – до 0,15 авторского листа (6 тыс. знаков с пробелами).
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Интервал точно 12 пт (полуторный); шрифт – Times New Roman, кегль 12. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode, SILDoulosIPA, SILDoulos IPA93). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в соответствии с действующим ГОСТом Р 7.0.5–2008 и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Неосновной текст, предвещающий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: код по УДК и код по ББК; название (на русском и английском языках), и.о. фамилия автора (на русском и английском языках), аннотации на русском и английском языках (не более 250 слов каждая), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке).
8. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, ауд. 405-а, отв. секретарю журнала Панченко Наталье Владимировне. Почтовые отправления в обязательном порядке дублируются по электронной почте. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: soveto1@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
9. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

Примечания: 1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384.

2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).**

3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.